

роман

БЛЕЙК ЧАРЛТОН

Чаролом

Мастера фантазии

Чарлтон Блейк

Чаролом

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Блейк Ч.

Чаролом / Ч. Блейк — «Издательство АСТ», 2016 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-107459-3

Никодимуса, Франческу и Леандру ожидают новые испытания! По мере того, как хаос распространяется по Архипелагу, Леандра и ее семья раскрывает новые шокирующие факты о вторжении демонов и метаморфозах человеческого языка. Последняя часть трилогии «Чарослов», включенной Kirkus Reviews в число лучших фэнтези последних лет, откроет читателю многие тайны и подарит встречу с любимившимися персонажами.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-107459-3

© Блейк Ч., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	48
Глава 8	50
Глава 9	55
Глава 10	61
Глава 11	68
Глава 12	70
Глава 13	74
Глава 14	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Блейк Чарлтон Чаролом

*Посвящается моему отцу Рендольфу Севилье Чарльтону за
множество прочитанных мне вслух книг и уроки выживания*

*Чем станет океан без чудовищ, таящихся в темноте? Сном без
сновидений.*

Вернер Херцог

Где есть чудовища, там есть и чудо.
Огден Нэши

Серия "Мастера фантазии"

Blake Charlton
SPELLBREAKER

Перевод с английского С. Резник

Печатается с разрешения литературных агентств Sanford J. Greenburger Assoc., Inc.
и Andrew Nurnberg.

© Blake Charlton, 2016

© Перевод. С. Резник, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Часть 1

*Каждый день на белом свете
Где-нибудь рождаются дети.
Кто для радости рожден,
Кто на горе осужден.*

Уильям Блейк «Прорицания невинности»¹

Глава 1

Чтобы проверить пророческое заклинание, попробуйте убить его продавца. Если это удастся, значит, перед вами – мошенник. Именно этим соображением руководствовалась Леандра, когда отравила чернорисовый ликёр контрабандиста.

Они сидели на пятках перед низким столиком из морского бамбука на уединённом берегу при свете двух полумесяцев. Безоблачное небо наполнилось звёздами. По левую руку от Леандры темнела рошица стройных пальм, невысокую травку под ними расчертили лунные тени. Справа чернело море и торчали известняковые скалы – место было известно как залив Стоячих островов.

Катамаран Леандры покачивался между двумя такими островками, чьи узкие мыски разрастались в крутые уступы, затянутые ползучими растениями, где стрекотали папоротниковые цикады. «Горы на ножках» – так когда-то прозвал эти острова её знаменитый отец.

Сидевший напротив контрабандист откашлялся. О встрече в этом заливе к востоку от Шандралу они договорились через ряд посредников. Никаких имён, разумеется, а вот что до смертельно опасной двуличности, то почему бы и нет. Леандра с чистой совестью подняла фарфоровую бутылку с ликёром и плеснула янтарной жидкости в деревянную чашу контрабандиста.

Тот во все глаза следил за её руками, но было поздно. Кончик отравленной иглы, прятанной до поры в рукаве, уже коснулся горлышка. Затем Леандра преспокойно налила ликёра себе, зная, что предыдущая порция жидкости смыла яд.

Контрабандист оказался приятным мужчиной средних лет. Гладкая чёрная кожа, чёрная же борода-клинышек, в которой проглядывало благородное серебро, широковатый нос, большие глаза. Одет в синий лангот и просторную белую рубаху, какие носят люди Лотоса, однако держался он куда свободнее, а его торопливый говорок народ Лотоса посчитал бы неучтивым.

Примечательно, что, пряча продаваемое заклинание, контрабандист обмотал голову повязкой. Местами сквозь ткань пробивалось пунцовое сияние. Леандра воспринимала некоторые божественные языки как красный свет, и сияние подсказывало, что этот человек – действительно тот, за кого себя выдаёт. Иными словами, он наполнял сердце Леандры столь жгучей ненавистью, которая способна превратить любую здравомыслящую женщину в вопящую фурию, готовую выцарапать тебе глаза. К счастью или нет, Леандра здравомыслием не отличалась.

Одной рукой она подняла свою чашу, а другой тайком выбросила иглу. Контрабандист не услышал, как та царапнула песок.

– За ваше будущее.

– За ваше будущее, – эхом откликнулся мужчина, чьё лицо осталось бесстрастным.

¹ Цит. по переводу С. Я. Маршака

Леандра одним глотком осушила чашу. Напиток был чрезмерно пахучим и хмельным, слишком хмельным. Люди Лотоса называли его манданой и пили во время религиозных церемоний, а также при заключении сделок. Прожив тринадцать лет на Иксонском архипелаге, Леандра выпила галлоны этого пойла, так к нему и не привыкнув. Иногда она задавалась вопросом, возможно ли привыкнуть вообще.

Мандана влажно и тяжёло прокатилась по горлу и ударила в ноздри резким, пряным паром. Внутренности словно вспыхнули терпким огнём. Вкус пришёл позже: сладость сахарного тростника, сменившаяся чем-то, что могло быть блевотиной обезьяны, обожравшейся мёда.

В ходе этого маленького алкогольного испытания лицо Леандры сохраняло всё то же приятное выражение. Оно и к лучшему: контрабандист пристально её изучал. Хотя что там было изучать? Невысокая худенькая женщина в бледно-жёлтом платье с длинными рукавами. Чёрный шёлковый платок, туго стянутый под подбородком, скрывал тёмные волосы и белую шею.

Вообще-то Леандра не привыкла к чужим взглядам. Днём она носила вуаль, оставлявшую открытыми только глаза. Её недуг требовал избегать солнечного света.

Как-то раз один любовник Леандры заявил, что в определённых обстоятельствах, взгляд её больших карих глаз кажется обманчиво невинным и даже ранимым. Учитывая повышенное внимание контрабандиста, она надеялась, что эти самые «особые обстоятельства» включают в себя и покушение на убийство.

Мужчина поднёс чашу ко рту и вдруг переменялся в лице. Он так и застыл, глядя мимо Леандры. Там, футах в десяти от них, стоял четырёхрукий Дрюн – божественный защитник Леандры, драчун и давний наперсник.

– О, не обращайтесь внимания на моего телохранителя, – сказала она, тоже оглядываясь на Дрюна, явившегося в своём самом юном облики. – Он у меня и мухи не обидит, если только ему под руки не попадётся чего-нибудь острого... Ах, ну да, действительно. Вижу у него как раз два довольно длинных меча.

Контрабандист уставился ей в глаза.

Леандра покривила душой. Дрюн был смертельно опасен и с голыми руками, но ей нравилось, как прозвучала насмешка. Открыто улыбнувшись, она добавила:

– Похоже, вы не любитель шуток?

– Не сейчас, во всяком случае.

– Какая жалость. В самом деле, забудьте о моём телохранителе. Уверена, ваши люди, прячущиеся в зарослях, смогут добежать до нас прежде него.

Она посмотрела на тени, разбросанные между пальмами. Неопытный взгляд принял бы их за пни или камни, но Леандра насчитала по меньшей мере шесть человек. Ближайший, с внушительным набором приспособлений для протыкания тел, скрючился в шести футах от столика. Леандра дружелюбно кивнула притаившемуся убийце.

Она не позволяла себе мелких вредных привычек, лишь всепоглощающие страсти, и флирт со смертью был из её любимейших.

Контрабандист продолжал таращиться на Дрюна.

– Он ведь не человек, верно?

– Вас навела на эту мысль его четвёртая рука? Или уже третья?

Мужчина поморщился.

– Никогда не знаешь, кого можно повстречать в землях Лиги, особенно на Иксосе. Ваши острова – настоящий паноптикум всяческих полубогов и божественных совокупностей, или как там вы их называете. Так ваш... телохранитель – бог?

– Нет, он совокупность трёх душ: бога рукопашной борьбы по имени Дрюн; его аватары – молодого борца, прозвавшего себя Дрюнарсоном после выигрыша прошлогоднего чемпио-

ната; и богини победы по имени Ника из древнего Облачного культа. То есть он одновременно человек, бог и богиня. Нередкое сочетание для божественной совокупности. Одни части тела человеческие, другие – божественные, и предпочтение тех или иных – полностью на его усмотрении.

– Предпочтение тех или иных?

– Мужчина, женщина... Ну, а кое-какие порты назначения пролегают между тем и этим, если вы следуете моему курсу.

– Боюсь, не совсем.

– Догадываюсь.

Контрабандист посмотрел на её катамаран, чьи корпуса и соединяющий их палубный мост проступали в лунном свете. Леандра почувствовала, что теряет терпение.

– Команда осталась на борту, как мы и договаривались. Не стоит опасаться нападения.

– Что-то не так.

– О чём вы?

– За вами не плыл никакой корабль? – спросил мужчина, оглядывая залив.

– Нет.

– Уверены?

– И команда, и их капитан – из морского народа. Они знают, как скрытно проплыть мимо Стоячих островов.

– А разве до вас не дошли слухи?

– О чём? Что Разобщение, наконец, наступило? Что после тридцати проклятых лет ожидания Лос с демонами Древнего континента подняли свои задницы и пересекли океан?

Тридцать четыре года назад Никодимус Марка и его жена Франческа де Вега сокрушили демона Тайфона. Однако дракон, известный как Саванный Скиталец, успел ускользнуть на Древний континент, чтобы помочь демонам пересечь океан и уничтожить все человеческие языки в Войне Разобщения. Но демоны так и не пришли. Никто не знал, почему. Теперь, после трёх десятилетий ожидания, кое-кто начал сомневаться, что они когда-нибудь придут.

– Нет-нет, – хрюкнул контрабандист, – какое там Разобщение. Слухи о новой человеческой войне. В Верданте – неурожаи. Похоже, Тихое Увядание расплзается по Империи, и императрица Вивиан начинает заглядываться на рисовые и бататовые поля Иксоса. На верфях Абуджи – бурное строительство. Над Триллиноном барражирует свежий, с иголки флот иерофантов.

На лице Леандры не дрогнул ни один мускул, и мужчина продолжил.

– Лига укрепляет северные границы Лорна, посылает корабли на Иксос. Возможно, мир между Империей и Лигой опять даст слабину. Как бы нам на будущий год вновь не увидеть блокаду Огуна или возобновление войны Золотого Меча. Но, полагаю, вам известно об этом куда больше моего.

Леандра не произнесла ни слова. Пухлые губы контрабандиста распялились в ухмылке. В лунном свете блеснули белые зубы.

– Вижу, вы не из болтливых. Славно, славно. Тогда подумайте о том, что война может... положительно сказаться на нашем маленьком бизнесе.

– У вас есть конкретное предложение?

– В Абудже поговаривают о новой силе в Шандралу. Культ Неразделённой Общины, так её называют. Они не поклоняются неододемонам, как прочие секты. Они молятся древним демонам. Империя и Лига утверждают, что истребили всех демонопоклонников, но, сдаётся, кого-то они могли и упустить. Неразделённая Община устала ждать Разобщения и решила его немного поторопить. Слыхали о таком?

– Байки матросни, перебравшей кавы, и ничего более. Обычно за ними следуют сказочки о Плавучем острове.

– Плавучем острове?

– Остров призраков и неодемонов, бороздящий моря вокруг архипелага. Тот, кто попробует высадиться на него, будет проклят, а после смерти возродится в виде лобковой вши или чего-нибудь в таком же роде. По-моему, моряки, скорее, славятся своим воображением, чем как надёжные свидетели.

– То есть, вы полагаете, Неразделённая Община – ещё одна моряцкая байка, вроде пресловутого Плавучего острова?

– Есть хоть одно надёжное доказательство существования этого культа?

– Императрица Вивиан обещает щедрое вознаграждение за такие доказательства. А теперь, когда её сводный братец объявился на Иксосе, я уверен, сумма только возрастет.

Леандра окаменела. Двадцать дней назад Никодимус Марка, сводный брат императрицы, прибыл в Шандралу якобы для того, чтобы произнести метазаклинания, которые позволят божествам процвести в государствах Лиги. На самом же деле он должен был укрепить оборону архипелага в преддверии вероятного имперского нападения. Куда более Леандру тревожило то, что до Никодимуса дошли слухи об Общине и двух неодемонах, нападавших на караваны в окрестностях Шандралу. Так что теперь Никодимус займётся не только помощью своей дочери, госпоже хранительнице Иксоса, но и расследованием её компетентности в качестве таковой.

Леандру это беспокоило по двум причинам. Во-первых, она боялась, что контрабандист сбежит, едва узнает, что Никодимус удвоил число кораблей, патрулирующих залив. А во-вторых, именно она и была дочерью Никодимуса.

Семья – это не слово, это – сентенция.

Уже тридцать лет семья Леандры служила Лиге хранителями. Их задача заключалась в перевербовке или уничтожении неодемонов. Как хранительница Иксоса, Леандра отвечала за усмирение неодемонов на всём архипелаге. Если Никодимус решит, что два демона-мародёра и слухи об Общине свидетельствуют о некомпетентности дочери, он может лишиться её власти.

Пятнадцать дней назад Никодимус с несколькими приближёнными отправился на охоту за одним из неодемонов и должен был вернуться не сегодня-завтра. Леандра не испытывала неприязни к отцу, но надеялась к его возвращению кое-чего добиться, включая сделку с этим не в меру информированным контрабандистом. Она в упор посмотрела на мужчину.

– Обещаю, если выясню что-нибудь о Неразделённой Общине, вы узнаете первым. Однако я не склонна договариваться о новом деле, пока не покончено со старым.

– Ах, да! Ваше провидческое заклинание, – контрабандист поднёс чашу к губам, но вновь остановился и покосился на залив. – Прошу прощения, я... по-моему, я чувую... беду...

Леандра проследила за его взглядом и не увидела ничего, кроме освещённых лунами волн и высящихся известняковых островов.

– Послушайте, нет там никаких кораблей. Никакая армия не прячется под нашим столом. И даже Никодимус Марка, заведи демон его душу, не прыгнет на вас с этих проклятых Богом Богов кокосовых пальм. Я всего-навсего желаю приобрести это пророческое заклинание, хотя, судя по всему, текст, увы, мало что может поведать вам о будущем. В чём именно состоит опасность? Разве ваше заклинание этого не предвидит?

– Оно работает не так. Заклинание позволяет мне чувствовать наперёд.

– Звучит как-то... – она нахмурилась, – не по-человечески.

– Я чувствую эмоции людей, которыми мог бы стать через час.

– И сколько же этих людей?

– Почти бесконечное множество. Я не знаю их всех, конечно, но если кто-то из них испытывает беспокойство, тоже начинаю тревожиться.

– Что же могло их напугать? – Леандра не сводила глаз с лица контрабандиста.

– Значит, вы не видели никаких кораблей у островов?

– Никаких треклятых кораблей. И никаких иных опасностей.

– Хорошо... – он неуверенно посмотрел на свою мандану. – Наверное, я просто перенервничал.

Мужчина поднёс чашу к губам. Леандра склонила голову набок. У него на голове прощечное заклинание, а он собирается пить яд? Похоже, «чувствовать наперёд», что бы это ни означало, не более полезно, чем котелок, слепленный из лорнского масла.

Контрабандист будто оцепенел, таращась в чашу. Нахмурился, опустил её. Поколебался, вновь поднял и вновь опустил. Потом прищурился на Леандру и отставил питьё.

– Что-то не так? – она позволила себе смешок.

– Чем ближе я подношу чашу ко рту, тем в больший ужас ввергает меня моё будущее. Что, ради Создателя, вы туда добавили?

– Экстракт печени иглобрюха, – пожалала плечами Леандра. – Совсем чуть-чуть. Гидроманты называют его тетродотоксином. Старая моряцкая штучка. Капелька местного колорита, так сказать.

– И чем же пахнет эта ваша капелька?

– Ничем, – отмахнулась она. – Только через полчаса во рту начнётся колотьё. Затем ваши лицо и руки онемеют, мышцы расслабятся, и дыхание остановится. Ну, а в качестве подарка судьбы, отныне вы будете прекрасно осведомлены, что паралич приводит к смерти от удушья. Вы пробудете в сознании до самого конца.

– Противоядие?

– Не существует.

– Какая вы, однако, доверчивая.

– Что есть, то есть, – признала она. – Однажды кто-нибудь на этом погорит. А то и не однажды. Но вы не огорчайтесь, я ведь убедилась, что ваше заклинание действует.

– Можно было просто проверить текст, – он поднял с земли тонкий гримуар в кожаном переплёте.

– Нет-нет, – покачала головой Леандра, – что помешает вам продать мне смертный приговор? Или текст с вашей головы, или ничего.

– Мне не выгодно вас убивать. У меня есть ещё кое-что, что я хотел бы вам продать, а вы, надеюсь, могли бы снабжать меня информацией. В следующий раз я прихвачу более серьёзные тексты.

– Тогда я готова удвоить цену. Взамен вы скажете, где взяли заклинание.

Мужчина смерил её взглядом и промолчал.

– Текст такой силы, – она показала на его голову, – нельзя написать. Скорее всего, он – часть божества. Полагаю, вы порубили какого-то имперского божка и продаёте по кускам.

– Не забывайте, имперские чарословы в корне изменили композицию. С помощью метазаклинаний Вивиан они преобразуют правила, – он кивнул на гримуар. – Например, возможность записи коротких богозаклинаний на бумагу.

Прежде богозаклинания могли быть вложены лишь в камень ковчега. Леандра недоверчиво покачала головой.

– Возможно, некий имперский чарослов и записал для вас это богозаклинание на бумагу, но составить подобный текст не под силу человеческому разуму. Расскажите, где и как вы разделяете богов на составляющие, а я в награду разужнаю о вашей Неразделённой Общине. Ну, или, не скупясь, заплачу нефритом.

– Интересно, для чего вам эти сведения? – он всё так же изучающе смотрел на неё. – И насколько они для вас ценны? Есть информация, которая не продаётся никому.

– Не вернуться ли нам к этому разговору, когда наше партнёрство упрочится?

– Как насчёт новой встречи? Скажем, завтра... в городе?

Леандра задумалась.

– Если наша сегодняшняя сделка завершится к обоюдному удовлетворению, то... Завтра мой телохранитель будет ждать вас у Малой Священной заводи. Знаете, где это?

Контрабандист кивнул.

– Приходите туда один. Иначе больше мы не увидимся. Ясно?

– Разумеется. Кстати, не хотите немного рассказать о себе? – спросил он, но, увидев её непроницаемое лицо, быстро добавил: – Не обязательно называть имя или место службы, а хотя бы...

– Если вы узнаете, кто я, мне придётся почти сразу же отправить вас в акульки желудки. Я сказала «почти сразу», потому что сперва вам придётся познакомиться с акульными зубами. А ведь этого не хочется никому из нас.

– И никто из нас этого делать не собирается.

– Прекрасно. Вернёмся к вашему богозаклинанию, – она жестом подозвала телохранителя.

Дрюн мигом поставил перед контрабандистом две небольших шкатулки и открыл их. Первая была заполнена неровными осколками нефрита и шариками опиума. Во второй лежали лорнские металлические пластины и дральские лакированные дощечки, нашпигованные магическими формулами чёрного рынка.

Мужчина переворошил нефрит, потом положил ладонь на сталь и дерево. Видимо, он чувствовал магические тексты. Только чарослов с синестезией был способен на подобное. Кто же он? Волшебник-одиночка? А может, пиромант?

– Отлично, – контрабандист вновь потянулся за своим гримуаром.

– Заклинание с вашей головы, – холодно напомнила Леандра.

– Они совершенно идентичны, вплоть до последнего завитка рун.

Она отрицательно качнула головой.

– Да как я вам его продам-то? Его же нельзя снять.

– Мой телохранитель вам поможет.

Контрабандист покосился на лицо Дрюна. Точнее, на лицо юного Дрюнарсона: смуглая кожа, орлиный нос, густые кудри и редкая бородка. Одет он был теперь в чёрный лангот и чешуйчатый доспех, оставлявший напоказ четыре его мускулистые ручищи. В общем, юная иксонская божественная совокупность до кончиков ногтей.

– Ладно, – мужчина обернулся к Леандре. – Однако прежде чем расстаться с повязкой, должен признаться в маскараде. Я не человек Лотоса.

– Вы поразили меня до глубины души, – невозмутимо ответила Леандра и подалась вперёд. – Что чувствует большинство ваших будущих «я» через час?

– Одни довольны, другие... взволнованы, некоторые даже слишком.

– Ну, вам ещё предстоит провезти свою оплату контрабандой в город или хотя бы вывезти из залива.

Помедлив, мужчина снял повязку. На его лбу багровели строчки. Леандра плоховато знала алый язык, но в наследство от матери ей досталась способность различать божественный текст.

Потом она заметила, что волосы контрабандиста заплетены в серебристые дреды.

– Вы – триллинонец, – сказала она.

Мужчина выглядел до боли знакомым. Они прежде встречались? Нет, это невозможно. И всё же... Ощущение не отпускало.

Дрюн возложил обе верхние руки на затылок контрабандиста. Сияющие письмена отклеились ото лба. Держа строчки на весу, точно ожерелье, Дрюн подошёл к Леандре. Та сняла платок. Нижние руки Дрюна уже лежали на её плечах, правые он поднёс к ушам Леандры. Алый промельк – и... Она ничего не почувствовала.

– А это богозаклинание... – начала, было, она и запнулась.

Что такое?

Совершенно неземное ощущение. Вокруг неё, не задевая саму Леандру, двигались потоки эмоций. Она чувствовала их лишь отчасти, словно наблюдала сентиментальную пьесу в театре теней или слушала трогательную балладу. Но это сочувствие было вызвано не игрой актёров или стихами, а бесконечным разнообразием её собственного будущего. Там было множество всевозможных Леандр. Или множество множеств? Не сосчитать.

Большинство их переживало те или иные оттенки её нынешней тревоги, но некоторые выказывали странные эмоции, сменявшиеся слишком быстро, чтобы их можно было понять. Сосредоточиться на одном из этих невероятных будущих было всё равно что пытаться рукой поймать ящерицу за намазанный маслом хвост. И всё же, всё же... Ум Леандры не мог устоять от погони за ящерицей.

Дрюн вернулся к контрабандисту, извлёк из гримуара цепочку рубиновых строчек и «обвязал» вокруг его головы.

Прикрыв глаза, Леандра сконцентрировалась на своих манящих будущих. Те пытались ускользнуть, однако она успела ощутить в одном из них неприкрытый восторг. Через час. Может, ей удастся узнать личность контрабандиста? Или то, как он потрошит божества? Волнение росло.

С утроенной силой она кинулась вдогонку за этим великолепным будущим, но оно мигом затерялось в океане банальных возможностей.

Значит, требовалось что-то ещё.

Леандра приоткрыла веки. Дрюн поправлял богозаклинание на башке контрабандиста. Ни тот, ни другой не обращали на Леандру внимания.

Её происхождение позволяло отрешиться от своего недуга и тем самым временно обрести беглость в магическом языке, которого в этот момент касалась. В таком состоянии она прекрасно понимала и ломала любой магический текст. По сути, становилась универсальным чароломом.

Воспользуйся она сейчас своим даром, и богозаклинание изменится. А это, несомненно, приведёт к конфликту божественных составляющих её тела, унаследованных от матери, с человеческими, унаследованными от отца. Болезнь обострится, и последствия будут ужасны. И всё же, если ей удастся схватить за хвост своё блистательное будущее, награда оправдывает риск.

По океану будущих прокатилась волна изменений, постепенно трепет охватил его целиком. Одни Леандры продолжали переживать триумф, другие впали в ужас. Новое будущее становилось всё более и более вероятным, и чем больше она думала о нём, тем неуклонно крепла вероятность.

Леандра поднесла руку ко лбу и выпустила на свободу свой недуг. Вскоре начнётся ломота в суставах, нос и щёки покроются сыпью. Не исключено, приступ окажется сильным и будет сопровождаться частым мочеиспусканием, а лицо и руки распухнут. Даст Бог Богов, вспышка не будет столь сильна, чтобы заставить её восприятие расширяться. Но сейчас, когда боль ещё не пришла, Леандра выкинула из головы дурные мысли, и её разум слился с богозаклинанием.

На какое-то мгновение она сделалась прародительницей текста: мелкой, но довольно древней триллионской богиней искусств, красоты и танца. Обнищавшие жрецы за тридцать золотых продали её ковчег контрабандистам. Те посадили богиню в текстовую клетку, после чего взломали ей голову, чтобы вытащить из разума живой язык. При этом её вопли оглушили двоих из них.

В следующий миг Леандра вернулась в себя. Руки мелко дрожали при воспоминании о том, что сотворили сообщники контрабандиста.

Ни тот, ни Дрюн по-прежнему не замечали, что происходит с Леандрой. Наверняка побочный эффект её нынешнего состояния. Когда недуг обострялся, окружающие начинали

лучше понимать магический текст, с которым она работала. К счастью, проникновение в алый язык заставило этих двоих углубиться в строчки на лбу контрабандиста.

Ей захотелось подробнее узнать и то, как родилось заклинание на её голове. Имперский чарослов отредактировал текст таким образом, чтобы он проецировал человеческий разум на час вперёд. Вот только во время приступа Леандра сама становилась скорее текстом, нежели человеком.

Осторожно изменила одно слово в первом предложении богозаклинания, увеличив время своего восприятия будущего в двадцать четыре раза. Никто из смертных, даже её знаменитый папочка, не способен был взломать такое заклинание.

Прежде Леандра возгордилась бы подобным достижением, но сейчас она не почувствовала ничего, кроме ошеломления от своих новых будущих. Если и в одном часе их было превеликое множество, то в сутках это неисчислимое число нужно было умножить на миллион, на сто миллионов.

Она качнулась, силясь не свихнуться в этом калейдоскопическом вихре Леандр. Её смешанный разум постоянно норовил впасть в опасное расширение восприятия, однако такой опасности, как сегодня, Леандра не подвергалась ещё ни разу. Теперь лишь одно хранило её от сумасшествия. Единственное удерживало от того, чтобы обеими руками, будто спьяну, не вцепиться в стол.

Почти треть будущих «я» терзалась раскаянием. Пусть само чувство было до сих пор ей незнакомо, она распознала ужасные эмоции, охватывающие того, кто убил близкого друга, родственника или любимого.

Другая треть «я» испытывала тревогу того, кто бежал от опасности и страдал от всепоглощающей вины за смерть всех, кого любит.

Последняя же треть Леандр не чувствовала ничего. Вообще ничего. А не чувствовали они потому, что были мертвы.

Связанный с богозаклинанием разум, лихорадочно изучив будущее, проанализировал подтекст эмоций и выдал персональное пророчество: в течение следующих суток она будет поставлена перед выбором – умереть самой или убить кого-то любимого; если же она попытается сбежать, как-то обойти пророчество, погибнут все, кто ей дорог.

Леандра вновь переписала заклинание так, чтобы заглядывать только на один час вперёд. Калейдоскоп «я» уменьшился, ослабив напор, толкающий в безумие. Дыхание успокоилось, пульс замедлился. Следовало срочно возвращаться в Шандралу и разобраться с таинственным будущим убийством.

Она поёжилась, припомнив эмоции женщин, которыми ей предстояло стать. И сбежать нельзя, не поставив под удар близких. Обходных путей нет. И так, в течение ближайшего дня ей предстояло убить кого-то, кого она любит, или умереть.

Леандра подняла взгляд на Дрюна. Он с любопытством посмотрел на неё красивыми карими глазами.

Оставался последний вопрос.

Кого?

Глава 2

Пробудившись от ночного кошмара, Никодимус растерянно моргнул, глядя на самого себя. Вернее, на своего двойника.

Двойник, такой же заспанный, таращился на него.

Они лежали в тёмной палатке. Вокруг была влажная ночь. Снаружи гудели тропические насекомые и журчала река.

Никодимус не мог понять, где он и что с ним. Мужчина напротив был им самим: длинные вороньи волосы, оливковая кожа, грудь и руки, покрытые индиговыми татуировками, одет в такой же белый лангот. От Никодимуса его отличала только бледная серебристая аура.

Когда иксонские божества разжигали свои ауры, их нельзя было ни притушить, ни изменить; этому препятствовала сама структура богозаклинания. Ауру разжигали не все боги. Но если уж они на это решались, она однозначно указывала на их божественную суть. Очень полезно на архипелаге, кишашем божками и самозванцами. Аура обычно сияла соразмерно силе божества. Судя по тусклому свету от никодимусова двойника, этот божок был на грани распада.

Может, Никодимус ещё не проснулся? Ему снился кошмар... Но что именно? Тесная тюрьма, слепящий свет. Младенец с лицом взрослой женщины, цепи, вода, подбирающаяся к коленям. У него выпал зуб. И... и... было ещё что-то, пугающее и сладостное, с привкусом неумолимости. Никодимус ушёл в воспоминания...

– Ты не сможешь, – произнёс низкий голос, его собственный голос. – Тебе снилась смерть. Дальше тебе не проникнуть.

– Что-что? – хрипло спросил Никодимус.

– Ты не сможешь вспомнить свой сон, – пояснил двойник.

Жужжание насекомых сделалось громче, отчётливее. Вот завела свою скрипучую песенку лягушка.

– Сны погружают нас в сонную амнезию, заставляющую забывать самих себя и наш мир, – рассеянно и монотонно зашептал двойник. – Они снимают нас с якоря, и мы уплываем прочь, навстречу чудесам, навстречу ужасам. Когда мы просыпаемся, амнезия истаивает, забывая сон с собой. И мы забываем его, точно так же, как перед тем забывали себя. Можно броситься вдогонку, пытаясь поймать свой сон, но тот безбрежен и текуч. На нашу долю остаются лишь крохи, подобные ракушкам и колючим морским созданиям, остающимся на берегу после отлива. Но нам не ускользнуть ото сна. Безбрежному океану не уместиться в морском ложе. Мы просыпаемся самими собой в сухом доке, привязанные к конечному миру.

Никодимус сел, чувствуя себя пьяным.

– Это уже случалось прежде, – продолжил двойник. – Мы расщепляемся во сне, но потом ты всё забываешь.

Никодимусу оставалось только глупо моргать.

– Здесь, – двойник положил ладонь на его плечо.

Прикосновение, лёгкое точно зола, вызвало вспышку воспоминаний. И Никодимус попытался постичь себя.

Кажется, он... незаконнорождённое дитя мелкого остроземского аристократа. Его способность к чарословию была похищена демоном Тайфоном и помещена в Изумруд Арахеста... Нет-нет...

Он – юный ученик волшебника в Звёздной академии, страдающий недугом, именуемым какографией, и портящий каждое заклинание, которого касается. Ещё там было чудовище, убивающее мальчиков, поражённых подобной же болезнью. А может, он был Альционом, героем пророчества, призванным отразить Разобщение. И... Нет, это всё в невозвратном прошлом.

Наверное, он – беглый чарослов, скрывающийся в Авиле и с помощью накожной магии ведущий партизанскую войну с демоном Тайфоном. И, скорее всего, не он, а его сводная сестра, Вивиан, является Альционом. А он же – Буревестник, сторонник демонов. Но... теперь-то он куда старше. Теперь уже никому не известно, кто из них Альцион, Никодимус или Вивиан. По крайней мере, доподлинно...

И тут Никодимус вспомнил, что ему за шестьдесят – средний возраст для чарослова. Его жену зовут Франческой, а дочь – Леандрой.

Тридцать лет назад он с Франческой одолел Тайфона, но дракон, Саванный Скиталец, успел перебраться за океан. Они ждали начала войны Разобщения, но десятилетие шло за десятилетием, а демоны так и не объявились. Интересно, почему?

Вивиан объединила Триллион, Вердант и Остроземье, создав Вторую Новосолнечную Империю. С помощью изумруда Арахеста она сотворила метазаклинания, делающие магический язык более последовательным и логичным. В итоге имперские чарословы стали сильнее, а имперские божества ослабели. Расцвет изобретательства и промышленности с пугающей быстротой увеличивал мощь Империи. Но метазаклинания Вивиан, препятствующие появлению ошибок в праязыке, уменьшили видовое разнообразие животных и растений, что вылилось в неурожаи и недороды.

Драл, Лорн и Иксос объединились в Лигу Звездопада, Никодимус стал их предводителем, их собственным Альционом. Какография мешала ему писать заклинания, зато улучшила способность составлять и использовать метазаклинания, которые, по существу, были метапроклятиями: под их действием магический язык делался творчески беспорядочным, хаотичным, интуитивным. Так что божества на землях Лиги благоденствовали, и их сила уравнивала мощь Лиги с мощью Империи. Но чем больше богов, тем больше и неодонов. Потому-то семье Никодимуса пришлось стать хранителями Лиги, охотясь, перевербовывая или уничтожая зловредных тварей.

От попытки разобраться в происходящем у Никодимуса разболелась голова.

– По-моему, – произнёс он, – я прибыл в Шандралу двадцать дней назад. Тогда-то я и использовал метазаклинание, да?

Двойник кивнул.

– И с тех пор веду охотничью партию вдоль реки Матрунда по следам неодомена, ускользнувшего от Леандры?

Ещё один кивок.

– Вы преследуете неодомена по прозвищу Речной Вор. Отсюда всё это, – двойник обвёл рукой палатку.

До Никодимуса начало доходить. Где бы он не применил своё метазаклинание, новые божества тотчас воплощались, откликаясь на молитвы.

– То есть после того метазаклинания кто-то из иксонцев тайком принялся мне молиться?

– Вообще-то, не тебе, а мне, – поправил двойник, разглядывая свои руки. – Требовалось достаточное количество иксонцев, чтобы их молитв хватило для моего воплощения в виде того, кто может тебя оберечь и тебе помочь. Молящиеся обращались в мыслях к тебе, вот ты и стал моим прототипом. Поэтому я...

– Бог какографии, если ты взял мой отличительный признак, – закончил за двойника Никодимус. – То есть ты покровительствуешь ошибкам правописания?

– Посмотри мне в глаза, – двойник положил руку на плечо Никодимуса.

Бог откинул покрывало со своих ног. Тусклый малиновый свет, словно от угасающих углей, заполнил палатку. Там, где должны были находиться ступни, клубились алые письмена. Недужные предложения корчились, свивались кольцами, выпирая на коже бога уродливыми волдырями. Дефективный язык полз вверх, к коленям.

– Я – текст какографа. Я – воплощение собственного распада.

За последние тридцать лет жизни самого Никодимуса и его жены с дочерью часто зависели от способности быстрого понимания новых божеств: кто они, что собой представляют и чему покровительствуют. Никодимус сделался большим знатоком божественной таксономии. Вот и теперь он сразу распознал в двойнике одну из редчайших разновидностей. Самую бесполезную и жалкую. В сердце Никодимуса разлилась пустота.

– Сколько тебе осталось?

Умиравший бог отвернулся.

– Может, мы сумеем спасти тебя, включив в божественную совокупность? Например, посадим к богу целительства?

– У нас взаимоисключающие потребности, – покачал головой двойник. – Конфликт между ними разрушит наши воплощения.

– Когда ты воплощался последний раз?

– Полтора года назад, в Нагорье, сразу после того, как вы с Франческой прибили ликантропского неодемона. После моего распада твои воспоминания станут чётче, – двойник грустно улыбнулся. – Это было... незабываемое событие.

Никодимус коснулся собственного бедра, и в памяти что-то зашевелилось.

– Сейчас я даже не могу вспомнить, что было хуже, когти волчьего божка, которого я обманом заставил себя атаковать, или выволочка, которую мне потом устроила Фран.

– Выволочка. Куда там тем когтям. Я слышал только половину её тирад, и то задавался вопросом, не разрыдаешься ли ты. И как только ты живёшь такой?

Никодимус хмыкнул.

– Ну, на мой взгляд, твоя жизнь вызывает уныние куда больше моей.

– Я, может, и умирающий бог, вечно обречённый на циклическую реинкарнацию и агонию смерти, но и то сомневаюсь, что вынес бы муку, которую вы считаете естественным состоянием.

– Ты говоришь о человеческом осознании своей смертности?

– Я говорю о семейных отношениях.

Никодимус фыркнул, и его двойник лукаво улыбнулся.

– Неужели издёвки над смертными делают твою собственную участь терпимее?

– Слегка, – улыбка двойника поблёкла. – Особенно после долгой тренировки в подобного рода глупостях.

Келоидный рубец на спине начал зудеть. Никодимус попытался дотянуться и почесать. Рубец появился в тот день, когда Тайфон, используя изумруд Арахеста, украл его способность к чарописи. Шрам и изумруд сохранили связь. Сейчас изумрудом владела Вивиан, и Никодимусу пришлось вытатуировать вокруг шрама сеть заклинаний, чтобы пресечь эту связь. Он совершенно не помнил, зачем отдал изумруд сестре.

Никодимус подумал о своих метазаклинаниях, о государствах Лиги, богатых на божества и культы. Оставь он самоцвет себе, его магическая грамматика была бы безупречной, избавляя его от ошибок, а следовательно, и от творчества, необходимого для составления метазаклинаний.

Эта мысль всколыхнула память о последней встрече с сестрой в Авиле и об их холодном прощании.

Умиравший бог вздрогнул. Никодимус вернулся в настоящее и увидел, как его двойник вытаскивает изо рта выпавший коренной зуб, тут же превратившийся в обрывки предложений. Аура бога тускнела, он сказал:

– Я реинкарнировал через день, после того как ты произнёс метазаклинание. Пока мы делили одно тело, наши мысли были общими. Но когда ты спал, у меня родилось несколько собственных идей. Я пришёл к выводу, что божества – это сны смертных. За миг до пробуждения трудно понять, кто более реален, сон или сновидец. Зато после... – он умолк, поднял руку и поморщился, когда кожа двух пальцев истаяла в корявых малиновых строчках.

– Чем были бы смертные без снов?

– Хороший вопрос, – одобрил умирающий бог. – Вскоре одна империя может получить на него ответ. Впрочем, сейчас не время рассуждать о политике. Я не планировал распадаться этой ночью, надеялся протянуть ещё несколько дней, однако я сделал два открытия, о которых ты должен знать. Первое касается Речного Вора, неодолема, за которым вы охотитесь. Пока мы тут беседуем, демонопоклонники грабят вашу вторую лодку.

Ругнувшись, Никодимус кинулся к выходу из палатки.

– Погоди, – окликнул его умирающий бог, чьи руки уже исчезли. – Поскольку я твой покровитель, то обязан сообщить тебе... С Леандрой что-то не так.

– Что именно? – Сердце Никодимуса ёкнуло.

– Она изменилась. Вроде бы вошла в контакт с божеством... его истинная природа мне неизвестна, но когда я пробую разведать больше, наталкиваюсь на одну-единственную её мысль, вернее сказать, могучую веру.

– И?

– Тебе это не понравится.

– Мне уже не нравится.

Двойник медленно лёг на спину. Его талия расплылась в колышущуюся красную опухоль.

– Меньше часа назад Леандра была совершенно убеждена, что... – Лицо бога перекопилось от боли, блёклая серебряная аура мигнула.

Никодимус понял, что происходит. Новые божества воплощались тогда, когда появлялось достаточное количество людей, молящихся о решении какой-либо проблемы. Ответом на их чаяния являлось то, что называлось ипостасью божества. Её реализация позволяла магическому тексту молитвы стекать по каменному ковчегу к божеству.

Одним из атрибутов умирающего бога была помощь Никодимусу. Рассказав о Леандре, он помог ему, тем самым его тело получило молитвенный текст из ковчегов, разбросанных по всему архипелагу. В то же время другим атрибутом бога было стремление к преумножению количества ошибок в магических текстах. Всплеск текстовой мощи принуждал его какографировать самого себя.

– Так что случилось с Леандрой? – спросил Никодимус.

– Леандра верит... – бог дышал тяжело и прерывисто, – верит, что завтра... завтра она попытается... убить свою мать.

Проговорив это, бог расплылся лужей тьмы.

– Проклятье! – зарычал Никодимус. – Опять!

Глава 3

Как можно расследовать ещё не совершённое убийство? И что делать следователю, который вот-вот станет убийцей? Эти вопросы мучили Леандру всю дорогу до острова, прозванного Скვაжиной.

Плавание по восточным водам залива Стоячих островов требовало недюжинного мастерства. Высокие, тесно стоящие острова затмевали горизонт, скрывали путеводные звёзды. Только местные могли без опаски плавать по этому каменному лабиринту, а дорогу к Скважине Леандра доверяла лишь лучшим своим капитанам.

Теперь, на участке открытой воды в милю длиной, катамаран мог развить приличную скорость, но вскоре матросам придётся зарифить паруса и взяться за вёсла.

Со своего обычного места на центральной палубе Леандра наблюдала за лунной дорожкой, плескавшейся внизу. Из глубокой задумчивости её то и дело вырывал очередной приступ болезни, которую она пробудила, взламывая богозаклинание контрабандиста. Началось с тупой боли в животе. Затем заломило пальцы и запястья. Это ей ещё повезло, что обошлось без сыпи и частых позывов к мочеиспусканию, иначе не избежать бы приёма гидромантского гормона стресса, который не позволял телу покушаться на текстуальные аспекты её существования.

А самое главное, что божественные стороны разума не расширили её восприятие. Это грозило не только потерей рассудка, но и утратой способности дышать. Леандра умоляла своё тело о незаслуженном милосердии. Если божественная и человеческая части её природы ещё чуть-чуть воздержатся от поединка, можно будет считать, что она легко отделалась.

Затем Леандра поняла, что с богозаклинанием на голове, заранее знала, какими озабоченными, больными, усталыми и раздражёнными будут большинство её «я» через час. «Гори оно всё синим пламенем», – буркнула она себе под нос и глубоко задумалась о пророчестве.

Сомнений, как и прежде, не было. Попытка сбежать грозила скорой смертью всем её близким. В противном случае у Леандры появлялся выбор между собственной смертью и убийством. Вновь заглянуть в отдалённое будущее, взломав богозаклинание, нельзя: множество вероятных собственных «я» неминуемо сведёт её с ума.

Оставалось только расследовать убийство. Итак, кого и почему она могла бы убить? Леандра погладила тонкий кожаный кошель, подвешенный к талии. Иголок и яда, хранившихся в нём, было довольно, чтобы убить кого угодно без шума и грязи.

Всё же когда придёт время, убьёт ли она близкого человека или себя? Трудно сказать. На кону окажется слишком многое, а твёрдости ей было не занимать. В конце концов, её тело пытается убить Леандру уже тридцать три года. Может статься, она решит его опередить. Просто из вредности. Она усмехнулась.

Леандра поймала себя на том, что впадает в мелодраматизм. Дурная привычка. А ведь она не позволяет себе дурных привычек, лишь страсти, поэтому... пора сосредоточиться на расследовании.

Но, ради Бога Богов, как, как?

Будучи хранительницей Иксоса, Леандра расследовала десятки убийств, предположительно совершённых неодоконами и их приспешниками. Своего рода семейное ремесло, которому её в своё время обучили родители.

В большинстве расследований Леандра находила виновное божество, перевербовывала его или уничтожала. Некоторые убийства остались нераскрытыми. Она умела осматривать трупы, находить улики, допрашивать свидетелей. Сейчас трупа пока не было, а свидетелей и улик вообще не будет, уж об этом-то она позаботится.

Однако в сравнении с предыдущими расследованиями напрашивалась одна аналогия. Вместо того, чтобы искать подозреваемых, надлежало искать жертву. И Леандра, продолжая

разглядывать лунную дорожку, убегающую под центральную палубу катамарана, начала составлять список тех, кого любила.

Много времени это не заняло.

Во-первых, следовало принимать во внимание только тех, чьё убийство способно вызвать у неё крайнее сожаление, которое она почувствовала с помощью пророческого заклинания. Во-вторых, особенной любовью к людям она не отличалась.

Осознание этого заставило Леандру ухмыльнуться тёмной воде и, раз уж на то пошло, вселенскому идиотизму.

Итак, список любимых. Первым, разумеется, шёл её прославленный папочка, лорд Никодимус Марка, Хранитель Лорна и, в зависимости от того, кого бы вы об этом спросили, – истинный Альцион или бесноватый Буревестник. Предположим, он обнаруживает то, что она скрывает, вот вам и мотив для убийства. С другой стороны, Леандра была уверена, что все её секреты останутся при ней. А если даже Никодимус и проведаёт о них, вряд ли его реакция потребует столь жестокого ответа.

Второй была её мать-драконица, магистра Франческа де Вега, Целительница ордена клириков и Хранительница Драла. И, если то, что сокрыто в сердце Леандры, когда-нибудь вскроется, мать – одна из наиболее вероятных жертв.

Леандра погрузилась в неприятные воспоминания о событиях четырнадцатилетней давности. Война Золотого Меча поставила Империю и Лигу на грань полномасштабного истребления. В те времена Леандра с матерью жили в Порте Милосердия. А потом... смотреть на то, во что превращаются зубы твоей матери... Лишь по чистой случайности мать с дочерью не уколошили тогда друг друга. Леандра думала о материнских зубах, безуспешно пытаясь отгородиться от этого зрелища.

И с несказанным облегчением вспомнила, что мать находится на юге. Два месяца назад Леандре пришло сообщение из Драла, что Франческа и её соратники отправились в Варт. Пожалуй, далековато для убийства.

Странно. Час назад она через богозаклинание ощутила, что некоторые из её будущих «я» испытывают облегчение. Чувствовать эмоции прежде, чем их переживать, было всё равно что слышать эхо прежде крика.

Леандра посмотрела на острова. Выступавший над водой известняк выветрился в столбы, на которых балансировали скалистые монолиты. На вершине самого крупного виднелись поросшие тропической растительностью развалины, так, стены да кучи камней. Всё, что осталось от древнего лотосского города Сукрапора, разрушенного в давней войне с божествами морского народа.

Мысли Леандры вернулись к потенциальным жертвам. Можно было бы добавить в список ещё несколько человек, но, положив руку на сердце, ни один из них, что называется, не тянул. Скажем, её бывшая старушка-нянька. Или Таддеус, адепт Облачного культа и её прошлый любовник. От тех чувств мало что осталось. Напротив, Леандра наскоро помолилась о том, что если уж убийства не избежать, пусть это будет именно Таддеус.

Она вновь ухмыльнулась тёмной воде и, раз уж на то пошло, вселенскому идиотизму.

В голову ей пришла новая мысль. Она перебирает тех, кто находится в Шандралу, но ведь каждую ночь в порту бросают якорь корабли из всех шести человеческих государств.

– Позовите сюда капитана Холокаи, – приказала она.

Лейтенант Пелеки, стоявший у мачты, передал её слова матросам, а те, по цепочке, дальше. Минуту спустя появился Холокаи.

Капитан имел добрых шесть с половиной футов роста, приятные, чуть угловатые черты, чисто выбритые лицо и череп. Прежде всего в глаза бросалась светлая кожа лица и груди, совершенно не тронутых загаром, тогда как конечности и спина были тёмными, почти серыми.

Одет Холокаи был в ярко-красный лангот с узором в виде белого папоротника, повязанный на манер морского народа. В правой руке он держал леймако – традиционное весло, край которого был утыкан зубами акулы мако. Морской народ доверял его только великим воинам и вождям. В руках же Холокаи леймако обретал весьма необычные свойства.

Холокаи приветствовал Леандру непринуждённой улыбкой, однако тёмные глаза выдавали его тревогу. Он знал, что на встрече с контрабандистом произошло что-то странное.

Леандра почувствовала, что в присутствии капитана кулак эмоций, пророчески посетивших её час назад, разжимается. Опять это эмоциональное эхо-прежде-крика.

Глядя на Холокаи, Леандра поняла, что если быть до конца честной, надо бы добавить в список потенциальных жертв ещё одно имя.

– Капитан, я должна задать тебе необычный вопрос. Подойди поближе.

Тот нахмурился, но просьбу исполнил. На катамаране трудно было уединиться. Чуткие уши матросов улавливали едва ли не каждое слово. И просьба подойти поближе обязательно вызовет шепотки среди команды. Паршиво, конечно, но ничего не попишешь.

– Мой старый друг... – начала, было, Леандра и осеклась.

О чём следует спрашивать у того, кого вскоре можешь убить?

– Да пошло оно всё, – пробормотала она себе под нос и продолжила. – Можешь ли ты придумать причину, по которой я убью тебя завтра на рассвете?

Холокаи фыркнул.

– Ну ты даёшь, Леа, – сказал он с рокочущим акцентом жителя Внутренних островов. – Может, лучше подумай о причине, по которой тебе не захочется меня убивать? Скажем, если нынешней ночью...

– Кай, я серьёзно. Из пророческого заклинания того контрабандиста я узнала, что завтра утром буду поставлена перед выбором: убить кого-то, кому я доверяю... – она решила не употреблять слово «люблю» в его присутствии, – или умереть самой. Так почему бы я могла решить убить тебя завтра утром?

– То есть ты не шутишь, – улыбка Холокаи увяла.

– Нет.

– А если тебе убежать...

– Не получится. Ни одного обходного манёвра. Если его можно было обойти, просто упившись в дымину, это было бы дерьмовое пророчество. И, предвосхищая твой следующий вопрос, я больше не могу заглянуть в будущее дальше чем на час, иначе тут же свихнусь. Послушай, Кай, – Леандра попыталась по возможности смягчить тон, – грядёт какое-то потрясение. Прошу, ответь, зачем мне тебя убивать?

Холокаи нервно оглянулся, проверяя, не подслушивает ли лейтенант.

– Незачем совершенно, Леа. Если только ты не передумалась насчёт... – он слегка покраснел. – Ну, ты знаешь моё обязательство дать сына народу острова.

– Нет, не передумая. Нам обоим прекрасно известно, что моя болезнь не позволяет тебе помочь. Наш уговор остаётся в силе. А что, есть причина, по которой я могу передумать?

– Увы, Леа, – его взгляд скользил по её лицу. – Увы.

Она нахмурилась. Кажется, капитана одолело чувство вины? Или любой на его месте занервничал бы, услышав подобный вопрос?

– Кай, так ты ничего не хочешь мне сказать?

– Нет... Леа.

Она выжидательно молчала. По её опыту, это был лучший способ добиться признания. Капитан какое-то время продолжал тарашиться на неё, на его белых щеках разгорался румянец.

– Я тебя чем-нибудь обидела? – спокойно поинтересовалась она.

– Нет! Нет-нет, – быстро проговорил он.

Будь сейчас день, его физиономия походила бы на алые цветы гибискуса. И Леандра сжалилась. Громко, чтобы услышал отирающийся поблизости лейтенант, она спросила:

– Сколько времени тебе понадобится, чтобы разыскать все корабли, пришедшие в залив? Включая те, которые прибудут к нам завтра утром? Мне нужно знать, стоит ли ожидать чужаков в Шандралу.

– Для полной уверенности надо бы покрыть миль сто или около того. В принципе, хватит и шестидесяти. В последнее время мои силы возросли, так что... – его взгляд затуманился, капитан принялся в уме прикидывать ветра и приливы. – В общем, с учётом всех обстоятельств, мы получим довольно точное представление о том, кто завтра бросит якорь в порту. Дай мне часов пять-шесть, и всё будет сделано.

– Твоя быстрота, как всегда, впечатляет.

– Может быть, немного позже мне удастся впечатлить тебя чем-то иным, нежели быстротой, а? – заговорщицки проговорил он.

Леандра прищурилась.

– Ты сперва с делом закончи.

– Леа, слушай, кое-что не даёт мне покоя.

– Что именно?

– Я не собирался ничего тебе говорить, но раз уж у нас выдалась ночь откровений, то, возможно, найдётся место и этой странности.

Леандра постучала указательными пальцами друг о друга. Жест, означавший у морского народа: «Давай, не тяни».

– Мне показалось, я видел, как что-то пролетело между островами.

– Пролетело?

– Звучит дико, да? – он поскрёб подбородок. – Я предположил, что это пеликан, но для пеликана летун был великоват и слишком быстр. Впрочем, я вообще не уверен, что что-то видел. Может, нервишки пошаливают? Ну, ты меня понимаешь.

Помрачнев, Леандра взглянула на острова, торчавшие прямо по курсу. Скалы при луне, буйная растительность, и ничего больше.

– Уверен, что по пути к Скважине нас не преследовал чей-то корабль? Сейчас это было бы на редкость некстати.

– Уверен.

– Хорошо. Прежде чем займёшься прибывающими кораблями, убедись, что за нами никто не следит.

Капитан потупился.

– Леа, ты не втянула нас в неприятности?

– Нет.

– И насколько всё плохо?

– Я же сказала, нет никаких неприятностей.

– Так же паршиво, как было в тот раз, когда слоновий бог наёмников превратился в неодемона?

– Да разве то была неприятность?

– Мы ушли из лагеря живыми только потому, что его лейтенант свихнулся, но потом они всё-таки подкараулили меня на берегу.

– Ты оправился от ушиба копчика на следующий же день, – Леандра возвела очи горе.

– Значит, на нас надвигается гроза? И насколько черны тучи? Всё будет как с медузой-неодемоном или тем комариным божком?

Леандра подавила дрожь.

– Мы вышли из всех передряг живыми, – сказала она, не став упоминать о том, что кое-кому из их отряда повезло меньше. – Не дёргайся, Кай. Давай я сама со всем разберусь, а? У нас нет никаких проблем и не будет, если ты продолжишь исполнять мои приказы.

Он впился взглядом ей в лицо и вдруг отвернулся.

– Эй, Пелеки! Веди катамаран на Скважину, там мы и встретимся. Лови!

Холокаи перебросил лейтенанту свой леймако. Тот поймал зазубренное весло и кивнул:

– Есть, капитан.

Холокаи послал Леандре белозубую улыбку и спрыгнул с палубы, без единого всплеска войдя в тёмную воду.

Леандра смотрела вслед другу, прижимая ладонь к животу. Боль усилилась. Случалось, недуг так обострялся, что раздутыми вдвое суставами и распухшим лицом она напоминала лезущую из кадки квашню. Тогда приходилось принимать мерзкое на вкус снадобье, которое гидроманты творили с помощью водных рун. В результате соматическая часть её организма прекращала атаки на текстуальную, но побочные эффекты были ужасны. Леандра ненавидела своё тело, продолжающее бесконечную гражданскую войну.

Интересно, не прибьёт ли она когда-нибудь сама собственную человеческую половину? А что, вполне тянет на убийство любимого. К тому же её текстуальная половина при этом может и выжить. Улыбка сползла с лица. Леандре до судорог не хотелось становиться похожей на мать. Да и, во всяком случае, убить одну только человеческую половину вряд ли получится.

Мысли Леандры обратились к людям, которых она могла бы убить. Холокаи отправился на поиски прибывающих кораблей, а ей самой следует перебрать тех, кто только начал завоевывать её сердце.

– Оп-па! – удивлённо воскликнула она, добавив в список ещё одно имя. – Лейтенант, вызовите ко мне Дрюна.

Лейтенант Пелеки передал приказ по эстафете, Леандра же принялась рассматривать белый полумесяц и его отражение в воде среди темных островов.

Когда ей исполнилось шесть, отец впервые привёз её из Лорна на Иксос. Первую ночь они провели в Шандралу. Глядя в небо над Плавучим Городом, маленькая Леандра спросила, как это вышло, что все три луны переплыли вместе с ними океан. Отец рассмеялся и объяснил, что луны находятся очень-очень высоко, поэтому их можно видеть отовсюду. Леандра ему не поверила.

– Моя госпожа, – послышался голос из-за спины.

Оказалось, Дрюн сменил личину, представ в виде светлокожей высокой мускулистой женщины. Воплощение богини победы Облачного культа. Прежде чем слиться с Дрюном, лотосским неододемоном рукопашной борьбы, и его аватарой Дрюнарсоном, победителем прошлогоднего турнира, она была известна под именем Ники. Троица взяла себе имя сильнейшего из них, хотя в этом воплощении появлялась нечасто.

В виде Ники Дрюн оставался в чёрном ланготе и чешуйчатой броне, в каких был на берегу. Однако это облачение облегалo теперь стройные бёдра и маленькие грудки. Рук было четыре, но они стали определённо женскими. Большие глаза оттеняли длинные тёмные ресницы.

Формируя свою совокупность, Дрюн решил не возжигать ауру, выдававшую его божественное происхождение. Для идентификации четырёх рук вполне хватало, а аура могла выдать, когда требовалось действовать скрытно.

По обычаю облачников, Дрюн стояла, склонив голову и прижав ладонь к сердцу. Леандра рассеянно подумала, что матросы Холокаи, а все они были из морского народа, должны считать Дрюн удобной спутницей: воплощая сразу три культуры, она тем самым помогала кораблю исполнять Тройственный Рескрипт, предписывавший, чтобы на всех официаль-

ных иксонских мероприятиях присутствовал хотя бы один представитель от всех трёх народов архипелага.

– Друг мой, – произнесла Леандра, тоже прижимая ладонь к сердцу, – не подойдёшь ли поближе?

Дрюн подошла, на её лице светилось искреннее любопытство.

– Сколько ты мне уже служишь? Год? – спросила Леандра.

– Чуть поменьше.

– И как тебе служба?

– Подходит.

– И тебя ничто не удручает?

Улыбка Дрюн не дрогнула.

– Мне бы хотелось чаще выходить на арену. Богине тоже нравится поклонение. В твоих глазах я – вторая после Холокаи. А хотелось бы стать первой. Принимая во внимание мои ипостаси, я склонна к соперничеству.

– Я ведь уже предупреждала тебя, чтобы ты не поддевала на крючок Холокаи.

– А я считала, тебе не по душе родительские каламбуры, – Дрюн продолжала улыбаться.

– Каламбуры?

– Поддевать Холокаи, учитывая... ну, то, другое его воплощение. Мне показалось, ты играешь словами.

– О, Создатель! Даже в мыслях не держала. Я всего лишь имела в виду, что не могу позволить соперничество между тобой и Холокаи.

– Тогда к чему все эти вопросы о службе?

– Ты – единственный известный мне неодемон, который обратился сам, – Леандра изучающе смотрела в лицо богине.

– А, ты про моё обращение! – просветлела та. – Да, нелегко было вламываться к тебе в спальню в таком виде. Ну, ты понимаешь.

– Полагаю, если бы это было легко, ты бы этого не сделала.

– Не сделала бы, – безмятежно согласилась богиня, подходя вплотную к Леандре.

Нижней рукой она взяла её за локоть и повела на левую сторону катамарана, откуда лучше было видно отражение белой луны. Колени Леандры сразу заныли от ходьбы, но стоять бок о бок с Дрюн было приятно. Как будто две старинных подруги.

Вдруг Леандра поняла, что её будущие «я» либо вообще ничего не чувствуют, либо испытывают какой-то эмоциональный сумбур. Она напряглась, раздумывая о том, что такого ужасного может случиться через час. Магическое нападение? Очередной приступ болезни, сопровождающийся расширением сознания до уровня сумасшествия? Или... Она расхохоталась.

– В чём дело, госпожа? – спросила Дрюн.

– Через час я буду спать и видеть сны. Я это чувствую. Странное ощущение.

Богиня нахмурилась, и Леандра продолжила уже серьезнее:

– Мы говорили о подозрительной природе твоего обращения.

Дрюн хмыкнула.

– Оно кажется тебе подозрительным только потому, что, обнаружив меня в своей спальне, ты вынуждена была признать, что в твоём синем лорнском платье я смотрюсь куда лучше тебя.

– Нет, это платье смотрится лучше на тебе, – пробурчала Леандра, наслаждаясь шуточной беседой.

Неплохо всё-таки поговорить с другой женщиной, пусть даже Дрюн не всегда ею была.

– Расскажи, почему ты решила устроить собственное обращение? Ведь ты была превосходным неодемоном и могла успешно скрываться ещё много лет.

– Разве мы не договорились, что никогда не будем обсуждать прошлое? – всё с той же загадочной улыбкой спросила Дрюн.

- Твои преступления столь ужасны?
- Пусть это останется моим секретом.

Леандра рассмеялась.

– Если ты ответишь на один щекотливый вопрос, я позволю тебе больше времени проводить на арене.

- Ты знаешь, я не могу противиться искушению.
- Почему мне может понадобиться убить тебя завтра утром?
- Может, ты обнаружишь, что и зелёное платье из Остроземья сидит на мне лучше?

Леандра усмехнулась краешком губ, потом взглянула на Дрюн в упор.

– О, так ты серьёзно?

– Да.

С кормы раздался приказ лейтенанта уменьшить парусность, а всем матросам приготовиться сесть на вёсла, чтобы грести к Скважине. Дрюн откашлялась.

– Ты говоришь так, словно тебе было ниспослано пророчество.

– Заслуга богозаклинания, купленного у контрабандиста.

– Не то чтобы я сомневаюсь, но... Это надёжное пророчество?

– Я унаследовала от матери способность постигать вероятности будущего. У меня нет её дара видеть ландшафт времени, но на то, чтобы судить о надёжности, моих возможностей хватает. Я предвижу, что завтра утром не смогу избежать выбора между убийством любимого существа и собственной смертью. Поэтому и искушаю тебя, богиня.

– Что же... – Дрюн кивнула. – Ты можешь на меня рассчитывать, если моя смерть хорошо послужит нашему делу. Скажем, меня можно распотрошить и добыть богозаклинание, вроде тех, что ты покупаешь у контрабандистов.

– Сильный ход, – мягко сказала Леандра. – А я-то вообразила, что допрашиваю тебя. Знаешь, для столь юного божества ты на редкость проницательна.

– Это те мальчишки юны, а Ника, она была здесь всегда. Как и почти всё, связанное с Облачным культом. Своё первое воплощение я обрела, когда Облачный народ был племенем мореходов, обитавшим на западном побережье Остроземья. У меня сохранились смутные воспоминания об остроземских ордах, вытеснивших нас в море. Мы скитались много десятилетий, прежде чем завоевали внешние острова вдали от людей Лотоса.

– Может, тебе прекратить усердную возню с мальчишками и записать кое-что из своих воспоминаний для потомков?

– В потомках нет славы. Это победа в бою порождает потомство, а не наоборот. А отвечая на твой вопрос, моя госпожа, я скажу, что убить меня ты бы могла для того, чтобы извлечь мой текст и, разобрав на главы, продать его, например, тому контрабандисту.

– Ты же знаешь, я общаюсь с контрабандистами только для того, чтобы накрыть их сеть, – Леандра упорно не отводила глаз.

– Госпожа, на две трети я – борец, – сказала Дрюн, и её рука сделалась толще и волосатее.

Леандра подняла взгляд. Перед ней было лицо Дрюнарсона: тёмные глаза, крепкий подбородок, покрытый юношеским пушком. Голос Дрюн зазвучал по-мужски басовито:

– Изучение запрещённых приёмов помогает их избегать, однако растёт и соблазн ими воспользоваться.

– Дрюн, ты считаешь меня настолько жестокой?

С мальчишеского лица Дрюна на неё смотрели глаза древней души:

– Большинство божественных совокупностей, которых я знаю, – неизменные сплавы существ. Мало кто может, подобно мне, менять личины собственных воплощений. Ты согласна?

Леандра кивнула.

– Когда слишком быстро превращаешься из мужчины в женщину, из старухи в юношу, то отчётливо замечаешь, как быстро меняются и все остальные. Сами они этого не понимают, ведь цвет их волос, кожи и то, что между ног, остаётся тем же самым. Сдаётся мне, что всякая душа, неважно, человеческая она или божественная, куда гибче, чем принято думать.

Леандра размышляла об услышанном, между тем поглядывая на корму. Нужно было следить, не объявится ли летун, виденный Холокаи меж Стоячих островов. Пока не было ничего, кроме глыб известняка. И она повернулась к божественной совокупности:

– То есть ты считаешь, что в определённых обстоятельствах, скажем, если твой распад принесёт пользу нашему делу, я легко пойду на жестокость?

Верхние руки легли ей на плечи, глаза посмотрели в глаза.

– Я знаю, что наше дело для тебя означает. Знаю, как ты страдала, – Дрюн запнулся. – А принимая в расчёт, насколько я сам в него верю, часть меня надеется, что ты сможешь стать холодной и расчётливой, если мой распад принесёт победу. Так что разреши, я верну тебе твой вопрос: сможешь ли ты стать достаточно жестокой?

Леандра постаралась, чтобы выражение её лица оставалось таким же пустым, как сердце. Она медленно кивнула.

– Думаю, да.

Глава 4

С метазаклиниванием Никодимуса была только одна проблема: где бы он его не применял, сразу же отзывались верующие. Отзывались в буквальном смысле.

Если в государствах Лиги набиралось около пяти тысяч человек, молящихся о решении некоей проблемы, они воплощали этим соответствующее божество. Ответами на молитвы становились божественные атрибуты, удовлетворение которых заставляло магический текст перемещаться от ковчега к божеству, даруя ему силу и удовольствие.

В итоге никодимусовы метазаклипания создали дисциплинированную армию, ведомую богинями войны, трудолюбивых ремесленников, которых обучали хитроумные божки-мастеровые, тучные пажити, охраняемые жизнерадостными, хотя и не очень трезвыми богами плодородия. С помощью пантеона богов, или «божественного толпища», как шутливо их называли, Лига сравнялась по мощи с Империей. Беда в том, что кое-какие человеческие молитвы, а следовательно, и некоторые боги, оказались зловредными. Быстрое размножение неодоменов стало проблемой.

Адски серьёзной проблемой.

Неодоменам было далеко до истинных демонов Древнего континента, тем не менее они во всей красе раскрывали тёмные глубины человеческих душ. После трёх десятилетий охоты за тварями Никодимус почти поверил, что глубины эти бездонны и неисчерпаемы.

Никодимус откинул полог и вышел наружу. Лагерь тонул в темноте: угли в кострах меж круглыми палатками давно истлели в пепел. С трёх сторон его окружали чёрные ночные джунгли, тянувшиеся к звёздным небесным рощам. С четвёртой лежала песчаная подкова речной бухты, где были пришвартованы пять барж. Между первой и третьей зияла пустота, напоминающая дыру от выпавшего зуба.

Украденная баржа уже отплыла ярдов на шестьдесят по широкой, в милю, реке. Её тянули три чужих судёнышка: вёсельная лодка и два каноэ. На них мелькали человеческие или, по крайней мере, человекоподобные фигуры. Скорее всего, пираты, верующие в Речного Вора.

Никодимус застонал. Прибыв в Шандралу двадцать дней назад, он узнал, что дочь уже целый год не может изловить двух неодоменов: обезьянью богиню разбойников, грабящих караваны на юге и востоке от города, и водяного бога, прозванного Речным Вором, похищающего грузы купцов, плывущих по реке Матрунда на участке между Шандралу и Матрупором, древней столицей Лотоса.

Никто из купцов не замечал, что их ограбили. Лишь бросив якорь в Шандралу, они обнаруживали речные камни вместо ценных грузов. Торговцы пробовали ставить охранников, менять маршруты, нанимали богов торговли, однако Речного Вора это не останавливало. Всё более впадая в замешательство, Леандра дважды проводила расследование в Матрупоре, но не обнаружила ни малейшего намёка на то, как пиратскому божку удавалось достигать столь впечатляющих успехов.

Никодимус заподозрил, что кто-то из доверенных людей дочери ведёт двойную игру и сливает информацию Речному Ворю. Поэтому он объявил Леандре и Святому Регенту Иксося, что отправляется на охоту за обезьянодемоном, а сам скрытно повёл несколько барж с лорнской сталью в верховья реки к Матрупору, надеясь, что Речной Вор примет его за купца и попытается ограбить.

Однако плавание прошло без происшествий. При содействии магистра Дории Кокалас, своей доверенной гидромантки, Никодимус доставил груз до столицы, продал там за умеренную цену и заполнил трюмы рисом, шёлком и нефритом. На случай, если Речного Вора привлекает чёрный рынок, Никодимус припрятал в каждой барже и контрабандный опиум.

Четыре дня назад они покинули Матрупор, постоянно ожидая ограбления. Прошлой ночью решив, что всё напрасно, Никодимус пошёл спать: они находились всего в дне пути от залива Стоячих островов. И вот чем всё обернулось: он стоял, отмахиваясь от комарья, и глядел вслед украденной барже.

Никодимус изучил речное течение и плещущие о берег волны. Вода выглядела спокойной, однако на песке неподвижно лежали тела двоих часовых. Отменное достижение для неодемона, учитывая, что оба были мастерами чарословия. Кем бы ни оказался этот Речной Вор, он явно принадлежал к разновидности, которую Никодимус прозвал «лукавыми божками».

Зловещий знак.

По большей части молодые неодоконы были туповаты. Их фантазии хватало лишь на то, чтобы дохнуть огнём на деревенскую ограду, нагнать приливную волну на купеческое судно, зачаровать кого-нибудь, спев песенку, вызывающую любовь, безумие или то и другое сразу, благо разница невелика. Короче, всё в таком роде.

Неодонок, действующий скрытно, был либо очень опытным, либо очень хитрым. В любом случае, опасным. Краткий, но цветистый список характеристик неодоконов, которые Никодимус считал более опасными, нежели «лукавость», включал: «количество молящихся, превышающее пять тысяч», «морозное или молниевое воплощение» и «действующие мне на нервы».

Хотя лукавые неодоконы были грозными противниками, их можно было превратить в могущественных союзников. Поэтому Никодимус хотел попытаться заполучить Речного Вора в свой пантеон.

Бросив последний взгляд на уплывающую баржу, он присел у соседней палатки и откинул полог. Но не успел открыть рот, как наружу выглянула страхолюдная физиономия: жёсткие белые волосы, нос-луковица и лошадиные зубы. Магистр Джон из Звёздной академии, в прошлом – друг детства Никодимуса, а теперь – его личный секретарь. Поморгав карими глазками-бусинками, верзила вытаращился на него.

– Нико, чего...

– Кто там с тобой? – перебил его Никодимус.

– Никто, просто Рори.

Рори Каладский был эмиссаром дральских друидов, идеально подходящим для скрытного проникновения. Однако в этой экспедиции Рори оказался соперником сэра Клода Де Фрала, нового эмиссара лорнских кузнецов. Предпочтение одного из них могло создать проблемы.

– А где сэр Клод?

– В следующей палатке, – захлопал глазами Джон.

– Хорошо. Буди Рори, только тихо.

Джон попятился внутрь. Никодимус приподнялся, чтобы опять увидеть реку. Ни баржа, ни её похитители не двигались. Если Речной Вор сбежал, Никодимус мог разве что поднять лагерь по тревоге и кинуться вдогонку. Шансы поймать прибрежного божка на ночной реке были исчезающе малы. Оставалось надеяться, что после удачной охоты Речной Вор вернётся за добавкой.

– Нико! – шёпотом окликнул из палатки Джон. – Нико, я не могу разбудить Рори.

– Мёртв?

– Вроде дышит. Он отдёргивает руки, когда я сжимаю ему кончики пальцев. Но есть что-то... – Джон зажал рот рукой. – Я стал как-то забавно думать. Словно в горячке или... вернулся в Звёздную академию.

– В Звёздную академию? – помрачнел Никодимус.

– Я не могу думать о... некоторых вещах.

– Проклятие, – прошептал Никодимус, когда понял, что натворил Речной Вор.

Когда Джон был маленьким, демон Тайфон проклял его, превратив мальчика в умственно отсталого. Затем поместил в Звёздную академию среди какографов, чтобы тот, сам того не сознавая, шпионил за Никодимусом. Во время первой стычки Никодимуса с Тайфоном Джон освободился от проклятия и вернул себе интеллект. После чего судьба разделила друзей на добрых десять лет.

То, что сейчас Джон почувствовал себя так же, как в Звёздной академии, говорило, что его разум вновь подвергся проклятию. Возможно, Речной Вор с помощью своего богозаклинания вывел из строя всю их компанию, и только они с Джоном устояли: Никодимус из-за своей какографии, портящей любое заклинание, и Джон, всё детство борющийся с подобного рода проклятием и, видимо, обретший некий иммунитет.

– Джон, тащи сюда Рори.

– Зачем...

– Просто делай, что я говорю и... да, давай-ка сперва освободим тебя.

Никодимус стянул со своей шеи развеивающее заклинание. Светящиеся фиолетовые строчки сложились в густую сеть.

Фиолетовому языку Никодимус научился у кобольдов Остроконечных гор. Это был один из немногих магических языков, чья логическая структура оказалась устойчивой к какографии. Однако он боялся солнечных лучей, разрушаясь при свете всего, что было ярче двух лун.

Быстрое движение кистью руки, и контрзаклятие обвилось вокруг головы Джона. Фиолетовые строчки расплзлись, проникая в череп, замигали, ломая волшебство Речного Вора. Верзила вздрогнул, откинул башку назад, лицо исказила гримаса. Он наморщил нос и чихнул.

– Пылающая преисподняя, Нико! Такое впечатление, что ты набрал полный рот снега и принялся облизывать мои мозги.

– Надо же, какой поэтический образ пришёл тебе в голову, – сухо ответил Никодимус.

Джон так и не избавился от ребяческого увлечения вульгарными фигурами речи. В детстве они с Никодимусом частенько вступали в словесные потасовки на джеджунусе. Теперь ему это не казалось смешным.

– Мог бы меня хоть предупредить, – проворчал Джон.

– Речному Вору удалось одурманить наших спутников и спереть часть груза. Вот почему тебе следует быстро, но аккуратно вытащить Рори из палатки.

Сам Никодимус ничем не мог ему помочь. Его прикосновение губило текст праязыка почти любого живого существа, поражая раковым проклятием. Жена и дочь, бывшие половиной текстовыми созданиями, – одни из немногих, кто мог пережить его прикосновение. Когда-то, когда семейные узы, и физические, и эмоциональные, были ещё тесны, эта их устойчивость приносила Никодимусу огромное счастье.

Джон скрылся за пологом и после недолгой возни выволок вялого Рори Каладского на лунный свет. Друид был примерно шести футов ростом, одет в белую мантию. По широким плечам разметались блестящие каштановые кудри. Веснушки и некоторая пухлость придавали ему не по годам обезоруживающе юношеский вид, – на самом же деле друиду было пятьдесят.

Никодимус наложил развеивающее заклинание на голову Рори. Строчки скукожились, и веки друида затрепетали. Когда фиолетовые письма разрушили богозаклинание, спеленавшее его мозг, Рори конвульсивно дёрнулся, открыл глаза, согнулся, и его вырвало. Никодимус сочувственно поморщился.

– Джон, притащи сюда сэра Клода, только не шуми. И пригнись. Рори, ты меня слышишь?

– Да, – друид сплюнул, – но чувствую себя так, словно...

– Словно кусок замороженной слизи ласкает твои мозги? – услужливо подсказал Джон.

– Ну... в общем... – Рори поднял на него хмурый взгляд. – Очень точное описание.

Никодимус кисло усмехнулся.

– Заткнитесь, вы двое. Джон, тащи сэра Клода и прихвати одну из его металлических книг. Рори, а ты лежи спокойно, – шикнул на них Никодимус, потом извлёк из предплечья заклятие теневого двойника и наложил на друида.

Фиолетовые параграфы закрубились вокруг тела, поглощая свет, пока Рори не начал казаться лунной тенью.

Появился Джон с сэром Клодом, перекинутым через правое плечо.левой рукой гигант прижимал к боку массивный фолиант. Без лишних церемоний он бросил книгу на землю. Та негромко лязгнула. Джон положил рыцаря на спину.

Сэр Клод Де Фрал, веший кузнец из Лорна, рыцарь Ордена Орифламмы, ветеран войны Золотого Меча, шпион и наёмный убийца, был тощим чарословом лет за шестьдесят. Темнокожим, бритоголовым, с седой бородкой-клинышком. Сейчас он лежал с полуоткрытым ртом, запрокинув голову. Кома.

Никодимус наложил своё развеивающее заклятие на голову кузнеца. Джон продолжал бормотать что-то о слизи, снеге и мозгах. Сэр Клод медленно поднял веки и непонимающе оглядел Никодимуса, Джона и человекообразную тень, которой сделался Рори.

– Дайте-ка сообразить, милорд, – сказал сэр Клод, – нынче ночью мы хватили лишку?

– Сегодня тут каждый вообразил себя остряком, – буркнул Никодимус.

Сэр Клод приподнялся на локтях и посмотрел на Рори.

– А, друид. Не ожидал тебя увидеть. Ведь это ты, я не ошибаюсь? Никому другому не под силу превратиться в столь корпулентную тень.

– Не начинайте, – зарычал Никодимус. – Слушайте, у нас мало времени. Речной Вор умудрился снять наших часовых и теперь вытаскивает баржи на реку, чтобы разграбить их одну за одной. А я до сих пор не понял, что он такое. Бьюсь об заклад, это водяной. Но с таким же успехом он может быть ветряным неодоном или призраком с Плавучего Острова. Кем бы он ни был, он может в любой момент смыться в низовья реки. Рори, сэр Клод и я сыграем с ним в «подранка».

– А как же Дория? – нахмурился Джон.

Магистра Дория Кокалас была эмиссаром гидромантов, старшей целительницей ордена клириков и единственной урождённой иксонкой в их экспедиции. И – Никодимус слишком поздно это понял – единственной, кто мог бы судить о пригодности его плана.

– На неё нет времени.

– Ей это не понравится, – заметил Рори.

– Не придёт она в восторг, и если вы двое провороните шанс схватить Речного Вора, – отрезал Никодимус, накладывая заклинание теневого двойника сначала на сэра Клода, а потом и на самого себя. – Итак, наш план: мы втроём прячемся на третьей барже. Как только они её захватят, сэр Клод начнёт играть «подранка», отвлекая на себя внимание Речного Вора. Я прыгаю в воду в роли «папочки, спешащего на помощь». Возможно, неодоном попытается меня убить. В этом случае ты, Рори, направляешь на них лодку. Но скорее всего, тварь просто попробует зачаровать нас с сэром Клодом и удрать в низовья. Дайте мне час для вербовки. Если Речной Вор обратится, что же, дело в шляпе. Ежели нет, я поступаю как чаролом, а ты, Рори, убиваешь всех до единого и поддерживаешь лодку на плаву до прибытия Дории. Всем всё понятно?

– Откуда она узнает, что к вам надо прибывать? – спросил Джон.

– Ты сам ей и скажешь. Когда мы отойдём подальше, сними богозаклинание с её разума, расскажи о нашей затее и проследи, чтобы последовала за нами.

– Гхм, ей всё это очень не понравится, – повторил Рори.

– Ты уже это говорил, – отозвался Никодимус. – Ещё замечания будут?

Субтекст теневого двойника уже превратил сэра Клода в фантом. Кузнец поднял тяжёлую книгу, которую бросил рядом с ним Джон. Это была его собственная копия «Гимна Железу»,

фолиант, состоящий из тонких металлических листов с лорнскими священными текстами и множеством кузнечных заклинаний.

– Милорд, – сказал сэр Клод, садясь на корточки, – вы уверены, что вашу драгоценную жизнь, не говоря уже о моей скромной персоне, можно вручить этому вертоградарю? – он кивнул на Рори. – Я, конечно, глубоко впечатлён успехами друидов в выращивании голубики, но, простите уж мою шепетильность, мне предстоит играть «подранка» перед злокозненным божком посреди его собственной реки в надежде, что чарослов, поднаторевший в «смертоносном» искусстве обрезки побегов, меня защитит.

– Что же, – хмыкнул Рори, – тогда остаётся надеяться лишь на твоё смертоносное искусство нытья, учитывая, что ты, судя по всему, способен раз за разом извергать одни и те же четыре простеньких заклинания.

– Ну, ты посрамил меня, друид, – с ленивым сарказмом ответил сэр Клод. – Я прям обмочился со страха. Не возьмёшь ли меня за ручку, чтобы я не так боялся?

– Да заткнитесь же вы, двое, ради пылающих небес! – рявкнул Никодимус. – Или вы исполняете мои приказы, или я сам позабочусь о том, чтобы у вас больше не было поводов для бесед, которые вы оба, видимо, считаете чрезвычайно занимательными. Ясно?

– Да, милорд, – пробормотал сэр Клод.

Рори тоже что-то пробурчал.

– Итак, сэр Клод, мы действительно вручим наши жизни вертоградарю, поскольку – и я надеюсь, вам хватит ума это оценить – друиды способны писать заклинания на дереве, а наши баржи столь плотно покрыты субтекстом Рори, что только ему одному будет под силу спасти нас, когда в воде прольётся кровь. Так что если хотите выжить, «подранок» вы наш, лучше бы вам помириться с этим типом в белой мантии.

– Сэр, – рыцарь поклонился Рори, – мои слова были произнесены поспешно и необдуманно, они не соответствуют вашим многочисленным и разнообразным талантам. Я смиренно извиняюсь.

Тон кузнеца намекал на совершенно иное. Друид уже открыл рот, но Никодимус его опередил.

– Пора, – бросил он и направился к лодкам.

– Но, Нико! – остановил его Джон. – Если ты собираешься сыграть в «папочку-спасателя», прыгнув в реку, как быть с твоим собственным первым правилом в борьбе с водяными богами?

Никодимус помедлил.

– Джон, мы не знаем, на самом ли деле Речной Вор – водяной. Это просто наиболее логичное предположение.

– И, если уж на то пошло, – встрял сэр Клод, – как насчёт вашего второго правила борьбы с водяными?

В их словах был смысл.

– Ну-у... – протянул Никодимус. – Исключения лишь подтверждают правило.

Сэр Клод откашлялся.

– Прошу меня извинить, милорд, но... По-моему, кое-кто из великих уже доказал, что современное употребление данного изречения неверно.

– Чего-чего?

– Я считаю, что слово «подтверждать» имеет двоякий смысл. Во-первых, оно означает «удостовериться», а во-вторых, – «проверить». Это то, что можно назвать контронимом, то есть словом, являющимся одновременно и собственным антони...

– Знаю! – гаркнул Никодимус.

– Поэтому, если ты собираешься сигануть в воду, пытаясь прихлопнуть водяного неодемона, – заботливо подсказал Джон, – ты тем самым собираешься доказать, что твои правила никуда не годятся.

– Эй, а кто здесь пророчески связан с присущей ему двусмысленностью и ошибками в языке? – спросил Никодимус.

– Технически, конечно, ты, – ответил Джон.

– Тогда – технически – это я решаю, какие правила и каким образом мы будем подтверждать. Согласны?

Все промолчали.

– Вот и славно, – заключил он. – А теперь за мной.

И Никодимус побежал к третьей барже.

Размашисто шлёпая голыми ногами по грязи, он боролся с желанием обернуться. Он не сомневался, что Рори, молодой и жадный до славы, последует за ним, но сэр Клод присоединился к их компании только недавно.

Как бы там ни было, Никодимус не обернулся. Обернуться – значило бы показать, что не уверен в их повиновении его приказам. Тридцатилетний опыт научил Никодимуса тому, что лучший способ предотвратить неподчинение – вести себя так, словно подобный поворот событий тебе даже в голову не приходит, а если кто-нибудь всё же решит взбрыкнуть – обрушить на ослушника громы и молнии.

Так что Никодимус бросился к берегу, перебегая от палатки к другой. Голубой и белый свет лун трепетал на волнах. Украденная баржа вернулась, воры уже отвязывали свои лодки. Время поджимало. Стояла влажная тропическая ночь, но по спине Никодимуса пополз холодок.

Позади слышались шаги по песку: его догоняли Рори и сэр Клод. Никодимус на миг задержался, потом кинулся к третьей барже мимо выведенного из строя часового и по пояс в воде направился к судну. Взобрался на нос, пригнулся и нырнул в люк, ведущий в тесный трюм. Доски скрипели при каждом шаге. Никодимусу казалось, что этот громкий, плаксивый скрип дерева разносится по всей реке и вот-вот насторожит Речного Вора.

В трюме было влажно, как в пасти пса. Никодимус наколдовал несколько огненных светлячков, и те замерцали над тюками с грузом. Взобравшись на два сундука, он протиснулся в щель между пузатым бочонком и корпусом судна.

Минуту спустя в люк влезла пухлая тень Рори. Никодимус высветил ещё один параграф, светляком давая знать друиду, где спрятался. Друид решил затаиться на корме.

Скрип ступеней возвестил о прибытии сэра Клода. Никодимус запустил ещё одного светляка, а Рори – друидский текст, коротко блеснувший синим огнём. Сэр Клод помедлил и исчез в темноте у правого борта, удачно уравновесив баржу, чем весьма впечатлил Никодимуса. Теперь баржа стояла ровно и не должна была вызвать подозрений. Любопытно, откуда у кузнеца такая пронизательность?

Согласно отчётам союзников из Лорна, сэр Клод ещё четырнадцати лет от роду был посвящён в рыцари во время войны Золотого Меча – пограничного спора между Лорном и Остроземьем, вскоре переросшего во вражду между Лигой и Империей, вражду которых удалось уладить только после многословного дипломатического крючкотворства. После чего сэр Клод стал королевским шпионом, вошедшим в доверие к опальному серафиму и донёсшим о его предательстве Сребру, металлическому верховному божеству лорнцев. Ничто в отчётах не наводило на мысль, что сэр Клод сведущ в мореходстве. Может быть, Никодимус его очень недооценивает?

Что если лорнская корона направила к нему шпиона под видом эмиссара в качестве намёка? Или они просто хотят получше приглядывать за ним? Никодимус не исключал обе эти возможности. Хотя с таким же успехом вещи кузнецы могли отправить к нему сэра Клода,

зная, что тот придётся кстати их отряду: рыцарь был умелым воином, знатоком дипломатии, сообразительным и склонным к сарказму. Именно эти качества Никодимус предпочитал в людях и нередко отсылал назад эмиссаров, оказывавшихся себялюбцами, льстецами или занудами. И Леандра, и Франческа разделяли его предпочтения.

Это навело Никодимуса на мысли о семье. Прежде они с Леандрой почти не расставались, взаимно получая удовольствие от остроумия, иронии и каламбуров друг друга. Затем нужды Лиги и непримиримые разногласия между Франческой и Леандрой раскололи семью. Теперь все трое поддерживали семейные обычаи в своих собственных мирах.

Последний светлячок потух, и трюм погрузился в темноту. У Никодимуса занемела нога, придавленная бочонком, и семейные неурядицы отошли на второй план. От душного, затхлого воздуха трюма с него градом валил пот. Ожидание затягивалось.

Никодимус уже подумывал, не выбраться ли на палубу посмотреть, где пираты, когда послышался плеск вёсел. Потом снова. Внутренне Никодимус сжался, точно пружина. Время словно остановилось. Плеск, приглушённый шёпот, а следом – насколько он мог разобрать – шорох кия по песку. Неужели пираты выбрали вторую баржу? Но через минуту прозвучали осторожные шаги по палубе.

Баржа закачалась и пришла в движение. Возобновился плеск вёсел. Никодимус предположил, что пираты тащат баржу с помощью каное.

Заскрипела лестница. Никодимус повернул голову. В трюм спускалась некая тёмная фигура. В свете голубой луны он увидел молодую женщину: влажные голые плечи, коса за спиной, в правой руке – длинный нож. Пиратка напряжённо всматривалась во мрак.

Если она была сведуща в чарословии, то могла задействовать светоносные чары и осмотреть груз. Тогда придётся по-тихому её убить. Но время шло, а приспешница Речного Вора только озиралась и никакого заклинания не накладывала. Ну, на нет и суда нет. Женщина развернулась и заспешила на палубу.

О борт плеснула вода, и Никодимус подавил желание вскочить. Наконец, он почувствовал, что скольжение замедлилось. Плеск вёсел изменил ритм. Кто-то вполголоса отдавал команды, что-то глухо ткнулось в борт, по палубе затопали: к барже пристала чужая лодка.

Вдруг Никодимус сообразил, что забыл сказать сэру Клоду, когда именно тому заводить свою песнь «подранка». Теперь, когда пираты только перелезали на борт и ещё не приступили к потрошению трюмов, момент был идеален. Испугавшись, что рыцарь упустит шанс, Никодимус засветил один параграф светляка. Яркий огонёк озарил картину, от которой у Никодимуса отлегло от сердца.

Кузнец уже выбрался из укрытия и раскрыл «Песнь Железа». Металлические страницы гримуара ожили и сложились в одушевлённый доспех вокруг тела рыцаря. Каждый лист был покрыт магическим кузнечным языком, взаимодействовавшим только с металлами. Как и другие рыцари Ордена Орифламмы, сэр Клод владел вариациями полудюжины заклинаний, образующими лингвометаллическую броню.

Два тонких лезвия мечей выросли из его кулаков. Вокруг головы появился угловатый шлем, оставлявший только узкую щель для глаз. Бронированный лорнский рыцарь был одним из самых опасных противников во всех шести человеческих государствах.

Никодимусов светляк потух, сэр Клод прокрался к основанию лестницы и бесшумной походкой наёмного убийцы поднялся вверх на палубу. Броня нечеловечески ускорила его движения.

Через миг после того, как рыцарь скрылся из вида, ночную тишину вспорол крик. До Никодимуса донеслись звуки ударов и всплеск – вероятно, чьё-то тело упало в воду. Затем – хор разъярённых голосов.

Выбравшись из своего угла, Никодимус метнулся к лестнице. В отверстии люка показалась тень с абордажным топором. Человек поднял оружие и побежал на нос баржи.

Никодимус снял с левой части груди несколько предложений. Вместе с заклинанием по коже расплзлась боль: защитные строки должны были разрушить любой другой магический текст, попытавшийся его коснуться. В сочетании с какографией это на краткое время делало Никодимуса неуязвимым для большинства заклятий. Вскоре каждый дюйм его кожи светился фиолетовыми письменами.

Вопли и звуки ударов слышались теперь с носа баржи. Вдруг раздался громкий треск, и она накренилась. А вот и неодемон. Никодимус легко взбежал по ступенькам.

После черноты трюма безбрежное звёздное небо и сияющая река ослепляли. Никодимус увидел перед собой фонтан белого света, чётко обозначивший силуэт рыцаря, когда пират рубанул своим топором по металлическим доспехам. Лезвие лязгнуло о сталь. Сэр Клод всё с той же невероятной скоростью развернулся и левым мечом вспорол пирату брюхо.

Никем не замеченный, Никодимус скользнул на корму, оттолкнулся от ганвейла и спрыгнул в реку, успев вытянуть руки и перевернуться вниз головой. Удар о воду – и падение замедлилось, превратившись в погружение. Никодимус извернулся и начал всплывать, за его спиной струились длинные волосы.

Когда голова оказалась над водой, он споро погрёб назад, к украденной барже. Контрзаклятия, покрывавшие тело, завихрились, их яркость быстро возрастала. Без сомнения, вода была зачарована богозаклинанием Речного Вора. Пока будет длиться его собственное заклинание, Никодимус сможет двигаться, прожигая текст насквозь. Речной Вор узнает о его приближении, но остановить не сможет.

По крайней мере Никодимус на это надеялся. Когда до баржи оставалось всего два гребка, он почувствовал, что его заклинания растаяли. Параграфы звучно пошли трещинами и осыпались, точно хлопья старой краски, Никодимус стал в лингвистическом смысле голым. Он успел сделать ещё один гребок и почти добрался до баржи, когда река вокруг яростно вскипела пеной и чужой силой.

Речная вода превратилась в кисель. На барже грохнули три взрыва. Что-то схватило Никодимуса за ноги и потащило в глубину.

Одним махом оказавшись в десяти футах под водой, Никодимус потянулся туда, где сквозь прозрачную воду виднелся затухающий свет. Не сглупил ли он, решив проверить своё первое правило борьбы с водяными?

Или, если уж на то пошло, своё второе правило?

Над водой взметнулся световой гейзер. В ушах у Никодимуса зазвенело от собственного крика.

Когда к их отряду присоединился новый эмиссар, Никодимус устраивал новичку экзамен, задавая вопросы вроде: «Каково первое правило борьбы со всеми водяными богами?»

Если новичок не знал ответа, Джон или Дория, слышавшие никодимусовы лекции множество раз, монотонно бубнили: «Ни в коем случае не лезть в треклятую воду».

Тогда Никодимус кивал и спрашивал: «А каково второе правило борьбы с водяными богами?»

И его помощники всё так же нараспев отвечали: «Ни в коем случае не лезть в треклятую воду».

Мир померк в глазах Никодимуса, ему оставалось только молиться о том, чтобы сегодняшнее исключение действительно подтвердило его правила.

Глава 5

Никодимусу казалось, что он всё ещё тонет, как вдруг обнаружил себя висящим вверх ногами на украденной барже. Стекающая с тела вода застилала глаза, мокрые волосы облепили лицо. Откуда-то сзади лился мягкий зелёный свет.

От неестественного положения кровь прилила к голове, мысли туманились от странных текстов, не позволявших прибегнуть к чарословию. Похоже, неодемон наложил сразу несколько цензурных заклятий на его разум. Несколько, потому что Никодимусова какография не спешила исковеркать тексты, вошедшие с ней в непосредственный контакт. Если сосредоточиться на ломке, то дело пойдёт быстрее. Однако этого пока не требовалось, он должен казаться врагам безвредным.

– Ты подвергнут цензуре и привязан за ноги, – произнёс женский голос. – На твоём месте я бы не дёргалась. Попытаешься освободить разум или тело, и тебя постигнет мучительная боль.

– Благодарю, но мы с нею старые знакомцы, – прохрипел Никодимус, отплевываясь от лезущих в рот волос. – Так что излишние формальности ни к чему.

Он вытянул руки, пытаясь дотянуться до палубы и опереться, чтобы дать отдых лодыжкам, но до неё было добрых полфута.

– То, что ты – чарослов, это очевидно, – продолжил тот же спокойный голос. – Да ещё мастер рассеивающих чар. Не соображу только, на каких языках ты плетёшь свои заклинания. Не желаешь просветить?

Никодимус закашлялся, собираясь с мыслями. Особо трепать языком не следовало, его история должна была выглядеть простой и незамысловатой, это облегчит вербовку божка.

– У-учился у кобольдов Остроконечных гор. Так что не советую дотрагиваться до моей кожи.

– Никогда прежде не встречала кожной магии. И много вас таких на юге?

– Достаточно, да только людей раз-два и обчёлся. Может быть, я вообще один такой.

Никодимусу наконец удалось сдуть волосы с лица, вода тоже прекратила стекать. Его глазам предстала палуба, ганвейл и скользящий мимо берег Матрунды, поросший джунглями. Похоже, Речной Вор поверил в «папочку, спешащего на помощь», и теперь удирал в низовья с новым пленником.

Постепенно глаза Никодимуса привыкли к тусклому зелёному свечению. У ганвейла стояли трое матросов в ланготах, повязанных так, чтобы они не доходили до колен. У двоих из них виднелись свежие раны на груди, пираты тарасились за корму, проверяя, нет ли погони. Третий уставился на то, что выглядело четырёхфутовым металлическим коконом, отрастившим стальные щупальца, впившиеся в шпангоуты.

Итак, сэр Клод разыграл эндшпиль своей партии «подранка». Когда заклинания, одушевляющие доспехи, разрушились, упавший рыцарь отредактировал лингвометаллическую броню в защитную форму, которая вписалась в корпус баржи, что и помешало пиратам выкинуть его за борт. Щель в шлеме позволяла сэру Клоду наблюдать за попыткой Никодимуса установить контакт с водяным.

– Ну, – произнесла сзади невидимая женщина, – и что же свело единственного в мире человеческого спеца по кожной магии и лорнского рыцаря на судне иксонского купца, промышляющего контрабандой опиума?

– Могу я узнать, с кем беседую? – Никодимус изогнул шею, пытаясь разглядеть лицо допрашивающей, но лишь получил прядь мокрых волос по глазам.

– Это не беседа.

– Что же тогда?

– Такая разновидность разговора, при которой ты рассказываешь мне всё, что я захочу узнать. В противном случае я узнаю, трудно ли пробить ножом твой позвоночник.

– Как нарочно, подобные разговоры мне удаются хуже всего.

– Я начну с нижней части спины, так что у тебя будет время попрактиковаться перед смертью. Рассказывай, что привело тебя и железного человека на баржу с опиумом.

– Амбиции, жадность и, наверное, немного отчаяния.

– Продолжай.

– На моей совести немало крови. Я жил на юге, потом перебрался в Шандралу, где старый приятель свёл меня с контрабандистами, искавшими чарословов для защиты новой партии опиума. У сэра Железнозадого нашлись примерно те же причины, чтобы покинуть Лорн.

По мере того, как Никодимус разглагольствовал, зелёное сияние разгоралось всё ярче и ярче.

– Получается, – продолжала дознавательница, – некие головорезы с юга хотят приложить руку к торговле опиумом на Матрунде?

– Логичная гипотеза, – похвалил Никодимус. – Будет ли столь же логичной и моя, если я предположу, что разговариваю с аватарой Речного Вора? Или с его верховной жрицей?

Женщина засмеялась. Смех был лёгким, с ноткой затаённого веселья. Никодимуса что-то неприятно кольнуло.

– Что навело тебя на подобную мысль? – спросила она.

– Прости невежу-чужестранца. Я ничего не знаю об ипостасях Речного Вора, но когда ты упомянула о перевозке опиума по Матрунде, свет позади меня сделался ярче. Если кражи – одна из ипостасей Речного Вора, рост торговли опиумом на Матрунде даёт дополнительные возможности, а следовательно, и мощь неодемона растёт. Аура его аватары тоже станет ярче.

Два пирата холодно покосились на Никодимуса.

– Незаурядная дедукция, – заговорила невидимая женщина. – Ты уже имел прежде дело с неодемонами?

– Моя жизнь на юге была непростой, и я обзавёлся кое-какими навыками, которые могут быть полезны Речному Вору.

– Хочешь к нам присоединиться? Но стоит ли Речному Вору доверять тому, кто с такой лёгкостью предал бывших хозяев?

– Меня наняли, чтобы я, не щадя живота, защищал груз. Я был единственным в лагере, кто заметил твои шалости и, рискуя жизнью, попытался тебя остановить. В твоих же руках я всё равно что труп. Полагаю, это означает, мой предыдущий контракт закончен.

– Благородный наёмник? Надо же, куда ни плюнь, попадёшь в такого.

– «Благородный» – слишком громко сказано. Меня устроит и куда более скромное «достойный того, чтобы не убивать его прямо сейчас».

– Предположим, мы примем твоё предложение. В этом случае ты расскажешь нам о южанах, орудующих на Матрунде?

– Скажу, что опиум этой партии предназначался для особенного покупателя.

– Да ну?

Никодимусу следовало по-быстрому состряпать удобоваримую ложь, чтобы больше узнать об ипостасях Речного Вора. Он решил остановиться на любимой байке жены, которой та частенько потчевала богов воровства.

– Думаю, ты слышала о строгих законах Лорна, ограничивающих чаровство. Недавно их металлическое верховное божество запретило клирикам накладывать какие бы то ни было тексты на разум любого лорнского мужчины, женщины или ребёнка. В Небословье имеется лечебница для детишек. Некоторые из тамошних пациентов страдают от жестоких болей. Лорн и прежде не позволял целителям запасаться впрок потребными лекарствами, а теперь вдобавок они не могут даже произнести заклинания и облегчить боль. И целители наняли группу...

головорезов, так, кажется, ты выразилась? – чтобы те доставили в Небословье опиум, дабы избавить ребятню от страданий.

С каждым его словом зелёное свечение затухало. Значит, мимо. Никодимус хохотнул в голос. Теперь он точно знал, что за неодемон Речной Вор.

– Это было исключительно умно, – холодно произнесла женщина. – Настолько, что мне, видимо, придётся испытать этот нож на твоём хребте.

– У меня на редкость твёрдый хребет. Только загубишь хороший нож.

– Ничего, у меня ещё есть.

Сердце Никодимуса забилося быстрее.

– Но мои навыки могут вам пригодиться. Никто не знает богов так, как я. Только подумай о том, как быстро я раскусил ипостаси Речного Вора. Во-первых, он – водяной, причём – водяной лукавый. Иначе ему никогда бы не удалось спереть баржи одну за другой. Во-вторых, он – бог воров, в противном случае твоя аура не разгоралась бы при упоминании перспектив нового воровства. Но в то же время Речной Вор не просто бог воровства, иначе твоя аура не потухла бы, когда ты услышала, что вы украли опиум, предназначавшийся для лечения детей. Ипостаси Речного Вора покровительствуют воровству во имя справедливости, вы крадёте у богатых и отдаёте бедным, или что-то в таком духе. Подобный вид неодемонов – редчайший тип божеств. Я могу помочь ему достичь процветания.

Дознательница опять засмеялась, и опять с каким-то особенным весельем.

– Не знаю, то ли ты самый опасный пленник из всех, кто нам когда-либо попался, то ли ты по уши набит брехнёй.

– Одно не исключает другого.

– А может, ты просто-напросто чокнутый?

– Признаю, история о детишках действительно брехня. Зато она доказывает моё мастерство. Я могу передать свои знания Речному Вору. Могу помочь ему красть с размахом. Красть у других божеств.

Зелёный свет замерцал.

– И кто же позволит Речному Вору достичь столь впечатляющих успехов на ниве справедливого воровства?

– Правительство.

Невидимая женщина и трое пиратов неудержимо расхохотались.

Итак, игра вошла в завершающую стадию. А после того, как Никодимус раскрыл карты, она стала куда более опасной.

– Вам смешно, но поверь мне, я здесь не для того, чтобы развлекаться. Ни у кого нет таких возможностей для отъёма собственности, как у правительства, и если Речной Вор радеет за справедливость, он мог бы заодно следить, чтобы они не перегибали палку.

Смех прекратился. Теперь пираты смотрели на Никодимуса с затаёнными усмешками, словно ожидая, когда же вся эта болтовня обратится в шутку.

– Предположим, – продолжил Никодимус без тени улыбки, – ипостась Речного Вора не исчерпывается простой кражей. Если он умеет хорошо вымогать и присваивать, то мог бы стать богом казны и красть у аристократов, утаивающих деньги от сборщиков податей. Или, скажем, Речной Вор испытывает потребность в кражах со взломом и мошенничеством, тогда ему прямая дорога в шпионы. Этот бог мог бы красть у самой императрицы Вивиан, вместо того, чтобы грабить жалких купчишек. Подумайте, хорошенько подумайте, что сможет сделать Речной Вор для своих сторонников, если окунётся в имперское богатство или будет командовать налогом-обложением Иксоса или даже всех трёх государств Лиги. Я предлагаю вашему богу шанс определять судьбы Лиги.

Пираты уже не смеялись. Один сделал вид, что занят наблюдением за рекой. Двое других во все глаза смотрели на женщину, допрашивающую Никодимуса.

– Ты хочешь, чтобы Речной Вор сделался рабом, войдя в ваши карманные регентские божественные совокупности?

Он ждал этого вопроса. Его всегда задавали перед тем, как неодемон либо переходил на сторону Никодимуса, либо пытался вспороть ему брюхо.

– Разве я стал бы предлагать вам такую скромную награду? Вхождение в божественные совокупности хорошо для тех неодемонов, которым требуется защита Регента. С Речным Вором всё обстоит совершенно иначе. Ведь это Святому Регенту нужна защита от него. С правильным посредником, а именно – со мной, вы могли бы диктовать ему свои условия. А не хотите, забудем о регентстве. Отправимся прямо в Совет Звездопада, и тогда ваш бог получит территорию большую, чем эти королевства.

С носа баржи послышался крик, и один из пиратов поспешил туда. Интересно, что думает дознавательница? Она может быть ключом к Речному Ворю. Какое-то время Никодимус слышал только поскрипывание досок и плеск воды. Наконец, женщина заговорила:

– Похоже, у тебя очень высокое самомнение, раз ты считаешь себя вправе раздавать подобные обещания.

– В юности я кое-чего добился и теперь мог бы замолвить за тебя словечко.

– Кожный маг, – в голосе женщины росла тревога, – боюсь, ты был не полностью откровенен, когда рассказывал о себе. Ну, или ты вправду полоумный. С кем я беседую?

– Это не беседа.

– Ты пытаешься обратить ситуацию в свою пользу, будучи связан, отцензурирован, да ещё рискуя получить нож в почку?

Что-то холодное и острое коснулось левого бока.

– Пытаюсь, чтобы это не вошло в привычку, – ответил Никодимус со всем самообладанием, на которое был способен. – Я именно тот, кто может помочь Речному Ворю обрести мощь, которая ему прежде и не снилась. Более того, я могу предложить ему защиту.

Женщина хмыкнула.

– Я вовсе не боюсь, что всё это не сработает. Просто Речному Ворю незачем опасаться ни Тримурил, ни Леандры Марки, – её голос сделался резче. – Они не нашли нас до сих пор и не найдут никогда.

Помолчав, Никодимус мягко сказал:

– Твоя команда слушает нас. Позволь, я шепну кое-что тебе на ушко.

Что-то сдавило его бока, потом он почувствовал, как женщина склонилась к самой его голове.

– У тебя есть один удар сердца, чтобы убедить меня не раскромсать твоё тело на кусочки, такие мелкие, что подойдут на корм речной рыбе.

– Слишком поздно, – прошептал Никодимус. – Ты уже заглотила приманку.

– Что ты мелешь? – спросила она после паузы.

– Подумай о том, что я предложил тебе во всеуслышание. Кто, по-твоему, вправе давать подобные обещания?

– Никто.

– Никто, за исключением Никодимуса Марки. Ну, или его жены, – добавил он. – Если вы перейдёте на мою сторону, не говори Франческе, что я запамятовал, было, на её счёт.

– Ты чокнутый, словно обезьяна в течке.

– Ты ведь аватара Речного Вора?

– Ты не Альцион, – сказала она, игнорируя вопрос. – У нас есть информация, что Никодимус Марка около месяца назад отправился ловить богиню разбойников на восток Шандралу. И он ещё не возвращался.

– Откуда у тебя эти сведения? Скажи мне и не прогадаешь.

Женщина промолчала.

– Тебе сливает информацию кто-то из подчинённых моей дочери? Кто-то из них у вас в кулаке? Именно так вам удаётся ускользать от Леандры?

– Чушь, – неубедительно ответила женщина.

– Хочу, чтобы и ты, и твои люди услышали то, что я сейчас скажу. Это мой единственный шанс спасти Речного Вора. Если он не примет нашу сторону, ты и твоя команда умрёте. А потом я найду вашего божка и разберу его на точки и запятые. Ты его аватара, да? Мне нужно с ним поговорить.

Дознавательница фыркнула, бормоча себе под нос «с ним, с ним». Внезапно Никодимус узнал эти особенные скупающие интонации. Ему сделалось тошно.

– Ох... Пылающая преисподняя!

– Что ещё?

– Ну я и дурак!

– Едва я начала принимать тебя всерьёз, как ты опять понёс бред.

– До меня только что дошло, почему ты прежде не принимала меня в расчёт.

– Потому, что ты молол чушь?

– Потому, что доклады, которые я получал из Шандралу, описывали Речного Вора как водяного бога, и я им поверил.

Женщина не ответила.

– Никакая ты не аватара, верно?

– С чего ты взял?

– Речной Вор вовсе не водяной бог. Это водяная богиня. Ты – Речная Воронка.

После недолгого молчания она произнесла:

– Ты оказался не самым тупым мужчиной, которого я встречала. Хотя не сказала бы, что это такой уж большой комплимент.

– Прости меня, богиня. Ты настоящее лукавое божество и можешь принести несомненное благо Лиге. Однако если ты решишь остаться неододемоном, у меня не будет иного выбора, кроме как убить тебя.

– Попытайся.

– Я бы не позволил тебе поймать меня, если бы сомневался в своей безопасности. Ко всему, ты не богиня войны. Тебе удавалось ускользать от нас все эти годы только потому, что ты пряталась.

Она промолчала.

– А ты храбрая, – добавил Никодимус. – Большинство богов, оказываясь перед лицом смерти, начинают сыпать пустыми угрозами. Один из недостатков бессмертия, полагаю.

– Недостатков, смертный? Я та, которая подвесила тебя вверх тормашками и отцензурировала.

– Думаешь, это поможет тебе выжить?

На сей раз её молчание затянулось.

– Нет, если ты сказал мне правду, Никодимус Марка.

– Даже не сомневайся. А теперь позволь мне тебя спасти. Каковы твои атрибуты? Как я могу помочь тебе пойти в гору в Лиге?

– Мне нет места в Лиге, как и в любом другом месте, где правят люди, – в голосе богини прозвучала лёгкая грусть.

– Давай без театральщины, а? – хмыкнул Никодимус. – В Лиге, особенно здесь, на Иксосе, найдётся место любому божеству, – он помедлил. – Впрочем, лично я считаю, что все воплощённые боги этого континента должны жить свободно. Однако ты – неододемон, а не демон.

Ответа не последовало.

– Уж не хочешь ли ты сказать, богиня, что пересекла великий океан? Что ты – демон Древнего континента?

Вновь нет ответа.

– Ты блефуешь, – уверенно сказал Никодимус, хотя в сердце у него шевельнулся ужас. – Не думаешь же ты, что после тридцати лет ожидания Разобщения я поверю, что бог страха Лос послал сюда демонессу «краду-у-богатых-отдаю-бедным»?

– Никто не верит в грядущее Разобщение. Даже твоя дочь.

– Что-что?

– Послушай меня. В действительности я – божественная совокупность трёх богинь, одна из которых довольно стара. Мои ипостаси весьма сложны. Ты предложил мне воровство на законных основаниях и неподчинение Святому Регенту. Но сможешь ли ты предложить то, что удовлетворит ипостаси всех троих из нас?

– Если только ваши желания не включают всякую дрянь, вроде человеческой боли и жертвоприношений.

– Нет-нет, никакого варварства.

– Тогда я смогу ввести тебя в пантеон.

– Тогда... мы поговорим об этом.

Никодимус ощутил за спиной шевеление.

– Вытяни руки. Я обрежу верёвку.

Он послушно вытянул. Веревка ослабла, и Никодимус свалился с полуфутовой высоты, приземлился на руки, легко перекатился. Было немного странно вновь принять нормальное положение после того, как долго провисел вверх ногами. Кровь отлила от головы, он почувствовал, что мысли прояснились.

С благодарностью повернулся к Речной Воровке и увидел гибкую женскую фигурку, закутанную в белую ткань, трепетавшую вокруг шести изящных ручек: по паре от каждой богини, слившихся в божественную совокупность. Он вспомнил другую речную богиню, с которой был знаком когда-то давным-давно.

В каждой из шести рук Речная Воровка держала по ножу: узкий кортик, метательный кинжал, волнистый крис и так далее. Её силуэт обрамляла голубовато-зелёная аура. Никодимус уже собирался вежливо поклониться неодемону, которого надеялся завербовать, но увидел её лицо и окаменел.

Во второй раз за ночь он потерял ощущение смысла в происходящем. Лицо неодемона наполнило его душу смятением и ужасом. В голове бился один-единственный нелепый вопрос. Не отдавая себе отчёта в том, что делает, Никодимус спросил:

– Богиня, почему у тебя лицо моей дочери?

Глава 6

Стоя на центральной палубе катамарана, Леандра рассматривала широкую глыбу известняка, которой, собственно, и был остров Скважина.

Округлая, в милю диаметром, Скважина со стороны выглядела такой же, как и все прочие Стоячие острова. Однако ветер и вода прогрызли в центре Скважины просторную бухту, словно бы окружённую крепостной стеной, куда попасть можно было только с юга, через узкий пролом в известняке. Во время прилива пролом был просто трещиной в камне. В отлив же открывался туннель тридцати футов шириной и пятидесяти длиной, ведущий в Затон Скважины. Во время отлива опытные мореходы могли провести в Затон даже пятидесятифутовый военный катамаран. Именно это и сделала команда Леандры, повинувшись начальственному рёву лейтенанта Пелеки.

Во время их ювелирных манёвров Леандра вновь посмотрела на окрестные острова. Как и прежде, она ясно увидела только освещённые лунами известняковые скалы, однако ей показалось, что над одним из островов мелькнуло что-то тёмное. Она затаила дыхание. Интересно, это то же самое, что видел Холокаи, или нет? Оно было слишком быстрым и маленьким. В следующий миг что-то взлетело с ближайшего острова, и Леандра коротко рассмеялась. Какая-то морская птица, и ничего более.

Она с облегчением отвернулась. Катамаран как раз входил в Затон. Леандра с гордостью осмотрела свой секретный посёлок.

Знаменитые «морские посёлки» были разбросаны по всему заливу Стоячих островов. В этих небольших поселениях, высеченных прямо в известняке, с бамбуковыми террасами, мостами и палисадами, жили в основном рыбаки да изредка попадались купцы. Это были странные места.

Морской посёлок под названием Лазурный Пролив был построен в тени руин Сукрапора. Его развалины на вершине острова густо поросли фикусами, чьи жадные корни намертво обвились вокруг храмов и статуй богов Лотоса, погибших во время войны с морскими богами.

Ещё одна примечательная деревня располагалась на Гребне – самом южном и крупном острове архипелага. Дома там карабкались вверх по двум известняковым грядам, стоявшим так близко, что между ними были перекинута канатные мосты, постоянно раскачивавшиеся на лёгком морском ветерке. Леандра не слишком боялась высоты, но однажды ей пришлось переходить по такому мосту, и она обнаружила, что желудок неприятно сжался от вида колыхающегося голубого мира: тропического неба сверху и пенистых волн внизу.

Впрочем, вечерами почти все морские посёлки были великолепны. Жители зажигали лампы, заправленные маслом ореха кукуи, и вертикальные тени превращали лики скал в образы из снов.

Затон Скважины, тайный посёлок, выстроенный Леандрой и её последователями, живописностью не отличался. Дома на внешних сторонах скал тут не строили, не было вообще ничего, что могло бы указать на обитаемость острова.

Бухта, почти в четверть мили диаметром, была на редкость прозрачна. Когда её освещало солнце, можно было рассмотреть причудливых морских обитателей, копошившихся на дне футах в сорока от поверхности. Почти сразу над отметкой высшей точки прилива, специально высеченной в известняке, располагались доки и склады. Над ними, по кругу, – ряд выдолбленных в камне комнат с деревянными фасадами, соединённых прочным дощатым настилом, защищённым от солнца и дождя крышей из пальмовой соломы. Выше тянулись ещё два уровня, туда вели верёвочные лестницы с бамбуковыми перекладинами.

Уже у самой вершины в известняке были вырублены широкие террасы. Туда, с божьей помощью, была принесена почва с более крупных островов, и на каждой террасе что-нибудь

выращивалось: лотосский рис, тарро морского народа, нут или чечевица облачников. На неширокой терраске прямо над жилищем Леандры росло молодое деревце плюмерии, ронявшее в воду белоснежные лепестки.

Это тайное поселение звало домом около сорока душ, по большей части – человеческих, но беженцами были все до единой. Работы ещё продолжались. Учитывая, что высота известняковых утёсов Скვაжины составляла около ста футов, когда-нибудь тут могла поселиться и сотня душ. Здесь Леандра могла не опасаться за своих соратников и общее дело.

Матросы пришвартовали катамаран. Уютно помаргивали масляные лампы на втором и третьем уровне, кто-то из докеров зажёл два факела. Отражения их огней заплескали в воде, привлекая длинных скользких тёмных рыб.

По обычаю морского народа лейтенант Пелеки проводил Леандру на пристань, размахивая леймако, что демонстрировало её статус вождя. Дрюн в личине Дрюнарсона шёл по пятам. Их встречал мастер Ало – прокалённый солнцем морщинистый старик с седой косицей.

Двадцать лет назад он был первосвященником вердантской богини пожаров. Империя уничтожила его божество, захватила все земли и имущество ордена. Несколько единоверцев помогли ему бежать на Иксос. С тех пор он стал управляющим селения на Скважине.

– Мастер Ало, – Леандра кивком поприветствовала старца, – я чрезвычайно счастлива вновь увидеть твоё приветливое лицо.

Приветливостью физиономия Ало могла соперничать разве что с ведром.

– Полагаю, ничего из ряда вон выходящего в моё отсутствие не произошло? – добавила она с оттенком надежды в голосе.

– Большое каное привезло прошлой ночью новости из Шандралу. Вчера вечером в ваше семейное поместье прибыл королевский посланец. Святой Регент вызывал вас ко двору и был огорчён вашим отсутствием.

– И чего же желало его святейшество? – нахмурилась Леандра.

– Этого посланец не сказал.

– Мой отец вернулся в город?

– И об этом у нас сведений нет. Зато имеется доклад о некоей смуте. Вчера в порт после трёхдневного отсутствия вернулась рыбацкая лодка. Половина команды была мертва, их трупы гнили на палубе, а другая половина бредила о морских призраках и приближающемся Плаву-чем Острове.

– Опять эти байки? – поморщилась Леандра.

– Так нам донесли. Команда состояла преимущественно из морского народа. Кое-кто из их родственников обвинил во всём нового неодемона лорнских переселенцев из квартала Наукаа. В винном погребке на улице Каури вспыхнула драка.

– Есть ли какие-нибудь доказательства того, что лорнцы основали культ и завели неодемона?

– Только сплетни о Неразделённой Общине, стремящейся приблизить день Разобщения. Дрюн откашлялся.

– Дней десять тому я тоже кое-что услышал на арене. Историю о лотосском рыбаке, отправившемся на своей байдарке на промысел к Стоячим островам. Он вернулся, потеряв разум, лишь твердил о каком-то водовороте, который засасывает всё в подземный мир, и о столбе дыма шестидесяти футов высотой, бьющем ниоткуда. Рыбак метался в горячке несколько дней, после чего умер. Тогда я решил, что всё это выдумки.

Леандра выпрямилась.

– Как же я люблю эти обрывки бездоказательных, но красочных сплетен и пересудов, которые совершенно бесполезно расследовать. Впрочем, я внесу предполагаемого неодемона в список моих проблем. Нет ли ещё чего занимательного, о чём мне следует знать?

– Поговаривают о неурожае в Верданте, – Ало пожал плечами. – Торговцы рисом уже бегут наперегонки, стараясь первыми извлечь выгоду.

– Всё как обычно, – пробормотала она.

Её отец установил, что Тихое Увядание началось, когда демон Тайфон впервые приземлился на Новом континенте. Демонические метазаклинания предохраняли праязык от ошибок, что мешало жизни разнообразить саму себя. Метазаклинания Никодимуса, делающие язык более интуитивным и хаотичным, обратили Тихое Увядание вспять на землях Лиги. Тогда как метазаклинания императрицы лишь уменьшали ошибки в языке, чем усугубляли Тихое Увядание. За последние пятнадцать лет империю постигли уже три неурожая.

– Ещё что-нибудь, Ало?

– Насчёт нашей казны.

– Казны? – переспросила Леандра более визгливо, чем ей бы хотелось. – Насколько я помню, при последней проверке в сокровищнице оставалось на три тысячи рупий нефрита.

– Может быть, вы запомнили, что половину взяли для своего рандеву с контрабандистом. Если я спрошу, какую часть этого нефрита вы привезли обратно, получу ли я что-либо, кроме раздражения?

– Разумеется. Например, сильное раздражение.

– Госпожа, текущий курс вашей раздражительности удручающе низок.

– Тогда угрюмость?

– В этом году ценится даже меньше неприветливости, – вздохнул Ало. – Иными словами, вы растратили весь увезённый нефрит?

– Вижу, ты просто умоляешь меня прибегнуть к сварливости, – сварливым тоном проворчала Леандра.

– Итак, великий маятник нашего дела качнулся от великого же благосостояния к почти что нищете, – сухо произнёс Ало. – Как я вам уже напоминал, через три дня мы должны заплатить за провиант для Скважины, за содержание катамарана и выплатить жалованье вашей команде. А ещё есть мзда городским стражникам, адмиралу залива и казначеям.

– Боюсь, к маятнику придётся прибавить ещё кое-что.

– Большие расходы?

– Гигантские.

– Госпожа хранительница, могу ли теперь и я в свою очередь отплатить вам сварливостью?

– Увы, на этом рынке я монополист.

– Тогда, может быть, нервозностью?

– В последнее время обесценилась в связи с избыточным предложением. Прости, Ало, но мне потребуется всё, что осталось от нашей казны. Ночью у меня новая встреча с контрабандистом.

– Тогда я попытаюсь поточнее описать наше бедственное положение. Мы не можем позволить себе ещё одно богозаклинание. Разве что такое, которое превратит мою ушную серу в золото.

– Зная, сколь щедры на серу твои уши, это было бы просто находкой. Но есть же у нас какие-никакие доходы? Например, поступления от союзников?

Старик покачал головой:

– От Общины Западной дороги новостей давно нет, вероятно, ваш батюшка их накрыл. Банда Вашрамы опять задерживает плату за «крышу». Катамаран капитана Тапо по-прежнему в море. Отгрузка с Матрупора длится уже десять дней, а сведений от наших друзей с Внешних островов не следует ждать по крайней мере ещё один сезон.

– Как насчёт сражений на арене? – Леандра взглянула на Дрюна. – И связей с игорными домами?

– Турниры начнутся только после Ночи Ярких Душ. Когда я был неододемоном, мог устроить подпольный бой. Но теперь я в пантеоне, так что... – он развёл всеми четырьмя руками.

– Мило, – буркнула Леандра и закричала матросам на катамаране: – Лейтенант, оставь для капитана Холокаи зажжённый факел! И разбуди меня, когда он вернётся. Остальным отправляться на боковую. Завтра рано вставать. Ало и Дрюн, пожалуйста, идите за мной.

С этими словами Леандра направилась по дощатому настилу к деревне. Колени болели, живот тоже, но уже не так сильно. Если повезёт, приступ утихнет сам собой. Сейчас ей как никогда требовалась удача. Хоть самую малость.

– Может быть, мне связаться с каким-нибудь банкирским домом? – послышался за спиной голос Ало.

– Никаких ссуд, – Леандра даже остановилась. – Если потребуется, я задействую наше семейное состояние. За ссудой последует наведение справок, а всякое наведение справок – это присутствие здесь нежелательных гостей.

– Как скажете. Но...

– Сколько серебра нам нужно?

– Две тысячи пятьсот тридцать две рупии, – немедленно ответил старик.

– Когда? – Леандра постаралась сохранить бесстрастное выражение лица.

– Через три дня, если вы хотите, чтобы чиновники были надёжно подкуплены, а население острова – сыто.

– Хорошо. Я позабочусь.

Не сегодня-завтра она, возможно, будет мертва. Или королевские служители правосудия наконец раскроют её игру, которую Леандра вела со вселенной. Или всё провалится в пылающую преисподнюю после того, как она убьёт любимое существо. К чему беспокоиться о деньгах? Совершенно ни к чему.

Ало с сомнением посмотрел на неё. Она кивнула.

– Благодарю тебя, мастер Ало. Извини, что выгащила из постели. Проследи, прежде чем туда вернуться, чтобы катамаран был обеспечен провиантом. Со следующим отливом я уйду в Шандралу.

Поклонившись, старик ушёл. Дрюн тоже отвесил ей поклон:

– Позволено ли и мне...

– Нет, я хочу с кем-нибудь поговорить сейчас, но желательно с кем-нибудь без... В общем, без этого вот, – она показала на его клочковатую бородёнку.

Божественная совокупность усмехнулась, и борода, подобно снегу, опала к её ногам. Кожа Дрюна разгладилась, подбородок уменьшился, глаза увеличились, и тело стало телом богини победы.

– Так лучше? – спросила Ника.

– Да.

Леандра начала карабкаться по верёвочной лестнице. Её жилище, самое просторное на острове, на деле было не больше каюты обычной лорнской галеры. Леандра понимала, почему некоторые прячущиеся на Скважине чувствуют себя здесь как в тюрьме.

Она зажгла ароматическую палочку и скрылась за ширмой. Кто-то позаботился принести в ванную бадью свежей воды, бамбуковый ковш и кусок мыла. Леандра осторожно отвязала кошель с отравленными иглами, потом метательные ножи, положила всё это на табурет.

– Раз уж мы выяснили, что ты у нас старая и мудрая, подчёркиваю – «старая», – сказала она Дрюн, раздеваясь, – то, наверное, сможешь дать мне совет по поводу расследования убийства, которое я могу совершить ранним утром.

Леандра вылила себе на голову ковш прохладной воды.

– Ты уже допрашивала и меня, и, полагаю, Холокаи.

Леандра поёжилась, смывая пот и морскую соль.

– Разумеется.
– Кто остался?
– Мой отец, если только он успеет вернуться, может доставить хлопот. Мать?.. Вероятно. Но она на другом берегу океана. Ещё мой бывший любовник...

– Красивый волшебник-недоучка, о котором ты упоминала той ночью, когда мы упились кавой?

– Он. Таддеус.

– Тот самый, с острым умом и жадным интересом к тому, как текст может заставить тебя изменить решение?

– Единственный и неповторимый.

– Ты тогда рассказывала мне о том, какие чудные вещи вы с ним творили в постели.

– Давай согласимся, что языком трепала кава.

– А ещё он мог плести чары даже после курения опиума.

– У тебя замечательная память на всякие постыдные вещи, которые я упоминала мимоходом.

– Упоминала мимоходом спьяну.

– Верно.

– Не он ли разбил тебе сердце, связавшись с другой женщиной?

– С тремя женщинами.

– Что же, надеюсь, ты убьёшь именно его.

– Я тоже, – вздохнула Леандра, окатила себя водой из ковшика и принялась намыливаться, начав с распухших коленей. – Дрюн, этот контрабандист, продавший нам богозаклинание... Он не показался тебе знакомым?

– Что ты имеешь в виду?

– Не могу избавиться от ощущения, что где-то его видела, хотя это совершенно невозможно. Наверное, кто-то мне о нём рассказывал. А ты ничего такого не заметила?

– Нет, – немного подумав, ответила Дрюн. – Но хочу повторить, что я ему не доверяю.

– Ему и нельзя доверять, он же контрабандист.

– Нет-нет, мне кажется подозрительным, что его посредники обращаются к нам с предложением продать пророческое заклинание как раз тогда, когда у нас самое напряжённое время.

– А что ты думаешь о его истории насчёт новой войны между Империей и Лигой?

– Об этом мне сложно судить, – сказала Дрюн. – Хотя я не исключаю вероятность конфликта, вроде осады Огуна.

Двадцать два года назад Империя обложила иксонских купцов тяжёлыми податями. Вдобавок воздушный флот Огунских островов не смог защитить купеческие суда от пиратов. Когда иксонские шпионы разведали, что подкупленный иерофантский маршал взял под покровительство небольшой пиратский клан в обмен на прекращение грабежей огунцев, Лига вторглась на острова под предлогом избавления их от пиратов. Империя восприняла это как нарушение суверенитета, и разразилась кровавая война, длившаяся целый год. В итоге иксонский флот и богиня войны Таграна, способная, фигурально выражаясь, превращать обыкновенных мужчин и женщин в тигров, захватили Огунские острова и осадили город, принуждая Империю пойти на уступки.

Леандра обдумала вероятность роста напряжённости между Иксосом и Триллиноном.

– Со времени той осады Империя старается не враждовать с Иксосом. По-моему, императрица предпочла бы играть в свои политические игры на Остроземье, на границе с Лорном.

– Любая женщина может передумать, даже императрица.

– Это правда, – согласилась Леандра, окатывая себя водой.

– Возвращаясь к тому, с чего мы начали. Ты уверена в истинности пророчества?

– Да. Если же я сбегу, умрут все мои близкие.

– А если просто обо всём забыть?

– Сомневаюсь, что это сработает. Ведь это ничем не отличается от бегства. В любом случае, как можно забыть о том, что собираешься кого-то убить?

– Много вина?

– А оно тут вообще есть? – сквозь смех спросила Леандра, смывая остатки пены.

Она услышала, как Дрюн обходит небольшую комнату.

– Нет, – с сожалением сказала богиня. – Разве пойти посмотреть, не найдётся ли в кладовой?

– Так мило с твоей стороны.

– Было бы ещё милее, если бы я не планировала составить тебе компанию.

Леандра хихикнула. Под тяжестью богини заскрипела верёвочная лестница. Леандра вылила себе на голову последний ковш воды, вытерлась и натянула одежду, висевшую на ширме.

После чего вышла на террасу. Масляные лампы почти потухли. В доках горел только один факел. В воде под ним несколько рыб описывали вялые круги.

Леандра прислушалась, не утихла ли боль в животе, когда лестница вновь заскрипела. Она обернулась и увидела Дрюн. Верхними руками та перебирала перекладины, в правой нижней держала фарфоровый кувшинчик, а левой – две фарфоровых же чашки. Леандра улыбнулась.

– Вообще-то, мне не стоит пить во время приступа.

– Не стоит, – легко согласилась Дрюн. – Придётся принести себя в жертву и выпить всё за тебя.

Богиня, держа в каждой нижней руке по чашке, плеснула в них рисового вина и протянула одну Леандре. Та взяла.

– Не могу принять от тебя такой жертвы, Дрюн. Кроме того, я не позволяю себе дурных привычек, лишь...

– Лишь всепоглощающие страсти, – закончила Дрюн нарочито скучающим тоном. – Могу тебя заверить, я не добавляла туда тетродотоксин, – и она отсалютовала Леандре чашкой.

– За друзей, которым не нужно травить друг друга, – сказала Леандра, и они по южному обычаю сдвинули свои чашки.

Леандра пригубила вино. Оно было излишне сладким, но приятным.

– Удивительно, как это Ало сподобился потратить рупии на вино для всех.

– А он и не тратил, – откликнулась Дрюн. – У него имеется собственный тайник за книжными полками. Временами там можно разжиться даже бутылочкой манданы. Заметив, что он ещё торчит в доках, я спасла это вино из его покоев.

Леандра расхохоталась.

– Напомни мне, чтобы я купила в городе гостинец для сего замечательного господина.

– Подари ему две тысячи пятьсот тридцать две рупии, иначе его удар хватит.

– Ты права, – со вздохом ответила Леандра и повернулась к бухте. – Завтра нам предстоит напряжённый день.

Они молча пили и смотрели на свет единственного факела, отражающийся в воде. Рыбы продолжали нарезать под ним свои неправильные круги. Наконец, Леандра объявила, что идёт спать. Дрюн вновь стала Дрюнарсоном и встала на страже у лестницы.

Стоило Леандре положить голову на подушку, как она уснула. Ей снилось тёмное море и неустойчивая палуба под ногами. Океан бурлил водоворотами. В ста футах над ней в небо вздымался столб дыма, появившийся из ниоткуда. Холокаи и Таддеус тоже были там, оба ужасно сердитые. Потом она очутилась в дральском лесу, прохладном и зелёном. Высоко над головой простирали ветви дуб. Ветер шелестел его листвой. Она была маленькой девочкой, и отцовский голос всё звал её куда-то... звал...

Леандра проснулась. Сон мигом истаял в ничто. Она попыталась его припомнить, но внутри возникло отвратительное, тошнотворное ощущение, словно она чего-то ужасно боялась. Чем усерднее она пыталась вспомнить свой сон, тем быстрее он исчезал из памяти.

Леандра села в постели. Перистые облака, слегка подсвеченные ранней зарёй, плыли по небу. Живот не болел. Однако большая часть её будущих «я» через час испытывала сильнейшее беспокойство. Ах да, пророческое заклинание.

Сегодня утром её что-то огорчит. Скривившись, Леандра потёрла лоб, где должно было находиться богозаклинание. Знай она заранее, что оно собирается будить её на час раньше по утрам, не стала бы его покупать.

Дрюн всё так же стоял на вахте, сложив на груди все четыре руки. Похоже, даже не пошевелился за ночь. Интересно, о чём думают боги, когда вот так застывают?

В надежде вновь уснуть Леандра плюхнулась обратно в тёплую постель, всё ещё раздражённая богозаклинанием. Однако через минуту почувствовала, что мочевого пузыря, как назло, полон. Пришлось сбежать на горшок, прежде чем вновь вернуться под простыни. Но лишь для того, чтобы понять: она не может перестать думать о том, из-за чего именно ей предстоит поволноваться через час. Без толку проворочавшись с боку на бок, она окончательно отказалась от надежды уснуть и вышла на террасу.

Утро помрачнело. Над островом повисла брюхатая туча. Леандра посмотрела на воду и заметила первые дождевые капли. Тёплый тропический ливень.

Был прилив, факел давно догорел. Вглядевшись в прозрачные воды, Леандра содрогнулась, увидев огромное тело, проплывшее между корпусами лодки, в которой она опознала свой катамаран. Кошмарное создание описывало круги по Затону, отчего вся его поверхность покрылась бурунами и водоворотами.

Леандра кинулась к верёвочной лестнице.

– Мне пойти с... – начал, было, Дрюн, но она не дала ему договорить.

– Оставайся здесь. Я скоро за тобой пришло.

Спустившись по лестнице, она заторопилась по дощатому настилу. К тому моменту, когда она спустилась к докам, Холокаи уже сидел на краю. Мокрый, голый, в человеческом облики. Он тяжело дышал, но улыбался.

– Быстро я, да? Я же тебе говорил, что моя сила растёт. Думаю, число верующих в меня увеличилось. Но я так голоден, что могу есть три дня подряд.

– Ничего не попало на зуб на обратном пути?

Обычно Холокаи возвращался из долгого путешествия с желудком, набитым тюленями.

– Времени не было, – покачал он головой. – В пяти милях от Лазоревого пролива я несколько раз обошёл вокруг прибывающего корабля южан. Но стоило мне к нему приблизиться, как я кого-то там пробудил. Никогда прежде не встречал такого. Эй, Леа, в следующий раз предупреждай, что отправляешь меня оседлать прилив, – он засмеялся.

– О чём ты? – живот Леандры болезненно сжался.

– Ну... ты знаешь, каково это. Находясь в своей стихии, я могу чувствовать другого, подобного мне. Мне не нравится приближаться, но, может быть, не нравится мне одному, понимаешь?

– Холокаи, – не выдержала Леандра, – кого ты почувствовал? Другого бога?

– Да, что-то в этом роде, – его лицо сделалось задумчивым. – Только, по-моему, это не бог. Забавно, но его присутствие было похоже на... похоже...

– Ты всплывал на поверхность? – Живот окончательно скрутило.

– На краткое время, чтобы одним глазком поглядеть над водой. Временами эти южные парни воображают себя мастерами-гарпунщиками, а я... Я голоден, конечно, но не алчен, – он поморщился, видимо, вспомнив, как в последний раз проглотил моряка.

– А название корабля, Кай? Ты его разобрал? Такая большая золотая надпись на борту.

Холокаи нахмурился. Когда его глаза чернели, чтение не было его сильной стороной. Наконец, он произнёс:

– «Острая королевская пика».

Леандра застонала. Её родители полюбили друг друга в остроземском городе Авил во время политических интриг, в которых было замешано воздушное судно «Королевская пика».

– Леа, знаешь, на что было похоже присутствие существа, которое я почуял? Да знаешь, знаешь, сама же мне рассказывала. Думаю, это было похоже на...

– На дракона? – предположила Леандра.

– Как догадалась?

Леандра по слогам, как может только рассерженный, но уже выросший ребёнок, произнесла:

– Ма-ма.

Глава 7

Никодимус и неодемон с лицом его дочери непонимающе смотрели друг на друга.

– Твоей дочери? – переспросила Речная Воровка.

– Ты... – Никодимус запнулся. – Ты олицетворяешь её?

– Леандру Марку? Хранительницу Иксоса? То есть у неё моё лицо?

– Нет, это у тебя – её.

Речная Воровка прищурилась, словно до неё вдруг что-то дошло.

– Значит...

Все шесть рук сжали ножи.

Никодимус едва увернулся, когда правая рука неодемона взметнулась, бросая клинок. Тот просвистел всего в дюйме от его плеча. Никодимус как раз взломал последнее цензурное заклинание, связывающее разум. Речная Воровка прыгнула вперёд, метнув сразу три ножа. Никодимус отшатнулся, но одно лезвие зацепил-таки бедро.

– Прекрати! – завопил он.

Сорвал правой рукой с живота взрывное заклинание, метнул его под ноги неододемон, а левой бросил щитовые чары на палубу перед собой.

Стена защитных индиговых слов поднялась перед грудью Никодимуса. Речная Воровка метнула ещё один нож, на сей раз – крис, который держала в средней левой руке. Никодимус нырнул за щит. И тут грянул взрыв. Ударная волна выбила из головы все мысли, в ушах зазвенело. В следующий миг он обнаружил, что стоит на нетвёрдых ногах, а к нему бегут два пирата с ножами наперевес.

– Рори! – завопил он, снимая с бедра два ослепительных параграфа, которые образовали двуручный текстуальный меч. – Рори, пора!

К облегчению и ужасу Никодимуса, палуба перед пиратами взметнулась лесом острых, как стрелы, шипов длиной в пять-шесть футов. Гигантские занозы целились в ноги и животы пиратов.

Ночь наполнилась воплями. Никодимус огляделся и увидел, что вся команда ошеломлена жуткой порослью.

Грохот заставил Никодимуса развернуться к правому борту. Его взрывное заклинание ударило неододемона о ганвейл. Одна или две пики из ожившего дерева Рори попали богине в бок, но большинство их сломалось, ничем ей не повредив. Толстые, похожие на корни побеги проросли из ганвейла, пытаясь схватить неододемона за руки, но голубовато-зелёная аура Речной Воровки легко испепеляла их.

Внезапно баржа накренилась, Никодимус пошатнулся. Фонтан воды взметнулся из реки позади неододемона, уже окончательно освободившегося от побегов.

– Богиня, остановись! – закричал Никодимус. – Это не выход!

Та оглянулась. Её глаза горели беспощадным белым огнём. Она пошла на него уже более осмотрительно. Баржа снова дёрнулась, Никодимус споткнулся. Речная Воровка легко, словно танцуя, шагнула вперёд, взмахнула сначала левой средней рукой, затем правой. Первый выпад Никодимус встретил текстуальным мечом, от второго ушёл, отпрыгнув назад. Дико закричав, он нанёс удар снизу и отрубил ей правую верхнюю руку по локоть.

Она с визгом отшатнулась. Никодимус удвоил напор и выбил у неё один из ножей. Он уже готов был вонзить меч ей в живот, когда она отпрыгнула и упала. Откуда-то сзади послышался новый грохот воды, баржа закачалась.

– Богиня, сдавайся! Это не выход! – повторил Никодимус.

– Для меня нет безопасного места! – она воздела кулаки к небу.

Палуба встала на дыбы, и Никодимус повалился вперёд.

– Баржа тонет! – услышал он приглушённый крик Рори.

Обернулся и увидел белую мантию друида, выбирающегося из трюма.

– Нико, она использовала богозаклинание, чтобы потопить судно. Если мы останемся здесь, нам конец!

Речная Воровка зашипела как змея. Одна из её рук схватила Никодимуса за ногу, другая – вонзила кинжал в лодыжку. Однако там, где она прикасалась к его телу, голубовато-зелёное свечение угасало, разрушенное какографией. Богиня завопила и отдернула руки, нож воткнулся лишь на какой-то дюйм.

Свой меч Никодимус выронил, но это не имело значения: она была совсем рядом. Он упал вперёд и схватил неодемона за запястье. Бирюзовая аура замерцала, Речная Воровка вновь завизжала.

– Сдавайся, богиня!

Баржа накренилась сильнее. Никодимус вместе с неодемоном покатился по палубе и врезался в ганвейл.

– У нас пробоина в трюме! – заорал Рори.

– Сдавайся, богиня!

– Не могу, – всхлинула Речная Воровка, пытаясь выдернуть руку из его хватки, а двумя другими руками вцепившись в ганвейл.

– Не пускай её в воду! – продолжал надрываться Рори.

– Отпусти меня! – одновременно с ним вопила богиня.

– Сдавайся! – ревел Никодимус.

Но она продолжала вырываться, молотя руками. Что-то острое резануло Никодимуса по плечу.

– Мы не сможем больше жить в мире! – закричала она. – Я теперь ясно это вижу. Она всё разрушит, разрушит весь свет!

Никодимус поймал ещё одну её руку. Их лица находились почти вплотную друг к другу, белые пустые глаза смотрели в его зелёные.

– Не будет нам мира, – прошептала богиня, а затем, вместо того, чтобы вырваться, обвила его всеми руками и ногами.

Воздух вокруг них взорвался, когда его какография принялась разрушать её богозаклинание.

– Постой, – жалобно умолял Никодимус. – Постой...

Ему нужно было знать, кто она такая, кто посмел нацепить лицо его дочери, действительно ли Речная Воровка – демон Древнего континента. Но та лишь прижималась к нему всё плотнее. Вспыхнул сноп голубых и зелёных искр, и она исчезла, став светом и воздухом.

Никодимус обнаружил, что лежит на палубе весь в крови.

Глава 8

Франческа Де Вега наблюдала за матросами, бегающими по палубе и лезущими на таке-лаж. На востоке полоска зари уже осветила иксонский берег. Занимался новый день, весь рябой от плывущих над морем облаков.

От этой картины сердце у Франчески сжалось, знакомое чувство посетило её впервые с тех пор, как она месяц тому назад покинула остров Звездопада. Сведения, которые она везла Никодимусу, нельзя было доверить ни посланцу, ни заклинанию колаборис, поэтому ей пришлось оставить дральский пантеон в хаосе, который они называли самоуправлением. Если Совет прошёл успешно, к Шандралу уже шли военные корабли. Политические заботы усугубляло ожидание встречи с мужем и дочерью. Романтической прогулки по тропикам не предвиделось. А жаль. Ей бы она не повредила.

Ночью Франческа проснулась в своей каюте, почувствовав, что какое-то незнакомое божество кружит под её кораблём. Божественное присутствие ощущалось совершенно определённо, и текстуальный мозг Франчески тут же приступил к лихорадочным пророческим выкладкам. Как уже случалось с ней после сражения с Тайфоном, Франческа воспринимала будущее в виде ландшафта, по которому она путешествовала.

Мимолётный взгляд, и её посетило три озарения. Во-первых, божество, плавающее в глубине, могло в ближайшие дни её убить. Во-вторых, большая часть её собственных будущих «я» и будущих «я» морского божества пересекутся в лазарете Шандралу. Каким образом это произойдёт, она не знала. В-третьих, происходящее ныне в Шандралу окажет огромное влияние на все шесть человеческих королевств.

Последнее озарение подтверждало то, что Франческа уже подозревала, именно эту новость она везла Никодимусу. Она взмолилась создателю, чтобы Совет прошёл успешно, и к Иксосу выступили войска Драла и Лорна.

Почувствовав морское божество, она встала с койки, нечаянно разбудив свою ученицу и соседку по каюте. Выскочив на палубу, она взглядела в освещённые звёздами волны, надеясь разглядеть своего будущего противника. Может быть, это бог-кракен? Или богиня-косатка? Божественная совокупность человека и морского животного? Увидеть хотя бы мельком, хоть кончик щупальца. Но божество, покружив вокруг корабля, с умопомрачительной скоростью уплыло в сторону Шандралу.

Её ученица, целительница Эллен Д'Вейлин, вышла вслед за Франческой на палубу. К ним присоединились два друида, Тэм и Кенна, оба из Терновника. На помятом со сна лице Эллен была написана тревога врача, поднятого среди ночи с постели. Близнецы-друиды с неотлично похожими лицами заспанно моргали. Эта троица и была, собственно, отрядом Франчески, самым маленьким за все последние годы.

Если бы Франческа могла лучше контролировать свою способность превращаться в дракона, она бы оставила их и полетела в Шандралу. Но её воплощения были такими, какими были, поэтому пришлось пуститься в очередное морское путешествие. По крайней мере она получала удовольствие от приятной компании.

Франческа попробовала отправить своих спутников обратно спать, но те, услышав о морском божестве, наотрез отказались оставлять её одну.

Интересно, что они рассчитывают сделать для дракона такого, чего она не могла сделать для себя сама? Если бы морское божество напало, в ней, без сомнения, сразу бы пробудился дракон. Однако не стоило лишний раз напоминать об этом товарищам, они бы почувствовали себя маленькими и незначительными. И в следующий раз, когда она попытается отослать их под предлогом какого-нибудь мелкого и незначительного дела, они начнут возражать именно по причине малости и незначительности.

Когда-то Франческа трудно было удержать язык на привязи, но за годы правления она научилась понимать, как важно иногда хранить молчание. Ну, почти. Почти.

Так что она осталась вместе со своими спутниками, пока не пробили склянки и не сменился вахтенный. Франческа ощутила удар колокола как восхитительное алое облако, превратившееся в угасающую дрожашую искру, а затем и вовсе растворившееся в тишине.

Тридцать четыре года назад они с Никодимусом были втянуты в аферу Тайфона, узурпировавшего власть в Авиле. Полудракон по прозвищу Саванный Скиталец напал на Франческу, навсегда изменив её разум. В действительности Саванный Скиталец был тем, что осталось от древнего какографа по имени Джеймс Берр. Его прикосновение заставило её уши передавать услышанное той части мозга, которая отвечала за зрение.

Сначала такое синестетическое восприятие звука сделало Франческу практически глухой. Потом она приспособилась к особенностям своего мозга, научившись интерпретировать видения как звук, распознавать слова по очертаниям и цвету, голоса – по оттенкам и образам. Музыка поначалу обескураживала её, производя практически галлюциногенный эффект: река цвета и света, текущая по ландшафту времени, иногда – пульсирующая, иногда – привольно разливающаяся. Картина, которую невозможно описать людям с нормальным слухом. В итоге поэтические и музыкальные вкусы Франчески изменились, классике она теперь предпочитала новизну и естественность. В общем, обратила свою удручающую инвалидность в неповторимый способ познавать окружающий мир.

Сейчас она так привыкла к своему синестетическому слуху, что не испытывала ни малейших затруднений в распознавании звуков и общении.

Увидев ярко-красный корабельный колокол, она посоветовала своим спутникам не путаться под ногами у матросов. Но ей удалось убедить их отправиться спать только после того, как первый помощник капитана в не совсем вежливой манере предложил тем вернуться в каюты.

Они оставили её наедине с ночным небом раздумывать о морском божестве. То, что ему хватило хитрости скрыть свою сущность, намекало на солидный возраст воплощения неодемона. Однако ни один неодемон, вошедший на законных основаниях в иксонский пантеон, никогда не приблизился бы, не представившись. Настроение у Франчески испортилось, она стояла на палубе, морщась от ветра.

Ещё она размышляла о том, как быстро меняется мир. Каких-нибудь пятьдесят лет назад посланцы всех магических сообществ, от волшебников до пиромантов, встречались на советах, чтобы убедиться, что ни одно из них не участвует в войнах между королевствами, по крайней мере – открыто. Теперь Империя, никого не стесняясь, пополняла свои войска иерофантами, пиромантами, шаманами и волшебниками Астрофелла. Между тем как волшебники из Цитадели Звездапада, друиды и вещие кузнецы во всех происходящих конфликтах поддерживали Лигу.

Думая об этом, Франческа мрачнела всё сильнее. Встающее солнце уже поглотило полоску земли на востоке, а тропический ветер был пока довольно прохладен и приятен. Он наводил на мысли, что вот-вот после месяца на качающейся палубе и солонины с галетами её ждёт твёрдая земля под ногами и иксонское карри. Настроение Франчески улучшилось.

Она посмотрела на восток, чувствуя, как ветер развеивает её длинные тёмные волосы, потом – на север, и увидела Бюрюзовый пролив – узкий участок воды между полуостровом Шандралу и северным мысом. Он соединял залив Стоячих островов с океаном. Самых знаменитых известняковых глыб видно пока не было, они находились на восточной стороне залива.

Десятилетия назад Франческа была написана древним демоном Тайфоном и помещена в город Авил с целью завербовать Никодимуса. Но они с Нико избавились от контроля демона и повергли его.

Создавая Франческу, Тайфон наделил её воспоминаниями целительницы, которая училась в клирической академии Порты Милосердия, а затем работала в прославленной лечебнице Шандралу. В результате у Франчески оказалось много и личных, и исторических воспоминаний об архипелаге.

Прошло много времени с тех пор, как она была здесь в последний раз. Ныне Иксос – к лучшему или худшему – был вотчиной её дочери, и к воспоминаниям Франчески об истории архипелага примешивалась изрядная доля вины, тоски и гнева, которые она ощущала всякий раз, когда думала о Леандре.

Фактически Франческа явилась посмотреть, как дочь прижилась на Иксосе. Вот, скажем, иксонские летописи сообщали, что древний народ Лотоса построил Сукрапор, свой единственный и великий город, на широком известняковом основании, в том месте, где теперь находился залив Стоячих островов. Самого залива в ту пору ещё не было, только узкое устье, где Матрунда впадала в море. Сукрапор процветал, пока морской народ не решил покинуть цепь внутренних островов на своих катамаранах и каноэ. Войны между двумя народами были жесточайшими.

И самые кровавые битвы произошли в устье реки. Древние боги морского народа не раз таранили каменное основание под Сукрапором, превратив известняк в сотни высоких столбов, теснящихся в восточной части залива.

Морской народ одержал бы больше побед, если бы народ Лотоса в отчаянии не заключил бы союз с людьми Облаков, жившими на другой островной цепи. Облачный народ не отличался многочисленностью, зато владел примитивной формой магического языка гидромантов. Но окончательно баланс сил на архипелаге был восстановлен только с появлением первого водяного храма и самого ордена гидромантов.

Те войны тянулись столетиями, ослабляя народы, и закончились только тогда, когда разросшаяся Первая Новосолячная империя Триллинона не подчинила себе весь архипелаг. Под имперским правлением лотосцы отошли в верховья Матрунды и возвели там Матрундапор. Когда Первая Новосолячная империя рухнула, божества, по одному от каждого народа архипелага, слились в Тримурил, став первой божественной совокупностью. Объединённые этим божеством иксонцы завоевали независимость и основали королевство Иксос со столицей Шандралу.

Но, как это часто случается в истории, распри между народами никуда не делись. Древние предрассудки сильны. Стычки, а то и мелкие войны между морским народом и людьми Лотоса, облачным народом и морским, лотосцами и облачниками случались и по сию пору.

Франческа вновь задалась вопросом, не в перипетиях ли истории Иксоса причина того, что Леандра решила посвятить свою коротенькую жизнь архипелагу. Народы Лотоса, Моря и Облака вместе составляли тело Иксоса. Они зависели друг от друга и воевали друг с другом.

Архипелаг был кипуче живым и находился в состоянии войны с самим собой, точь-в-точь как тело Леандры.

Думая о недуге дочери, Франческа почувствовала во рту привкус пепла. Вспомнила пациентов, которых спасла. Она не колеблясь отказалась бы от них всех, если бы это позволило излечить дочь. Вместо этого детство Леандры превратилось в бесконечную череду анализов и осмотров. Но единственное, что удалось установить, это то, что во время вспышки болезни ей помогают высокие дозы гормона стресса. Они заставляют организм прекратить атаки на текстуальную составляющую.

До этого открытия Франческа вообще сомневалась, что Леандра переживёт свой десятый день рождения. Теперь, принимая во время приступов гормон стресса, дочь могла вполне дотянуть до сорока лет: весьма скромный возраст, учитывая её происхождение. Леандра была прекраснейшим произведением Франчески и одновременно – её самой большой неудачей.

Франческа подумала о других своих ошибках на ниве материнства. Когда-то ей казалось, что у неё просто нет иного выбора. Особенно если говорить о четырнадцати годах, проведённых в Порту Милосердия. Похоже, именно в ту ночь, в ту злополучную ночь она и потеряла Леандру.

– Магистра!

Франческа обернулась и увидела Эллен. Эллен была невысокой, смуглой, с глубоко посаженными глазами и коротко стриженными антрацитовыми волосами. На ней была чёрная мантия великой волшебницы. Франческе всегда было приятно её видеть.

– Эллен, ты вообще спишь когда-нибудь?

– Только что спала мертвецким сном, что всегда меня радует, – Эллен встала рядом у борта.

– Я не дала тебе выспаться, да?

– Вовсе нет, – возразила Эллен, глядя на море. – Наверное, если мне так нравится погружаться в мёртвый сон, полагаю, это доказательство того, что мне понравится быть мёртвой и наяву.

– Что за мрачные мысли в такое чудное утро?

Эллен улыбнулась.

– Совсем из головы вон, что госпожа магистра стала бессмертной ещё до того, как сделалась врачом, и чёрный юмор потерял для неё навсегда.

– Боюсь, моя лучшая ученица, что твой юмор не по зубам вообще никому.

– Ну, лучше уж такой, чем вообще никакого.

– А сама всегда смеёшься моим шуткам, – скривилась Франческа.

– Молодым целителям надлежит смеяться над шутками старших в их присутствии. Это помогает скрывать то, что они смеются над старшими в их отсутствие.

Франческа иронично покосилась на Эллен.

– О, я вспомнила, почему выбрала тебя в качестве своего лорнского эмиссара.

– Потому, что уважаете мои суждения и наслаждаетесь моим сухим остроумием?

– Нет, потому что ты – коротышка.

– Говорят, что краткость – душа остроумия, – Эллен взглянула куда-то в область ключицы Франчески, затем нарочито долго разглядывала все её шесть футов роста. – О, моя магистра, мне кажется, я поняла, почему, глядя на вас, не хочется смеяться.

– Иными словами, – вздохнула Франческа, – у тебя нет никаких соображений насчёт того, кем было то морское божество.

– Нет, – Эллен сразу поскущела.

Молодая целительница воспринимала любую неудачу, даже в совершенно невыполнимых делах, как личное оскорбление. Поэтому, наверное, она и нравилась Франческе.

Они ещё постояли, прислушиваясь к крикам матросов. Наконец, Эллен нарушила молчание:

– Магистра, похоже, вы совершенно не волнуетесь перед встречей с дочерью.

– Рада это слышать, потому что на самом деле я чувствую себя так, словно вот-вот сблую.

– Надеюсь, огнём?

– Ещё одна шуточка, и я действительно его изрыгну.

– Вам не кажется, что такого рода лицемерие мелковато для вас?

– В моём лицемерии нет ничего мелкого. Я тоже повинна в шутковстве.

– Короче говоря, – вздохнула Эллен, – вы так и не поняли, зачем нас посетило то морское божество.

– Нет.

Они вновь замолчали. Солнце, уже вполне взошедшее, подсвечивало белые облака и тёмные иксонские джунгли. За Бюрюзовым проливом показался первый Стоячий остров.

- Магистра, может, не совсем кстати, но раз уж мы заговорили о вашем прошлом, могу я задать вам один личный вопрос?
- Если я отвечу «нет», это тебя остановит?
- Опыт показывает, что вряд ли.
- Тогда давай покончим с этим сейчас.
- Как вы считаете, когда мы доставим наши новости лорду Никодимусу, ваша дочь не попытается его убить?
- Попытается. И я её прекрасно понимаю.

Глава 9

Леандра причёсывалась, когда услышала скрип верёвочной лестницы. Она улыбнулась, последний раз проведя черепаховым гребнем по волосам, блестящим, чёрным, совсем как у отца. Запястья болели, в животе засела какая-то тяжесть, но, похоже, болезнь отступила, несмотря на рисовое вино, выпитое ночью в компании Дрюн.

Позади скрипнула половица.

– Заходи, Кай. И задвинь занавеску.

– Как ты догадалась, что это я?

– Час назад, – она легонько постучала себя по вискам, – я почувствовала, что несколько моих будущих «я» переживают... устойчивое блаженство. И чем больше я думала о возвращении в спальню, тем устойчивее становилось это ощущение.

– Так пойдём туда прямо сейчас. Ты же знаешь, проблема с устойчивостью у меня возникла лишь однажды, – рассмеялся Холокаи. – В своё оправдание могу сказать, что это была ночь Ярких Душ на Мокумако, и мои верующие, видимо, перебрали кавы, совершенно позабыв обо мне и моих ипостасях.

Его тяжёлые руки легли ей на плечи и принялись массировать. Напряжение начало уходить из мускулов, Леандра с облегчением вздохнула.

Скалистый, поросший джунглями и влажными горными лесами остров Мокумако был родиной Холокаи. Именно там она нашла его несколько лет назад. Культ Холокаи по-прежнему был сосредоточен на этом острове.

– Ты о каких-то конкретных ипостасях?

Культ Холокаи стал возвратом в золотой век морского народа, отголоском тех времён, когда они с успехом грабили архипелаг. Островитяне верили, что когда придёт Разобщение, Холокаи защитит их от демонов. Его главной ипостасью было уничтожение любого божества, представляющего угрозу для острова. Кроме того, верующие молили, чтобы он подарил им сына, полубога, который поведёт народ к славе.

В результате Холокаи, особенно по утрам, когда его воины бывали чрезмерно горячи, испытывал непреодолимое желание сотворить этого самого полубога. Состояние здоровья Леандры сделало её бесплодной, но она не прочь была помочь своему капитану попрактиковаться в столь важном деле. За последние несколько дней Холокаи получил неожиданно мощный заряд молитвенной энергии. Он не знал, с чего это вдруг его верующие сделались такими набожными, однако не сомневался, что молитвы придадут ему кое в чём особенные силы.

– Катамаран готов? – прошептала Леандра.

– Ты же знаешь, его капитан не успокоится, пока полностью не удовлетворит свою красоту. Но, мне кажется, здесь есть ещё одна леди, чьи прекрасные обводы также нуждаются в наведении блеска.

Она прижалась спиной к его груди и улыбнулась.

– Ты почувствовала себя спокойнее, узнав, что сюда плывёт твоя мать?

– Спокойнее? Не сказала бы. Однако я могу, по крайней мере, подготовиться.

– Правда, что вы не виделись уже четырнадцать лет с самого Порта Милосердия?

– Правда.

– Ты когда-нибудь расскажешь мне, какая акула между вами проплыла?

– Конечно. Сразу после того, как вскипит море.

– Значит, – Холокаи прекратил массировать её плечи, – у нас есть пророчество о том, что тебе потребуется кого-то убить, и корабль твоей матери, входящий в залив... Может быть, это как-то связано с Разобщением? Не ждёт ли нас беда?

Леандра закрыла глаза. Она уже забыла, как близко к сердцу он воспринял пророчество.

– Никакая беда не должна прерывать массаж спины.
– Леа, я ведь серьёзно, – обиженно сказал он, возобновляя массаж.
– А если серьёзно, не вижу тут связи с Разобщением. Нет никаких признаков того, что демоны пересекли океан. Моё озарение касалось только меня самой.
– Не забывай, вероятность войны между Империей и Лигой...
– Опять политиканство! Империя пожирает богов, чтобы сделаться сильнее, чем Лига, а Лига накачивает божеств молитвами, чтобы идти нога в ногу с Империей. Может, они и куснут друг друга, чтобы посмотреть, у кого перевес. Что бы ни случилось, обоим государствам чихать на то, что они заставляют мучиться своих подданных ради победы над врагом. Наша задача – не поддаваться на провокации. Ну, и выжить, конечно.

Холокаи одобрительно хмыкнул.

– Кстати, насчёт выжить... Речь не о том, с чем нам пришлось столкнуться в той истории со слоновым богом наёмников?

– Дался он тебе.

– Он переломал мне все кости!

– А что, разве у акул есть кости? Я думала, у вас одни хрящи.

– Это неважно. Я просто хочу знать, с чем придётся столкнуться. Так сказать, насколько горячи воды, куда мы собираемся нырнуть.

– В сравнении с передрягами, в которых мы уже побывали?

– Именно.

Леандра задумалась. Став хранительницей Иксоса, она уже три раза подвергла себя и свою команду смертельной угрозе. Первый раз им пришлось разбираться со слоновым богом, который, сделавшись неодоном, попытался надавить на Святого Регента, чтобы тот включил его в божественную совокупность Тримурил. Леандра как раз пыталась вернуть его в пантеон, когда дело приняло опасный оборот. Если бы один из слоновых лейтенантов-неодонов не спятил, не сносить бы им головы.

Второй прокол Леандры был связан с неодоном-медузой. Та сделала своих кровожадных последователей невосприимчивыми к собственным ядовитым стрекалам в двадцать миль длиной, которыми обвила пиратские корабли.

Леандра бросила в атаку на пиратов полную эскадру, потеряв два корабля и половину команды, после чего была вынуждена бежать и выжила только потому, что вечером на море опустился необычно густой туман, и преследовательница потеряла их в сумерках. Остатки эскадры кое-как добрались до гавани. К счастью, вскоре сильный шторм выбросил неодома на берег, где тот и издох.

Третий случай произошёл совсем недавно. На северном взморье большого острова была обнаружена богиня-москит. Она сосала кровь у обитателей окрестных деревень и богоязык у своих соперников-богов. Переговоры с ней провалились, и во время поспешного отступления Леандра со своей охотничьей партией заблудилась в мангровых болотах. И тут они услышали жужжание роя москитов, заполнившего воздух на мили вокруг. Воплощения насекомоподобных неодонов были поистине кошмарны. Леандра увидела, как рой напал на человека. Твари облепили его с ног до головы, забирались под кольчугу. Несчастного высосали досуха в мгновение ока. Леандру с товарищами ждала такая же судьба. Их спасло внезапное извержение вулкана, чей дым и пепел прогнал рой.

Чем больше она размышляла об этих трёх своих промахах, тем лучше понимала, что выжила только по счастливой случайности: свихнувшийся лейтенант, морской шторм, извержение вулкана. С другой стороны, разве может быть иначе в этом безумном мире? Всякая душа в Шандралу была ещё жива только потому, что судьба пощадила её, уберегла от войны, болезни или катаклизма. Леандра напомнила себе, что только три её экспедиции обернулись бедой, а все остальные закончились успешно.

– Я бы сказала, – она повернула голову и искоса посмотрела на Холокаи, – что нынешняя ситуация так же опасна, как и история со слоном, но ей всё ещё далеко до историй с медузой или комарихой.

Тревога ушла из его глаз. Ему не слишком нравилось шевелить мозгами. Акулы, как правило, неважные мыслители.

– Тогда ладно.

– Ну что же, – Леандра вновь прижалась к его груди, – нет ли у тебя ещё каких-либо вопросов?

Он тихо рассмеялся. Его руки скользнули ниже, провели по коже, обняли за талию. Она почувствовала, что жадные пальцы начинают стягивать с неё одежду. Медленно, очень медленно подол её платья пополз вверх по ногам.

– Только один.

– И какой же? – она прижала ладони к его бёдрам, а он поцеловал её в шею.

– Уверена, что нас никто не побеспокоит?

– Я каждому дала задание, так что в ближайший час все будут заняты.

– И Дрюн? – он продолжал стягивать с неё платье, край подола был уже у бёдер.

– И он тоже.

– Обещаешь? – Холокаи вновь приник к её шее, а руки остановились на бёдрах. – Тебя слишком занимает четырёхрукий. Надо бы мне с ним разобраться, – он развернул её к своему красивому лицу с бездонными карими глазами. – Я не шучу. Ты чересчур много думаешь о нём.

– Когда ты ревнуешь, у тебя ямочки пропадают, – Леандра с улыбкой провела по его щеке. – Но ты ревнуешь зря.

– Я не ревную, – он прижал её к себе. – Но он какой-то странный. Он же обратился сам. Какой неодемон обратится по собственной воле?

– Тот, чьей ипостаси требуется слава и некто, кто эту славу может обеспечить. Мы с ним решили, что никогда не будем говорить о его прошлом.

– В общем, он выходит из ряда вон, – нахмурился Кай. – Тянет одеяло на себя, а мы – команда и должны работать вместе.

– Я с ним поговорю...

– Нет-нет... Сейчас у нас есть более важное дело, – он поцеловал её с возросшей нежностью, но она чувствовала почти безграничную силу в его руках.

– Да?

Его пальцы вновь медленно потянули платье по бёдрам, потом – выше.

Никодимус стоял на борту первой баржи и наблюдал, как Рори ремонтирует ту, которую пыталась украсть Речная Воровка.

После того как Никодимус взломал богозаклинание неодемона, Рори отредактировал друидский текст так, чтобы баржа держалась на плаву. Сэр Клод покинул свой металлический кокон и обработал раны Никодимуса, стараясь ни в коем случае не коснуться пациента.

Когда рассвет начал прятать звёзды за светлым пологом неба, на реке появился остальной отряд Никодимуса. Джону не удалось снять с Дории чары Речной Воровки. Лишь со смертью неодемона и быстрым разложением богозаклинания Джон сумел расколдовать магистру и всех остальных.

Рори выкрикивал команды лоцману четвёртой баржи, тот вместе с дюжиной матросов связывал два судна вместе. Друид хотел перенести часть текста с одной баржи на другую, чтобы завершить починку. Никодимус плотнее закутался в одеяло, несмотря на тёплое тропическое утро, обещавшее стать жарким днём.

– Я не приступила к шантажу только потому, – произнёс женский голос за его спиной, – что не решила ещё, чего мне от тебя надо.

Никодимус повернулся к магистре Дории Кокалас, эмиссару гидромантов Иксоса. В свои сто десять лет Дория была самым старшим чарословом при дворе Никодимуса. Она происходила из Облачного народа Шандралу и обучилась гидромантии в родном городе, а затем – целительству в Порте Милосердия.

Несмотря на почтенный возраст, Дория держалась прямо, гордо выпрямившись во все свои пять футов и десять дюймов. У неё были карие глаза, только начавшие мутнеть, и седые волосы, увязанные в конский хвост. Она рассеянно одёргивала длинные рукава синей мантии.

– Магистра, – улыбнулся Никодимус, – рад приветствовать вас этим прекрасным иксонским утром.

– Не уходи от темы. Когда я сообщу твоей жене, на какой риск ты пошёл, попытаюсь завербовать мелкого неодемона, она просто взорвётся.

– Но сперва взорвёт меня.

– А чего ты ждал, женившись на драконице?

– Дория, прости, что не разбудил тебя. Просто время поджимало.

– О, не переживай, я кого угодно могу простить после небольшой взятки.

– Даже не знаю, чем тебя умиловить? Обширное поместье? Кресло в совете Лиги?

– Я, пожалуй, склоняюсь к пяти-шести юным красавцам, которые будут таскать меню повсюду в паланкине, готовить мне кушанья и временами массировать пятки, – пожала плечами Дория.

Никодимус расхохотался. Из его эмиссаров и советников Дория была самой любимой и наиболее доверенной. Наверное потому, что она продержалась в его отряде двадцать пять лет, тогда как у всех прочих была скверная привычка погибать.

– Пять-шесть юных красавцев – это, по-моему, немного чересчур. Сойдёмся на двоих?

– Разве у тебя нет «первого правила борьбы с водяными», или как там это называется? – усмехнулась гидромантка.

– У Речной Воровки были атрибуты справедливого воровства. Ты же понимаешь, какую пользу она могла бы нам принести.

– Но ты ведь не знал об этом, когда полез в треклятую воду.

– Хорошо. Трое красавцев-слуг, – сказал Никодимус. – Это моё последнее слово.

Крик со стороны баржи заставил их оглянуться. Что-то так пошло не так, и два судна столкнулись, опасно накренысь. Взыв, Рори сиганул с носа баржи в воду.

– Ну, по крайней мере, – Дория вздохнула, – ты не угробил друида с кузнецом. Может быть, им удастся протянуть дольше, чем один сезон.

– Оба держались бодрячком.

– Теперь я понимаю, как именно разыскала тебя на твоём высоком и одиноком насесте, – она замолчала и кивнула на корму, где сэр Клод, перегнувшись через ганвейл, наблюдал за Рори.

Друид плыл вдоль борта и, периодически прикасаясь к нему, редактировал заклинания в дереве.

– Сэр Железные Штаны поведал мне, что Речная Воровка утверждала, будто одна из составляющих её божественной совокупности явилась с Древнего континента. Кроме того, сэр Стальной Шлем доложил, что у неодемона было лицо твоей дочери.

– И не наврал. Я велел сэру Клоду рассказать тебе обо всём, но чтобы никто не подслушал.

– Он так и поступил.

– Можно ли теперь узнать, действительно Речная Воровка была с Древнего континента или нет?

– Учитывая, что Конопатый, – она показала на рыжую голову Рори, торчащую из воды, – прикончил всю команду неодемона до того, как мы успели их допросить... Боюсь, ничего в голову не приходит.

– Это я виноват. Надо было приказать Рори оставить, по возможности, парочку.

– Надо было. А ещё надо было вовремя разбудить меня.

– Согласен.

– Что до лица Леандры... Кроме того, что это молодое и красивое лицо, других резонов, зачем богине оно понадобилось, я не нахожу.

Никодимус кивнул и сменил тему.

– Что ты думаешь о сэре Клоде?

– Ну, – Дория смерила рыцаря взглядом с ног до головы, – у него достанет сарказма, чтобы вписаться в наш отряд. Думаю, ему вполне можно доверить исполнять свой долг, особенно если он будет включать в себя свары с Конопатым. Я не в силах разобраться в их отношениях. Они были знакомы друг с другом прежде?

– Нет.

– Может, в какой-нибудь стычке между лорнцами и дральцами один из них убил брата другого или что-то в таком же роде?

– Оба это отрицают. В их досье тоже ничего похожего не было. Напротив, сэр Клод – ветеран войны Золотого Меча на севере Лорна, а Рори сражался в Войне Белолесья на юге Драла. Вряд ли они приближались друг к другу хотя бы на сотню миль до того, как присоединиться к нам.

– Тогда я не знаю, что и думать, – Дория задумчиво хмыкнула. – Наверное, органическая неприязнь. Между прочим, лорд хранитель, что будем делать, чтобы не допустить нового воплощения Речной Воровки?

– Магистра, ты – мой советник. Предполагается, что советники дают советы.

– Я слишком стара для своей работы. Потому-то и подалась в политику.

– Хорошо. Учитывая ипостаси Речной Воровки, думаю, не ошибусь, если скажу, что её культ распространён в прибрежных деревнях.

– Намекаешь на пресловутое стремление к справедливости?

– Городские боги воровства куда более безжалостны.

Дория покачала головой, словно взвешивая все за и против.

– Она тройная божественная совокупность, так что трудно судить наверняка. Может, городской бог воровства слился с древней речной богиней бедности.

– Пять тысяч воров, молящихся у единственного ковчега? – Никодимус вскинул бровь. – Такое возможно только в Шандралу. У Леа проблемы с сельскими неодемонами, с городскими же она управляется в два счёта. Если бы где-то там объявилась свежеиспечённая богиня воровства, Леа бы знала.

– Значит, – Дория пожевала губу, – ты считаешь более вероятным, что пять тысяч прибрежных жителей начали молиться о том, чтобы разжиться добром, перевозимым между Матрупором и Шандралу? Самая бредовая идея из всех, которую я когда-либо слышала.

– Отрадно получить столь высокую оценку, магистра.

– Что же, тогда возвращаемся в Шандралу и предлагаем принцу-регенту изыскать возможность и деревням получать выгоду от речной торговли? Может, им взимать плату за пользование рекой? Или корона за свой счёт построит храмы и школы, поделившись доходами?

– Плавающие небеса, я пока ни о чём таком не думал. Хранитель Иксоса – Леандра. Сделать так, чтобы недовольные заново не воплотили Речную Воровку, её забота.

– Как это похоже на тебя, – фыркнула Дория. – Типичный папаша.

– Что-что? Я просто уважаю её самостоятельность.

– Послушай, ты же знаешь, она где-то ошибается. Знаешь, что сельская местность Иксоса оказалась вне её контроля. Следовательно, ей придётся что-то менять, согласен?

– У меня такое ощущение, что если я скажу «да», ты найдёшь способ заставить меня почувствовать себя задницей.

– А разве для этого тебе надо делать что-то особенное?

– Вы меня утешили, магистра. Ну, ладно, ладно, я согласен, что Леа придётся что-то менять.

– Следовательно, ты не можешь просто взять и сказать ей, что именно надо менять.

– Не могу? – удивился Никодимус.

Он-то полагал, что удостоится похвалы Дории за своё уважение дочерней независимости.

– Разумеется, нет. Ты должен помочь ей измениться.

– А, ну да, конечно, – пробормотал Никодимус, хотя понятия не имел, как же это сделать.

– С сыном тебе было бы проще.

– Ты так думаешь?

– У Облачного народа есть поговорка...

– Прежде, на юге, ты никогда не цитировала их поговорки.

– Близость дома навевает ностальгию. Так ты хочешь причаститься мудрости моего народа или нет?

– Хочу.

– Внемли: «Для того чтобы быть хорошим отцом сыну, мужчине достаточно быть добрым, мудрым или умным».

– Ничего не понял. А что же тогда нужно, чтобы стать хорошим отцом дочери?

– В том-то и дело! Ничего конкретного. Это... – Дория неопределённо помахала рукой. – Ну, знаешь, некая... – ещё один энергичный взмах, долженствующий указать на сложность искомых качеств. – Некая комбинация.

– Воистину, бесценная мудрость!

– Стоп-стоп-стоп, ты же портишь весь эффект.

– Дория, у тебя никогда не было дочери. У тебя вообще детей не было.

– Зато я сама была дочерью. Ты не считаешь, что это позволяет мне куда лучше судить о том, что нужно дочери, чем тому, кто, скажем, делает глупости, воспитывая дочь?

– Леа уже тридцать три года, она хранительница целого королевства. Не похоже, что я до сих пор её воспитываю.

– Сын остаётся сыном до встречи с милой, а дочь остаётся дочерью до самой могилы.

– Ещё одно мудрое изречение Облачного народа?

– Ну, что ты! Неужели считаешь нас столь поэтичными? Люди Облака практичны и прозаичны. Я слышала эту поговорку в Драле.

– Дральское ещё не значит умное, – парировал Никодимус. – Я понимаю, что воспитание дочери – задача нелёгкая, но не уверен, что твои общие слова можно применить к Леа. Посуди сама, она – получеловек-полутекст, дочь драконицы, умная как тысяча лукавых неодононов, обожающая влипнуть в неприятности и постоянно борющаяся с болезнью, которая, и в этом нет сомнения, скоро её убьёт.

В голосе Никодимуса прорезалась нотка боли. Дория немного помолчала, потом произнесла:

– Да, ты прав. Леандра уникальна, – она на мгновение умолкла. – В общем, растить дочь нелегко, а такую как твоя – в особенности.

Никодимус глубоко вздохнул. Ему пора было возвращаться к Леандре. Далеко на востоке пузатая туча расстелила пелену дождя над джунглями.

Глава 10

Катамаран поймал ветер пузырьком паруса и словно полетел над заливом под припорошенным облаками небом. Леандра, обычно безразличная к морской романтике, оценила, насколько точно и изящно паруса были развёрнуты к ветру, а корпус – к волнам. Скорость тоже впечатляла.

Матросы вроде бы разделяли её чувства, а может, сами излучали их, когда споро занимались своими делами, громко перекрикиваясь. Даже Дрюн выглядел вполне довольным и не артачился, выполняя приказы Холокаи.

Стоя на верхней носовой палубе катамарана, Леандра улыбалась, вспоминая то, чем они с Холокаи занимались на острове. Отвлекал только сильный ветер, приходилось то и дело поправлять платок и вуаль. Недуг сделал Леандру крайне чувствительной к солнечным лучам: даже краткое пребывание на солнце вызывало сыпь, а длительное – ужасный приступ болезни.

Катамаран накрыла тень облаков, и синева воды утратила ослепительный блеск. Это изменило ход мыслей Леандры, она задумалась о Шандралу и о том, что им предстояло. Интересно, когда именно Франческа прибудет в город?

Визгливо засмеялся матрос. Леандра обернулась и увидела, что тот перегнулся через правый борт катамарана. Дугообразная струйка между его ног была, без сомнения, мочой. Остальные, в том числе Дрюн, издавали одобрительные или критические возгласы.

Леандра решила быть снисходительной, она понимала этого матроса. В конце концов, на него влияли чары моря: предвкушение жалованья, лёгкое плавание, порт, где он сможет обменять рупии на кофю и женщин. Леандра провела всё детство в облавах на неододемонов. Она помнила длинные змеи караванов, пересекающих лорнские равнины, дикую охоту, ломящуюся сквозь леса Драла, морские каноэ, скользящие по иксонским водам. По опыту она знала, что мужчины, посвятившие жизнь путешествиям, несмотря на всё их разнообразие, скроены из одной и той же грубой и вульгарной материи. Она умела ценить радость, которую они получали от опасностей и добычи. И всё же эта струйка матросской мочи усилила её нынешнюю неприязнь к человечеству с его бесплодным томлением духа.

Она равнодушно смотрела на позёра. Не поразил её ни его пенис, ни моча. Другой матрос подошёл к правому борту и задрал лангот, намереваясь посрамить первого, и тут перехватил взгляд Леандры. Быстро одёрнув набедренную повязку, он сделал вид, что осматривает таке-лаж. Тут уже вся команда перевела взгляд на Леандру. Через несколько мгновений они дружно потянулись к канатам и парусам.

Леандра отвернулась. Вдали, по ходу катамарана, показалась череда пышных холмов полуострова Шандралу. Милях в четырёх вздымалась гора Ялавата, потухший вулкан, на склонах которого раскинулся город.

Гора тянулась к самому подбрюшью вспененных морскими ветрами туч, почти постоянно висевших над ней. Где-то там, скрытый облаками, находился павильон Неба, откуда её отец накладывал на архипелаг свои метазаклинания.

В кратере вулкана располагалось холодное озеро, чья глубина известна была одним богам. На его глади лежал Плавающий Город, обиталище иксонского пантеона.

Восточный склон вулкана пронизывали многочисленные туннели. Вода из кратера по системе каналов и шлюзов стекала по склону, изрезанному террасами, где выращивали тарро и рис.

В окружении рисовых полей блистал Шандралу, окружённый двадцатифутовыми стенами. Город, как и весь склон горы, состоял из террас. Шестнадцати, если быть точным. Каждая – двадцати футов высотой и восьмидесяти шириной. Лёжа между двумя высокими грядами, террасы, выходя одна над другой, образовывали подобие гигантского амфитеатра.

Почти все постройки были типичными для Облачной культуры: цилиндрические башни, окружённые вплотную стоящими двухэтажными домами с односкатными крышами и медными водосточными желобами, подёрнутыми патиной. Стены были побелены, так что в полдень на сверкающий город больно было смотреть.

Холокаи привёл катамаран в бухту, и Леандра смогла рассмотреть город лучше. Далеко не все дома оказались одинаково белыми: некоторые посерели, другие пожелтели на солнце, третьи загрязнились. На самом деле, лишь малая их часть сияла ослепительной белизной. В более богатых кварталах двери, ставни и перила были окрашены в яркие цвета: фиолетовый, пунцовый, жёлтый. На верхних парадных террасах вдоль улиц росли прекрасные пальмы, жакаранды, плюмерии и баньяны, а белые здания утопали в тенистой зелени садов.

Единственным архитектурным исключением были три знаменитых известняковых храма-горы. Построенные в изощрённой лотосской манере, они холодно темнели на фоне блистающего города.

Пришвартовав катамаран, Холокаи отправился докладывать о прибытии портовым властям, а Леандра осталась беседовать с Дрюном. Божественная совокупность, спрятав свои мечи, стояла на палубе в одном коротком ланготе. Полуобнажённый Дрюн был примечательным зрелищем. Несколько докеров на берегу во все глаза тарасились на бога рукопашной борьбы. Дрюн улыбнулся им, наслаждаясь восхищением и предвкушая новых верующих к следующему турниру.

– Ты настоящий павлин, – почти неодобрительно заметила Леандра.

– Самка или самец? Они ведь очень отличаются друг от друга.

– Не цепляйся к словам. Когда люди говорят о павлине, они имеют в виду роскошное оперение самца, – она указала на его обнажённую грудь.

– Может быть, они ошибаются? – ухмыльнулся Дрюн.

– Ты не собираешься брать мечи в город?

– Всем известно, что безоружный я куда опаснее, – он пожал плечами. – Одних только деревенских дурачков надо отпугивать мечами.

– Дурачков и в городах хватает.

Тут как раз вернулся Холокаи и начал раздавать жалованье команде.

Леандра с облегчением заметила, что материнского корабля в бухте нет. Вскоре они с Холокаи и Дрюном покинули док и двинулись через бурлящую площадь Припортового рынка. День был замечательно людный, отменный базарный денёк. Торговцы рыбой выложили на прилавки всё богатство океана: водоросли и тунцов, золотистую макрель и желтохвостов, морских и рифовых окуней. Все твари были аккуратно обезглавлены, выпотрошены и разложены на круглых подносах. На солнце сушились щупальца осьминогов, словно развешенное на верёвках бельё.

На крышах близлежащих домов расположились орды знаменитых макак Шандралу, столь же беспощадных, как и городские бандиты. Длиннохвостые, широкомордые мохнатые бестии знали все мыслимые уловки, позволявшие стащить еду. Целый отряд мог внезапно налететь на лавочку, за которой приглядывал мальчишка или старик, и круша всё и вся, дочиста её обчистить. Макаки тоже умели сыграть в «подранка». Или же какая-нибудь хвостатая мамаша предлагала погладить своего очаровательного малыша. Пока мягкосердечный простофиля умилялся, остальная банда стремительно подбирала, как говорится, всё, что не приколочено.

На западном краю Припортового рынка находился крошечный, не более двадцати футов в поперечнике, храм под открытым небом. Внутри его играл оркестрик-гамелан. Четверо мужчин стучали молоточками по многочисленным медным гонгам и ксилофонам, играя в стиле, свойственном одному только Шандралу. Каждый музыкант исполнял свою партию, которые то звучали в унисон, то диссонировали, создавая звенящий музыкальный круговорот, а временами – почти какофонию.

В детстве Леандра считала музыку гамеланов слишком экзотической и грубой. Теперь же она получала от неё удовольствие, как от частицы культуры Лотоса, напоминавшей о том, что она – дома. Священник в разноцветной мантии нараспев призывал толпу молиться Тримурил и другим богам иксонского пантеона.

За этим храмом начиналась Жакарандовая Лестница, ведущая к Храму Воды у верхней границы города.

Серые каменные ступени Жакарандовой Лестницы были широкими и длинными, чтобы по ним могли подняться слоны, которых здесь использовали для перевозки тяжестей. Где-то начиная с трети пути, вдоль Лестницы выстроились магазинчики и лавочки, чем выше – тем роскошнее, а у самой вершины их сменяли обширные и красивые поместья. Жакарандовые деревья, давшие имя лестнице, росли через каждые десять футов. В это время года их ветви были усыпаны фиолетовыми цветами.

Жакарандовая Лестница была чудо как хороша. За исключением нижних террас, конечно. Здесь гнездилась беднота: кто-то продавал латунные безделушки, разложив их на одеяле, рядом трясали своими чашками и жалобно скулили нищие, демонстрируя разнообразие страданий и мытарств. Мужчины, потерявшие конечности. Голодающие матери с пустыми глазами, баюкавшие хнычущих или бессильно лежащих младенцев, у лиц которых роились мух.

Леандра, как и прочие обитатели Шандралу, давно научилась безучастно смотреть на эти банальные страдания. Лишь отметив, что среди бедноты не было чарословов, она вдруг что-то почувствовала. А именно – гнев. Издревле чарословы были избавлены от подобной участи. И чем больше Леандра об этом размышляла, тем сильнее разгорался её гнев.

Станет ребёнок чарословом или нет – дело случая, однако образование в этом деле отнюдь не излишне. В Империи, где тётка Леандры одну за другой открывала гимназии и печатни, число чарословов росло, и много их было выходцами из низших сословий. Прогресс налицо, что и говорить, однако он не отменял того факта, что магически неграмотные были наиболее уязвимы.

Капризное своенравие вселенной всегда злило Леандру. Одни рождались для того, чтобы стать чарословами, другие – для бедности, третьи, как она сама, – для страданий длиной в жизнь. Ощущение несправедливости этих устоев закипало в ней, подобно ребяческой злости.

Глядя на замурзанных людей, Леандра попыталась подавить свой гнев и сосредоточиться. Идти по нижним ступеням было нелегко. Наверняка среди бедноты были и жалкие божки, покинутые своими верующими, калеки, пострадавшие от других богов или могущественных людей. Зачастую эти убожества сливались в божественные совокупности, дабы увеличить свои силы.

И действительно, пробираясь сквозь толчею, она заметила восьмирукого, многоголового Барувальмана, прозванного Бару. Его тело светилось желтоватой аурой.

Сердце Леандры сжалось. Бару соединял в себе столько ничтожных божков, что его речь зачастую бывала бессвязна, а многообразные ипостаси представляли опасность для него самого. Каким-то образом, скорее всего за подкуп, Бару смог разместить свой каменный ковчег в Плавучем Городе и войти в иксонский пантеон, а потому имел право на защиту Леандры.

Леандра несколько раз уже сталкивалась с ним, и все эти встречи были неприятны, а одна – вообще кошмарной. Сейчас Бару занимался тем, чем занимались все боги-неудачники. Он кланчил молитву.

– Пойдёмте быстрее, – бросила через плечо Леандра Дрюну и Холокаи.

Холокаи, пристально наблюдавший за толпой, не убирал руки с леймако. Акульки зубы жемчужно сверкали на солнце. Дрюн, безмятежно, почти тупо улыбаясь, вглядывался в густые ветви жакаранды. Там сидела голубая птичка, распевавшая ликующую песенку, так не похожую на музыку гамелана.

Дрюн и Холокаи, два сапога пара. И их обоих нашла Леандра. Она ускорила шаг, стараясь смотреть только на ступени. А проходя мимо Барувальмана, надвинула платок поглубже на лицо. Но, как она и боялась, жалкий божок взвыл:

– Блажен Альцион, защищающий нас от заокеанских демонов! – заорал он густым мужским басом. – Блаженна его дочь, – Бару перешёл на детский фальцет, – защищающая обездоленных Шандралу от неодонов! – закончил он надтреснутым голосом старой карги. – Блажен тот, кто несёт погибель неодонов, блажен начертатель кругов. Блаженна сия щедрая, благочестивая и добродетельная жена!

«*Что же, речь идёт явно не обо мне*», – усмехнулась Леандра и прибавила шагу, однако успела уголком глаза заметить, как убогая божественная совокупность с трудом поднимается на ноги. Его дряблое тело андрогина было, как обычно, обнажённым. От одной из восьми рук осталась только культя. Мутная аура потрескивала. Это было чем-то новеньким и не сулило ничего хорошего. Голова Бару представляла собой цилиндр, на котором проступали лица доминирующих инкарнаций. Сейчас на Леандру глядела старушечья физиономия, но можно было заметить лица ребёнка, воина со шрамом, а также башку богомола.

– А среди них самая благословенная Создателем Хранительница Иксоса, особенно если помолится она, хоть коротенько, горемычнейшему божеству, божеству, прекрасно знающему город! – проскрежетал Бару голосом богомола.

Холокаи остановился перед бедолагой, и тот попятился, двумя руками заслонив своё вращающееся лицо, а две других молитвенно сложив перед грудью.

– Извини, Бару, – бросила Леандра, не сбавляя хода, – у нас срочное дело.

– Конечно-конечно, – ответило детское личико, что произвело жутковатый эффект. – Разумеется такой важной госпоже, начертательнице кругов, не до какого-то там жалкого Барувальмана. На её плечах – тяжкая ноша ответственности перед всей общиной... неразделённой общиной.

Леандра развернулась и в упор глянула на божественную совокупность, тут же рухнувшую на колени и умоляюще простёршую все руки.

– Бару, – тихо проговорила Леандра, – у меня нет времени. Что ты хотел сказать?

– Ничего, совершенно ничего, – низко склонился он. – Если бы я только мог помочь могущественной госпоже! Наверняка её вызвали сюда для расследования прискорбного насилия, свершившегося на улице Каури. И наверняка она захочет узнать о том, что скромнейшие обитатели сего города, как боги, так и человеки, живут в страхе.

– Бару, тебе известно, что случилось прошлой ночью?

– Добродушный Бару хотел бы помочь сиятельной начертательнице кругов, но он так ослаб. В городе слишком мало молящихся! Ах, если бы у Бару было побольше молитв, чтобы он мог позаботиться о голодных детках и немощных стариках.

«*Вернее, о курильщиках опиума и мелкой ипане*», – подумала Леандра. У обездоленных детей и стариков был другой официальный покровитель.

– Скажешь мне что-то полезное, и я поручу одному из своих слуг помолиться тебе сегодня вечером, – пообещала она.

Леандра могла бы и сама помолиться, но это грозило новым приступом.

– О, госпожа хранительница, начертательница кругов, Барувальман очень хотел бы сказать. Но он так ослаб, так ослаб... – божок склонил голову, на сей раз старушечью, уткнувшись носом в ступеньку.

– Поднимайся, – поморщилась Леандра. – Почему ты называешь меня «начертательницей кругов»? И на что именно ты намекаешь? Люди опять болтают о культе Неразделённой общины?

– Так ослаб, так ослаб, – продолжал бормотать Бару, стучаясь лбом о камень.

– Ладно, – Леандра вздохнула. – Каким твоим ипостасям молиться-то?

Бару тут же вскочил на ноги и затараторил:

– За улучшение жизни сырых, убогих и чесоточных, обитающих в нижних доках на второй террасе.

Леандра опять вздохнула. Бару должен был найти такую молитву, чтобы быть уверенным, что ковчег не отдаст её тому божеству, чьи ипостаси больше подходили для исполнения чаяний.

Леандра решила, что в конце концов нет ничего плохого, если какой-нибудь бедолага получит небольшую помощь от Бару. Поднесла сложенные ладони ко лбу на манер людей Лотоса и произнесла молитву, почувствовав, что часть силы в её мускулах превратилась в божественный текст одного из городских ковчегов. Молитва будет находиться в ковчеге до тех пор, пока бог не удовлетворит чьих-нибудь чаяний.

Открыв глаза, Леандра обнаружила, что Барувальман бочком-бочком пятится от неё. Без сомнения, торопится к знакомому нищему из восточных доков, которому почешет спину и отработает молитву.

– Кай, напхни, пожалуйста, нашему божественному приятелю о его обещании.

Не успела она договорить, как Холокаи преградил Бару путь. Жалкая божественная совокупность посмотрела на Леандру детским ликом, на котором была написана жестокая жажда наркомана.

– Люди говорят, что в заливе Стоячих островов завёлся лорнский неодемон. Этого достаточно, сиятельная госпожа?

– Об этом нам уже известно.

– Некоторые утверждают, что слабых божеств нашего города убивает неодемон, а другие – что это культ Неразделённой Общины раздирает божественные совокупности на куски и кормит ими собственного неодемона. Но все согласны, о, да, все! – что скромным душам вроде меня следует остерегаться. Иначе нас могут обидеть.

Леандра задумалась. За последние десять лет слухи о культе Неразделённой Общины, стремящейся приблизить Разобщение и служить демонам, когда те пересекут океан, возникали не раз и не два. Прежде Леандра не обращала внимания на этот бред. Однако прошлой ночью контрабандист из Триллинона тоже расспрашивал её об этом культе.

– Ещё какие-нибудь слухи? – поинтересовалась она.

– О, нет! Нет-нет! – Бару замотал богомольей башкой. – То есть, да. Болтают, что на Империю наступает Тихое Увядание. Неурожаи, то да сё. Богатые купцы уже потирают руки в предвкушении огромных барышей, они...

– Слышала, – оборвала его Леандра. – Скажи, почему ты называешь меня «начертательницей кругов»?

– Все так называют могущественную госпожу, – недоумённо взглянул Бару. – И её саму, и её отца.

– Никто нас так не называет. С чего ты взял? Небось сам только что выдумал?

– О, да, сиятельная госпожа! То есть, нет. Я бы никогда не посмел ничего выдумывать. Дозволено смиренному Барувальману теперь удалиться? Я всё скажу так, как захочется госпоже, только отпустите бедного Бару!

Леандра ещё на секунду задержала на нём пристальный взгляд, потом кивнула Холокаи. Тот шагнул в сторону, и Барувальман шмыгнул в узкий проулок между двумя белёными стенами.

– Треклятое отребье, – проворчала Леандра и двинулась дальше.

– Слушай, Леа, а тебе не повредит эта молитва? – спросил Холокаи, догоняя её. – Ты как-то говорила, что молитвы тебе опасны.

– Вряд ли, – ответила она, прижимая руку к животу. – Хотя если верить богозаклинанию на моей голове, через час боль в животе усилится. Кстати, я вспоминаю теперь, что час назад почувствовала, как мои будущие «я» чем-то смущены и огорчены.

– Лично меня Барувальман всегда смущает и огорчает, – сказал Дрюн с улыбкой, словно его это забавляло.

Они возобновили подъём. Леандра поправила платок, солнце стояло уже высоко. Она оглянулась на залив, высматривая корабль матери. Взгляд случайно зацепился за грязную аллею квартала Наукаа. Между домами натянуты были верёвки, на которых трепыхалась постирушка, под нависающим скатом крыши притулились оборванные фигуры двух спящих нищих. Однако её внимание привлекли не они, а то, что для Леандры являлось символом Шандралу.

Футах в пяти от неё, у входа в аллею, валялась кожура манго. Внезапно мировосприятие Леандры расширилось. Изогнутая манговая кожура была почти геометрически правильной идеализацией искривлённого пространства. На её внутренней поверхности сохранилась лишь толика яркой, жёлто-оранжевой мякоти. Обратная, тёмно-зелёная сторона, испещрённая чёрными точками, становилась к краю густо-красной. Сама по себе кожура не значила ничего. Но не заметить эту было невозможно: она лежала в лужице жидких фекалий.

Пустьяковая деталь, грязный мазок на бескрайнем полотне чудесного дня в прекрасном городе. Другие и внимания бы не обратили, но Леандра не могла отвести глаз.

Подстёгнутые богозаклинанием на её голове божественные аспекты разума Леандры вышли на первый план. Тело, ослабленное недавней молитвой, охватил приступ. Текстуальный мозг заработал так быстро, что восприятие Леандры продолжало неуклонно расширяться.

Леандра ощутила каждую ниточку ткани своей мантии, своего платка, кожу сандалий. Затем Холокаи, Дрюна и их богозаклинания.

Божественное мировосприятие протянулось всё дальше и дальше. Оно вобрало в себя окружающие дома, грязь в переулках, манговую кожуру и дерьмо. Оно поглощало город до тех пор, пока Леандра не начала терять самоё себя.

Теперь она ощущала не только белёные стены города, но и горячее солнце над ними. Она не только видела отдалённый храм-гору, но стала прохладным камнем его коридоров. Она была причалом, деревянными досками, стонущими под грузами и ногами. Она была прилавками на Висячем рынке, заваленными мешками с тёмными зёрнами кофе, блюдами с корнями земляного тарро, стопками сигар и горками соли; пирамидами плодов хлебного дерева, личи и ямбозы; рулонами шёлка, коваными бронзовыми амулетами, нефритовыми ожерельями и дешёвыми безделушками.

В Храме Воды она сделалась оранжевыми бархатцами на ожерельях юных невест. В Нижнем Баньяновом квартале – лозами бугенвиллии, оплетшими стену кухни. Она была дымом очага, деревянным кольцом мужчины, ударившего жену, одинокой медной рупией на дне чашки нищего. Она была вонючей лачугой в квартале Наукаа, опустевшей после эпидемии холеры, и приземистой плюмерией, роняющей свои белые лепестки на старую чёрную собаку.

– Леа!

Холокаи схватил её за правую руку. Леандра медленно оседала на землю. В глазах потемнело... взять его за руку... удержаться... Над ней склонился Дрюн, его смуглое лицо казалось маской тревоги.

– Ты не дышишь! – закричал Холокаи ей прямо в ухо, принимаясь её трясти. – Неужели я не могу даже на секунду от тебя отвернуться? Давай, не дури, начинай дышать. Дыши, тебе говорю!

Он отвесил ей пощёчину. Всё сдвинулось. Щека горела. Наконец, восприятие Леандры уплотнилось.

– Ты начала дышать, Леа! – кричал Холокаи. – Молодчина, а теперь без фокусов.

Его слова казались абсурдными до тех пор, пока... пока... Он размахнулся, словно намереваясь вновь ударить Леандру, и тут воздух с шумом вырвался из её лёгких.

– Не надо! – пискнула она, судорожно хватая ртом воздух. – Я... дышу...

Её переполняли эмоции. Ужас, головокружение, отрешённость от мира, как будто она была пьяной. Тяжело дыша, Леандра вцепилась в руку Холокаи. Они вдвоём ждали. Наконец, дыхание успокоилось.

– Это опять случилось, да? – спросил он. – Ты опять стала городом?

– Да.

– А знаешь, что я скажу? Ты как-то говорила, что твои приступы заставляют людей, оказавшихся рядом, лучше понимать магические языки, помнишь? Я тут посмотрел на четырёх-рукого, – он кивнул в сторону Дрюна, – и смог понять его текст. Я у тебя большой умник, верно?

Леандра только кивнула. Из её глаз потекли слёзы. Она поднялась и утёрлась. Подумала о прекрасных и омерзительных вещах, которыми только что была. О дерьме, о деревянном кольце на пальце мужчины, бьющего жену. Слёзы жгли глаза.

– Создатель, прокляни их всех! Я так ненавижу этот отвратительный город! – крикнула она, хотя на самом деле её сердце болело за город, за её город.

Леандра тёрла глаза, пока слёзы не высохли. Оставалось надеяться, что этот случай не вызовет новую вспышку болезни, и ей не придётся принимать гормон стресса.

Холокаи и Дрюн терпеливо ждали, пока Леандра не придёт в себя.

– Это всё молитва Барувальману, – сказала она. – Ну, и заклинание вокруг моей головы. Вот что меня подкосило.

– Значит, больше никаких молитв, – заключил Холокаи.

Дрюн бережно коснулся её плеча нижней правой рукой.

– Ну, что? Идём? – спросила Леандра.

– Мы-то идём, – ответил Дрюн. – Но незачем нестись в твоё поместье, сломя голову. Это может тебя убить.

– Верно, – согласилась она и несколько раз глубоко вздохнула. – Верно, – и она направилась вверх по Жакарандовой Лестнице. – Всё, я в порядке, идём.

– Леа, с тобой действительно всё в порядке? – шепнул Холокаи так тихо, что даже Дрюн не услышал. – Если ты выкинешь такое вновь, а меня не окажется рядом, тебе конец.

– Да в порядке я, в порядке, – ответила она, осторожно ощупывая ноющий живот. – Существуют куда более отвратительные способы умереть. Так что пошли, отыщем один такой.

Глава 11

Корабль-призрак накренился. Матрос быстро грёб, перевозя Никодимуса с первой баржи к тлеющему кораблю. Вокруг них простиралась голубая вода.

Когда их конвой покидал Матрунду и уже входил в залив Стоячих островов, штурман первой баржи заметил столб дыма. Капитану очень не хотелось вмешиваться, но Никодимус приказал узнать, в чём дело.

Вдали виднелась небольшая джонка с тлеющими остатками оснастки. Но не было видно ни единого лоскутка паруса. Нос исполосован подпалинами, и ни движения на борту, даже на их окрики никто не вышел с нижней палубы.

Никодимус отправил Дорию, сэра Клода и троих вооружённых матросов осмотреть джонку. Когда Дория крикнула, чтобы он тоже присоединился к ним, Никодимус понял: они нашли что-то важное. На море стоял почти полный штиль, так что до джонки он добрался без приключений.

Тела увидел сразу. Четверо мужчин. Вернее, поправил он себя, четверо предполагаемых мужчин. Двое так обгорели, что их пол было не разобрать. Двое других в бурых, окровавленных ланготах лежали, раскинув конечности, на палубе.

И тут Никодимус унюхал запах. Горелая плоть... и что-то ещё. Дория стояла у мачты, хмуро листая бортовой журнал.

– Чем это тут так воняет? – спросил Никодимус и вновь принюхался. – Похоже на... раскалённый металл или... Серой, что ли?

– Вогом воняет, – ответила Дория, не отрываясь от журнала.

– Вогом?

– Так называются выбросы действующих вулканов или потоки лавы, стекающие в море. Нехорошо это. К северу от нас большой остров, да ещё и активные вулканы на внешней островной цепи.

– Но ведь здесь-то нет действующих вулканов, – Никодимус опять потянул носом.

– Ни единого на сотни миль.

– Тогда почему эта лодка пропахла вогом?

– Не знаю, но, по-моему, это не самая большая загадка, – она помахала журналом. – Согласно записям, это купеческая джонка с Гребня, ходит в Шандралу каждые три дня или около того. Иногда они подряжаются отвезти груз в другие морские деревни. Три дня назад были в Шандралу. Последняя запись гласит о прибытии на Гребень. Записи об отбытии из порта нет. Трюм полупустой. Балласт отсутствует, корма проседает.

– Думаешь, – Никодимус посмотрел на трупы, – им пришлось спешно покинуть порт?

– Да, – Дория захлопнула журнал. – Даже половина опытной команды обязательно перераспределила бы груз. Если бы на джонку напали пираты, они забрали бы её себе или утопили.

– То есть кто-то напал на них в порту? Никогда не слышал о бандитах, которые бы так сжигали тела, – он кивнул на почерневшие трупы. – Разве что в бою. Огненный неодемон?

– Скорее, лавовый, учитывая запах. Однако судя по тому, что находится в каюте, это далеко не обычный лавовый неодемон.

– А что такое там в каюте?

– Есть кое-какие вещи, – Дория тяжело вздохнула, – которые мне хотелось бы поскорее забыть, а ещё лучше – никогда не видеть. В каюте кое-что в таком роде.

– Настолько ужасно?

– Настолько.

Никодимус приподнял брови. Дория отнюдь не была склонна к преувеличениям. Он последовал за ней на корму. Едва зайдя в каюту, он сразу же об этом пожалел. В углу скрючились три тела, все обожжённые, все – детские. Самому старшему лет шесть, не больше.

– Судя по тому, как они забились в угол, команда пыталась вывезти их с острова, спасти, – сказала стоявшая рядом Дория. – Дети обожжены, но не смертельно. Ещё одна загадка. А что касается их... – она показала куда-то за спину Никодимуса.

Он обернулся и увидел двоих взрослых, сидящих у стены, свесив головы под странными углами. На груди у обоих запеклась кровь, в каждой руке мужчины держали по кривому ножу.

– Что, перерезали друг другу глотки? – спросил Никодимус.

– Нет, они сидят порознь. Перерезали сами себе.

– Выходит, безумие. Что-то свело их с ума.

– И это что-то – на острове Гребень, – произнёс голос позади.

Никодимус оглянулся и увидел в дверном проёме бледного Рори, а также сэра Клода, сжавшего губы в серую ниточку.

– Возвращаемся в Шандралу? – тяжело поинтересовалась Дория.

Никодимус задумчиво покрутил головой. Его келоидный шрам опять зудел. Он рассеянно подумал, не пора ли обновить татуировки заклинаний вокруг шрама, потом с усилием заставил себя сосредоточиться. Возвращаться в город или заняться расследованием?

– А если на Гребне столкнёмся с проблемами? У нас же речные баржи, на них особо не повоюешь. Ко всему прочему, никто из нас, кроме Дории, не умеет сражаться вплавь.

– Леандра с её катамараном и богом-акулой на хвосте нам бы не повредила... – Дория пожалала плечами. – Но Нико, что если неодемон сбежит?

– Милорд Хранитель, у гада, способного на такое, очень, очень плохие ипостаси, – добавил сэр Клод. – Жечь свои жертвы, заставляя их...

– Одной из самых опасных тварей, которые мне попадались, был Саванный Скиталец из Авила, – сказал Никодимус. – Своими способностями он был похож на меня. Но переписал и свой праязык, и свой магический язык таким образом, что окружающие сходили с ума.

– Однако ты не рассказывал, что Саванный Скиталец устраивал резню вроде этой, – скептически заметила Дория.

– Нет, – согласился Никодимус. – С ним всё было иначе. Он поражал слепотой, глухотой, афазией и всем в таком духе. Полностью извратив твой разум, он мог сделать из тебя одержимого убийством раба, но никак не самоубийцу. Да и силой огня Скиталец не владел. Лавовый неодемон, способный на подобные штуки, может быть так же опасен, если не опаснее. Я вас понял, сэр Клод. Мы не можем позволить чудовищу беспрепятственно бродить по заливу.

Рыцарь склонил голову. Никодимус, с трудом подавив дрожь, посмотрел на детей.

– Кажется, теперь я знаю, как нам уломать капитана изменить курс и пойти к Гребню.

В какую бы беду ни влипла Леандра, ей придётся пока справляться с ней в одиночку. Что бы там ни заставляло её думать об убийстве матери... хотелось бы надеяться, что жена и дочка смогут договориться и не прикончить друг друга.

Глава 12

Императрица Вивиан Нийоль, Благословенный Создателем Альцион, Героиня Человечества, Будущая Победительница Лоса и орды его демонов, владычица всех королевств Второй Новосолнечной империи, то есть та, на чьи плечи легла вся грязная работа, должна была редактировать.

И это было великолепно.

Вивиан должна была заниматься этим денно и нощно, не зная ни сна, ни отдыха. Она писала на нуминусе. Стеклянная филигрань золотых строк стягивалась в её комнату со всех сторон и сплеталась в сверкающий нимб, висящий в нескольких дюймах над её головой. Низвергающиеся из нимба сотни тысяч фраз молниями пробивали мозг.

Это была основная ветвь её заклинания.

Поддержание сего великого текста без остатка поглощало её внимание и все её силы. Текст ошеломляющих размеров расползлся во всех направлениях на несколько миль, координируя несколько тысяч субзаклинаний, написанных на множестве языков.

Необходимость непрерывно накладывать и обновлять, редактировать и переписывать главную ветвь заклинания требовала от разума Вивиан столь многого, что постоянно отравляла её. Буквально убивало наслаждением. Императрица существовала в некоем подобии трансa. Бесконечная цепочка параграфов заменила сложность реального мира, а свечение текста – небесный свет.

В таком возвышенном состоянии Вивиан не помнила и не понимала вещей, которые прежде казались ей элементарными. Она сознавала, что сидит на широком удобном деревянном троне в небольшом покое, устланном толстыми тканями коврами и убранным белыми подушками. Она смутно припоминала, что вдоль одной стены протянулась череда окон, из которых видны голубое небо и клубы облаков. Но сияние её нуминуса заслоняло дневной свет и разгоняло ночную тьму. Вивиан утратила представление о времени вскоре после того, как впервые создала главную ветвь заклинаний двадцать дней назад ... нет, пожалуй, тридцать... или сорок. Точнее она сказать не могла.

Что касается самого заклинания... оно предназначалось для того, чтобы... Вивиан помнила только, что оно должно было обмануть её сводного брата Никодимуса.

С более ранними воспоминаниями дело обстояло лучше. Например, на шее у неё висела простая серебряная цепочка с изумрудом Арахеста. Вивиан помнила, что только благодаря этому могущественному артефакту она сумела создать главную ветвь заклинания.

Ещё она помнила, что изумруд заключает в себе способность её брата к чарописи. Демон Тайфон украл у Никодимуса эту способность ещё в младенчестве и поместил в изумруд. Вивиан также родилась со способностью к чарословию, однако много лет назад, во время интриги в Авиле, некое создание по прозвищу Саванный Скиталец разрушило часть её разума.

После низвержения Тайфона Никодимус отдал ей изумруд. Тогда она не понимала, зачем. Объяснение брата, что, мол, какография делает его мастером в области лингвистического творчества и интуиции, показалось ей сомнительным.

Однако вскоре Никодимус принялся творить свои метазаклинания, и повсюду в государствах Лиги начали, точно грибы после дождя, возникать боги. Тогда-то Вивиан поняла, почему её сводный братец отказался от изумруда. Без камня Никодимус был куда опаснее. Опираясь на религию и суеверия, он и его написанная демоном жена создали новую, грозную цивилизацию.

Более поздние воспоминания Вивиан скрывались в тумане. На первый взгляд казалось, в них была некая определённость, но стоило ей потянуться к ним, и они таяли. Недавно Никодимус совершил... некий грех. Но какой? Она не помнила.

Волшебные пророчества описывали Зимородка как защитника человечества после наступления Разобщения. Но говорилось в них и о Буревестнике, предателе рода человеческого. Нынешняя Вивиан надеялась, что Никодимус не имеет никакого отношения к пророчествам. Но та, прежняя Вивиан вполне могла обнаружить, что сводный брат и есть Буревестник.

Императрица силилась это вспомнить, но предложения, льющиеся из нимба, принялись часто долбить её по голове. В матрице нуминуса возникло напряжение. Пришлось полностью сосредоточиться на главной ветви заклинания. Она не должна отвлекаться от чар.

Прежде чем начать плести это заклинание, ей потребовалось решить, на что оно будет направлено. Вивиан помнила, что ощущала тогда непоколебимую уверенность, но не помнила, для чего всё это делала. Каковы бы ни были причины, их оказалось достаточно, чтобы убедить ту, прошлую Вивиан. Ей, настоящей, следовало доверять той незнакомке, принявшей решение. По крайней мере, до тех пор, пока главная ветвь заклинания выполняет своё предназначение. Доверять и ждать, когда память восстановит мост между прошлым и настоящим.

Поэтому она редактировала, и это было великолепно. Время шло. Сколько его уже минуло? Вивиан поймала себя на том, что размышляет о времени и эмоциях. Обычно она решала, что хочет испытать в будущем, а затем делала так, чтобы воплотилось именно это.

Любопытно, что лучше: следовать за Вивиан, которой ты была, или за той, которой ты хочешь быть? А есть ли разница? В любом случае, ты – субъект необходимости и неопределённости настоящего.

Всё больше и больше восхитительно витиеватых фраз протекало сквозь её разум, и Вивиан чувствовала себя всё более отрешённой и переполненной красотой языка.

Отчасти она решила, что вера в зависимость настоящего от прошлого или будущего есть неизбежная фантазия. Истина прошлого и будущего непознаваема. Всякая душа существует и действует в вечный и насущный миг настоящего, после чего, в попытке сделать существование сколько-нибудь переносимым, она пишет историю, связывающую прошлое, настоящее и будущее воедино.

От этой мысли сердце Вивиан налилось покоем. В какой-то момент ей предстояло покинуть заклинание и уделить толику внимания телу. Но прежде чем наступит этот момент, ей требовалось создать резервный текст и управляющие субзаклинания, чтобы основная ветвь могла функционировать пять-шесть часов, которые необходимы на еду и сон.

Это был акт агрессии, мелькнуло коротенькое воспоминание. Вот что сделал Никодимус. Партизанская война, которую, как он надеялся, она не заметит. Но правда выплыла наружу, и тридцать лет безмятежного мира подошли к концу.

Для сражения с ордами демонов, с Пандемониумом, человечеству нужен вождь. И этот вождь – она, Вивиан. Новое напряжение в тексте пронзило мозг.

Она сосредоточилась на построчном редактировании. Текст обернулся вселенной. Холодной, разветвлённой, безразличной и прекрасной. Не было прошлого, настоящего и будущего. Был только каждый единичный миг, который, ударяясь о вселенную, рассылал по ней красоту, подобно вибрирующему звону храмового колокола.

Постепенно до Вивиан дошло, что в комнате присутствует кто-то ещё, кто-то пробирался сквозь заросли золотых фраз. Умело редактируя их, чужак раздвигал нити повествования, не портя ни единого слова. Такое было под силу одному-единственному имперскому чарослову.

Вивиан посчитала, что уже создала достаточный запас текста для главной ветви и может поприветствовать старого друга, который не стал бы беспокоить её без серьёзной причины.

Включив управляющие субзаклинания, Вивиан почувствовала, как несколько предложений покинуло её разум. Крошечные их молнии прекратили бить. Когда остались последние слова, связывающие её с главной ветвью, Вивиан подняла руку и отвела от лица текстовую завесу на несколько дюймов.

Разом нахлынули телесные ощущения – усталость, голод, изнеможение, – разум начал проясняться.

Перед ней стоял её старый друг и довереннейший советник Лотанну Акомма. С возрастом его тёмное от природы лицо заострилось, но осталось по-прежнему симпатичным, хотя и не ослепительно прекрасным больше. Серебро в бородке-клинышке и дредах, морщинки у глаз делали его внешность изысканной, словно покрытой благородной патиной реального мира. Акомма был одет в чёрную форменную мантию. На рукаве – вышитая восьмиконечная серебряная звезда на красном поле, – знак декана Астрофелл и одного из самых могущественных чарословов из ныне живущих.

– Императрица, – поклонился он.

Вивиан улыбнулась, остро ощутив усталость и туман амнезии, скрывающий недавние воспоминания.

– К чему церемонии, старый друг? Или мы тут не одни?

– Мы одни, – он улыбнулся в ответ, показав идеально белые зубы, и пристально посмотрел ей в лицо. – Как ты, Вивиан?

– Мне тяжелее, когда я останавливаюсь, – она пожала плечами, её разум и взгляд скользили по нимбу текста. – Я могу уделить тебе всего несколько минут. Потом надо возвращаться, чтобы создать несколько запасных текстов перед сном, – она перевела взгляд на Акомму. – Как я выгляжу?

– На удивление хорошо, учитывая подвиг, который ты пытаешься совершить, или... я бы сказал, совершаешь. Ну, может, потеряла фунт или два, чего делать не стоило. Приказать слугам приносить тебе по ночам дополнительную порцию десерта?

– Спасибо, но я не в состоянии доесть даже того, что они уже приносят. Неважный аппетит, – она с улыбкой потянулась, чувствуя боль в спине. – Итак, чем обязана счастью вновь видеть тебя? Главная ветвь заклинания выполняет своё предназначение? Или... – в голову ей пришла неожиданная мысль. – Или настала пора остановиться? – Вивиан ощутила тревогу, подумав о такой возможности.

– Пока рановато, – с поклоном ответил Лотанну. – Я побеспокоил тебя потому, что прибыло донесение из Шандралу. Наш информатор подтверждает, что Леандра Марка вернулась с богозаклинанием, которое увеличивает её познавательные способности. Информатор предполагает, что текст она приобрела у контрабандиста, – он многозначительно улыбнулся.

В голове Вивиан запульсировала тупая боль, грозящая перерасти в настоящую мигрень. Попытки что-либо вспоминать больно ранили.

– Извини, Лотанну, я знаю, мы хотели пресечь подобную контрабанду, но не помню, что... Разве мы не решили, что её самостоятельность отвечает нашим интересам?

– Совершенно верно. Такой оборот дела одновременно ожидаем и благоприятен. Однако есть и кое-что непредвиденное. Кажется, Леандра способна изменять богозаклинание таким образом, чтобы на краткое время получать более сильное пророчество.

– Какие-нибудь неприятные последствия?

– Непохоже. И всё же имеется вероятность, что она сделается слишком могущественной для нас, и мы не сможем её удержать. Мы уже обсуждали необходимость её устранения, но я не предполагал, что этот момент наступит в то время, когда ты будешь писать главную ветвь заклинания.

– А-а-а, – протянула Вивиан, припоминая обрывки того разговора, – ты беспокоишься, что может потребоваться в ближайшие несколько дней её убить, и хочешь, чтобы я дала тебе разрешение.

– Она ведь твоя родственница.

– Да. При прочих равных условиях, которых, кстати, никогда не бывает, я предпочла бы, чтобы Леандра оставалась в безопасности. Но поскольку мир таков, каков он есть, я даю тебе

дозволение использовать в случае необходимости силу, которую ты сочтёшь достаточной, – она помолчала. – Однако, друг мой, не находишь ли ты, что если она обладает столь мощным пророчеством, убить её будет затруднительно?

– Я что-нибудь придумаю.

– Ты пробудил меня от грёз, чтобы похвастаться своей сообразительностью?

Он развёл руками в комическом жесте, выражающем бессилие перед собственной гениальностью.

– Богозаклинание позволяет Леандре чувствовать эмоции своих будущих «я». Мне удалось завладеть контрзаклятием, принадлежавшим всё той же разобранной на части богине. Оно не позволит Леандре ощущать эмоции своих «я», непосредственно затронутых заклинателем.

– Ты заблаговременно подготовил субтекст, не дающий Леандре почувствовать сотворённое тобой будущее? – поинтересовалась Вивиан.

– Это ослабит её. Со временем она привыкнет доверять богозаклинанию, а следовательно, станет уязвимой для любого агента, которого я наделю контрзаклятием.

– Будем надеяться, что нам этого не понадобится.

– Разумеется.

– Ещё что-нибудь?

– Ничего, императрица.

Она взглянула на текстовый нимб, чувствуя изнеможение и ликование от перспективы вернуться в заклинание.

– Прежде чем я тебя покину... – она перевела взгляд на Лотанну. – Как обстоят дела? Ну, вообще.

– Могу рассказать и конкретно.

Она покачала головой.

– Попытки вспомнить текущие обстоятельства приводят к потере связи с главной ветвью заклинания. Расскажи лучше в общем.

Лотанну кивнул.

– В общем у нас всё хорошо.

– Никодимус ничего не подозревает?

– Нет, насколько мне известно. Никто, кроме наших агентов на Иксохе, не знает, что грядёт.

– Хорошо, – она взялась за нимб. – Даже очень хорошо, – Вивиан надвинула завесу золотых предложений. – А теперь оставь меня, друг мой.

Императрица начала редактировать строку за строкой. Вновь и вновь она накладывала главную ветвь заклинания, чья изошрённая сложность была такой же холодной и прекрасной, как сам мир.

Вскоре Вивиан, заключённая в пространстве своего заклинания, обнаружила, что бесконечность находится на расстоянии всего одного предложения, и вся эта бесконечность умещается в один час.

Глава 13

Леандру не переставала удивлять глупость мужчин. Не то чтобы она сама никогда не делала глупостей или не сожалела о содеянном. Сожалела, иногда ещё как сожалела. Но на месте мужчин она никогда не стала бы угрожать женщине, находящейся под защитой двоих богов.

Даже если бы она не признала в них богов – в данном случае – Холокаи и Дрюна, – она обошла бы стороной человека, размахивающего веслом, утыканным акульими зубами, и находящегося в компании четырёхрукого атлета.

Впрочем, неважно, как бы она смотрела на все это: в любом случае, для того, кто замыслил зло, две пары мускулистых рук являлись веской причиной – пожалуй, даже четырьмя вескими причинами, в зависимости от того, как на это посмотреть, – чтобы удрать со всех ног.

Вот почему Леандра очень удивилась, когда нищий кинулся на неё с ножом.

Они шли по проспекту Утрана на север, в Жакарандовый квартал, и преодолели уже четверть пути вверх. В стенах города террасы, занятые затопленными полями риса и тарро, казались зеркалами. На востоке протянулся залив, напоминавший гигантскую шахматную доску благодаря теням плывущих над ним облаков. На краю залива, словно зубы дракона, торчали Стоячие острова.

Было прекрасное, тихое утро, такое непостоянное в своем тропическом великолепии. Именно такое утро напоминало Леандре, почему она влюбилась в этот город.

Проспект Утрана не представлял собой ничего особенного, но и трусобами его назвать было нельзя. Он шел вдоль доброй части шестнадцати городских террас. Со стороны залива его огораживала невысокая, по пояс человека, стена, за которой стояли дома и беседки. Там же высился и вулкан. Одинокая обезьяна сидела на водосточном жёлобе, осматривая окрестности в явной надежде что-нибудь стибрить.

Прохожих было немного: молодые женщины с корзинами фруктов, торговец рисом, толкающий свою тележку с тяжёлыми мешками. Тяжело протопал слон, несущий бревно для какого-нибудь нового дома. Затем они прошло мимо нищего в грязном ланготе. Тот сидел на корточках, перед ним стояла деревянная миска. Его завывания они услышали издали:

– Ру-у-упию, подайте одну ру-у-упию, рупию для бедняка и его голодных детушек!

В конце своего напева он встряхивал миской, звеня несколькими монетками, и начинал по новой:

– Ру-у-упию, подайте одну ру-у-упию!

Когда Леандра проходила рядом, нищий три раза встряхнул миской, а в следующее мгновение уже вскочил на ноги, наставив на неё нож.

Испуганно взвизгнув, Леандра отпрыгнула. Она не успела ни о чём подумать, а нижняя правая рука Дрюна уже сжимала запястье нападавшего. Отведя удар от Леандры, Дрюн протасил руку нищего вдоль оси атаки, заставив того повалиться вперед и заорать.

Раздался хлопок, за ним – звенящий звук. Дрюн вскинул верхнюю правую руку, словно цирковой фокусник, и у него в кулаке оказалась небольшая подрагивающая стрелка. Миг спустя до Леандры дошло, что ещё один нищий, находящийся несколькими шагами ниже, выстрелил в неё из арбалета, а Дрюн только что рукой поймал стрелу. Пока она всё это соображала, бог обхватил правой верхней рукой голову первого из нападавших и резко повернул. Послышался хруст.

Позади Леандры кто-то взревел. Она развернулась и начала нащупывать на поясе нож, но над третьим бандитом, здоровяком в изысканном ланготе, уже навис Холокаи. Мужчина упал, от его левой ключицы до живота протянулась рваная рана. Акульи зубы леймако обогрела свежая кровь.

– погоди! – закричала Леандра. – Надо же допросить...

Но глаза Холокаи уже почернели. Кожа на лице и животе сделалась белой, как бумага, руки и спина посерели. Он присел и одним мощным прыжком оказался рядом с арбалетчиком. Незадачливый убийца попытался бежать, однако Холокаи взмыл в воздух футов на восемь и мгновенно преодолел расстояние до него. Яростно воздев леймако, он обрушил оружие на спину арбалетчика. Коснувшись живой кожи, акульки зубы сделались в два раза длиннее и впились в плоть.

– Нет! – вновь закричала Леандра. – Не убивай! Они нужны нам живыми!

Она обернулась к Дрюну и увидела, как тот опускает человека с ножом на землю, голова у того свисает под невозможным, если только у тебя не сломан позвоночник, углом.

– Мы должны... допросить их! – невпопад закончила Леандра.

Дрюн огляделся, осмотрел вверх-вниз улицу, потом – крыши. Леандра с облегчением поняла, что он находится в человеческом облике Дрюнарсона. Если бы бог принял облик неодемона Дрюна, самого сильного из троицы, всё закончилось бы ужасающей резнёй.

– Оставайся в этом облике, – торопливо приказала она.

– Разумеется, – рыкнул Дрюн.

Тем временем Холокаи стремительно кружил вокруг них с уродливо вытянувшимся, оскаленным лицом, его зубы стали широкими и кривыми.

Жуткий момент прошёл, наступила тишина, нарушаемая только шлёпаньем сандалий по мостовой. Затем раздался отдалённый крик ужаса. Леандра опустила руки, пытаясь успокоить дыхание, и осмотрелась в поисках новых бандитов. Никого больше не было. Глупо, конечно. Если Дрюн с Холокаи ничего не заметили, на что могла рассчитывать она?

– Создатель их побери! – выругалась Леандра, глядя на лужу крови, вытекшую из трупа, наполовину перерубленного леймако.

Надо было уводить Холокаи подальше отсюда.

– Кто, во имя Бога Богов, мог быть таким глупцом? – спросила Леандра спокойным тоном, сильно контрастирующим с её бешено стучащим сердцем. – Какими удивительно, невероятно тупыми людьми с прогнившими мозгами надо быть, чтобы на нас напасть?

– По крайней мере один из них был чарословом, – заметил Дрюн и продемонстрировал верхнюю левую руку, испачканную запекшейся кровью из длинного аккуратного пореза.

Благодаря божественной природе рана Дрюна уже затянулась. Видимо, несостоявшийся убийца успел запустить в него боевым заклятием.

Откуда-то снизу донеслись пронзительные свистки и тихий пока топот бегущих ног. Кто-то уже вызвал красноплащников, городскую стражу.

– Прелестно, – фыркнула Леандра. – Просто прелестно. До дома – всего четверть мили, а нас теперь будут допрашивать.

– Нет же никаких доказательств, что ты здесь находилась, – сказал Дрюн. – Я могу заявить, что мы были вдвоём с капитаном Чокнутой Рыбой, – он кивнул в сторону Холокаи, который всё ещё кружил вокруг них.

– Нет, кто-нибудь наверняка нас видел, – возразила Леандра. – Кай!

Тот, не останавливаясь, посмотрел на неё чёрными глазами.

– Кай! Умоляю тебя, прекрати носиться и отойди от крови, – она сердито махнула на него рукой.

Лицо Холокаи осталось столь же выразительным, как камень. Но сделав ещё один круг, он направился вниз по улице. Свистки и топот приближались. Оглянувшись, Леандра увидела двух мужчин в тонких красных плащах и с короткими копьями, трусящих вверх по Жакарандовой Лестнице прямо к ним.

– Будем врать? – спросил Дрюн.

– Нет, расскажем правду. Но говорить буду я, – ответила Леандра, отходя в тень стены и снимая платок, в надежде, что красноплащники её узнают.

– Святой океан, провалиться мне на месте! – пробормотал один из стражников, оглядывая тела. – Ещё один.

Оба красноплащника были худыми, долговязыми мужчинами в коротких ланготах и форменных плащах. Тот, что постарше, был более низким и чернокожим, в его бороде проглядывала седина. Лицо показалось Леандре отдалённо знакомым, и она в который раз прокляла свою плохую память на имена. В подобной ситуации знакомство могло иметь большое значение.

К счастью, бородач её узнал сам. Глянув на три тела, он повернулся к Леандре и поклонился.

– Госпожа хранительница, прошу прощения за то, что мы вновь встречаемся в подобных обстоятельствах. Вы ранены?

– Нет-нет... – она замялась, не зная, как к нему обращаться.

Вроде бы он – капитан стражи. У неё возникло смутное воспоминание, что они встречались во время расследования проделок неодемона запретной эротики, который поражал амнезией определённых юношей и девушек, чтобы его развратная паства могла надругаться над ними. На редкость омерзительная ипостась. Леандра не почувствовала ни малейшего сожаления, поймав неодемона и разделав его на тысячи агонизирующих предложений.

Надо было срочно вспомнить имя капитана. Вроде бы на «к»... Проклятие! Леандра прижала ладонь к груди, словно переводя дух.

– Нет, капитан, я не ранена.

– Это ваш знаменитый борец-перевёртыш? – седобородый глянул на Дрюна.

– Он самый.

– Что, правда? – мужчина помоложе уставился на Дрюна и вдруг разулыбался. – Я хожу на бои с тех самых пор, как был во-от таким огольцом. С папашей, конечно. Он всегда заставлял нас молиться за того борца, на которого ставил деньжата. Так что меня можно считать вашим давним поклонником, да вы и сами тогда были ещё неодемоном.

Дрюн сложил ладони в официальном приветствии, поднеся верхние ко лбу, а нижние – к сердцу.

– Для меня всегда огромное удовольствие встретить верного поклонника.

Продолжая улыбаться словно слабоумный, парень поклонился по обычаю морского народа.

– Это для меня большая честь, господин. В прошлом году я выиграл кучу монет, поставив на Дрюнарсона. Ужасно обрадовался, когда услышал, что он вошёл в вашу божественную совокупность, – он заговорщицки понизил голос. – Не ниспошлёте ли вы мне божественное откровение, на кого можно поставить в будущем году?

Старший стражник громко кашлянул.

– И то верно, капитан Кекоа, – опомнился молодой. – Простите меня, господин, – обратился он к Дрюну, – у нас тут расследование и всё такое.

Дрюн кивнул. Парень присел перед трупом и начал его осматривать.

Теперь и Леа вспомнила капитана Кекоа: очень знающий и уважаемый в городе, происходит из морского народа, однако став капитаном городской стражи, а следовательно – первосвященником Дхаммы, богини закона и правосудия, перестал придерживаться каких бы то ни было обычаев предков.

Капитан Кекоа пристально смотрел на Холокаи в двадцати футах ниже по улице. Тот продолжал накручивать круги, однако цвет кожи сделался более человеческим. Леандра надеялась, что глаза и зубы тоже.

– А это ваша аку... – начал, было, капитан, но Леандра его перебила:

– Морской бог. Лучше не упоминать все о его сущности. Иначе ему будет сложнее вернуться в человеческий облик. Вот почему я отогнала его от мяса. Он и так зарубил двоих своим леймако.

Она кивнула на тела, едва не перепиленные пополам. Лужи крови под ними уже потемнели и загустели под жарким тропическим солнцем. Не дожидаясь вопросов, Леандра начала рассказывать, что произошло:

– Я сегодня утром вернулась с патрулирования залива и направлялась с моими офицерами в наше поместье, когда поравнялась с этим мужчиной, – она показала на тело, которое как раз осматривал молодой стражник. – Похоже, он был не чужд чарословию, поскольку метнул в Дрюна какое-то боевое заклятие и кинулся на меня с ножом. Двое других возникли словно из ниоткуда. Один кинулся на Холокаи, а второй выстрелил в меня из арбалета.

Дрюн показал стрелу.

– Отменная реакция, – хмыкнул Кекоа.

– Капитан! – окликнул его молодой стражник, рассматривавший бок бандита. – У нас ещё один.

Кекоа наклонился из-за спины товарища. Зрелище заставило его обильно вспотеть.

– Откуда они взялись?

Леандра, накинув на голову платок, подошла к стражникам. Оказалось, что молодой немного сдвинул лангот мертвеца, на бедре которого открылась татуировка: круг в квадрате. Исполненная слишком точно, чтобы быть сделанной человеческими руками.

– Что это? – спросила Леандра.

– Ну... Ладно, полагаю, вам, госпожа хранительница, я могу рассказать, поскольку именно вы с вашими людьми и будете, скорее всего, разбираться с этой пакостью. Татуировку же простой люд называет Идеальным Кругом. Считается, что это знак культа Неразделенной Общины.

– Чушь! – фыркнула Леандра.

Желудок внезапно скрутило. А ведь Барувальман назвал её «начертательницей кругов».

– До меня уже много лет доходят слухи о Неразделенной Общине, но я ни разу ещё не видела такой татуировки.

– Как и я, – согласно кивнул капитан. – Но нынешняя ночь полна сюрпризов. Вы слышали о драке на улице Каури? Два трупа, причём один – с точно такой же татуировкой. Затем ночной страже пришлось разбираться с нападением на мелких богов. Вроде бы убиты двое захудалых божков: богиня деревни, обезлюдевшей в прошлом году от чумы, и бог прокажённых.

– Убиты? – изумлённо переспросила Леандра.

– Я тоже удивился. Сама Дхамма появилась в городе, чтобы расследовать случившееся и смотреть в оба. Вот почему мы оказались здесь так быстро. Из рапортов следует, что нападающие действуют группами по трое-четверо, одни замаскированы под нищих, другие – под красноплащников. Нападение на бога в Баньяновом квартале провалилось. Тот сам прикончил двоих, и у обоих – татуировка Идеального Круга, – капитан кивнул на трупы у своих ног. – Если вы правы насчёт чарослова, то это у нас первый.

Молодой стражник закончил осмотр тела мужчины, убитого Дрюном, и перешёл к следующему трупу.

– У вас есть какие-нибудь догадки о том, кто они? – спросила Леандра.

– На данный момент лучшее мое предположение, как бы дико оно ни звучало, это все-таки культ Неразделенной Общины, – пожал плечами капитан. – Может, они утомились ждать, когда демоны пересекут океан, и решили организовать преисподнюю собственными силами?

Леандра постаралась чтобы её лицо осталось бесстрастным. Тем временем парень собрал оружие напавших.

– У всех троих татуировки, – доложил он капитану. – Оружие ничем не примечательно. Арбалет дральского образца, но как раз такие и распространены на архипелаге. У арбалетчика при себе было только три стрелы. Самые обыкновенные стальные тычковые ножи, ничего особенного, их могли выковать в любом городишке трёх северных королевств. И ни единой монеты при себе.

– Другое оружие? Книги заклинаний? – спросила Леандра.

– Ничего из этого, госпожа хранительница.

Леандра задумалась.

– Вооружены легко, следовательно, серьёзного сопротивления не ожидали. В самом деле, из четырёх нападений только два увенчались успехом.

– Это из тех, о которых мы знаем, – уточнил стражник.

– Само собой, – согласилась Леандра. – И всё же тот факт, что они кидаются на нас или бога в Баньяновом квартале с этими цацками, – она указала на оружие в руках стражника, – означает, что нападающие не способны правильно оценить свои жертвы.

– То есть вы не считаете, что это дело рук культа Неразделённой Общины?

– Я вообще не считаю, что это дело рук какого бы то ни было культа. Если неодемону хватает лукавства, чтобы оставаться невидимым во время нападения, ему должно бы хватить лукавства и для того, чтобы избегать тех богов, кто опасен для них.

– Но нападает-то не сам неодемон, – возразил молодой стражник. – Нападает его паства. Паства желающих призвать настоящих демонов из-за океана.

– Верно, и эта паства может увлечься. Сами посудите, четыре нападения по городу, два из которых пришлись по плохо выбранным целям. Получается, культ согласованно направляет команды убийц, но он не в состоянии прикинуть силы потенциальных жертв?

– Вы думаете, это неосведомлённый культ? – спросил парень.

– Да нет же, – покачала головой Леандра. – Более вероятно, что действует некая организация, только пытающаяся походить на культ. Причём ничего не смыслящая ни в Иксохе, ни в его божествах.

– И что же это за организация такая? – нахмурился капитан.

– Я не знаю, – ответила Леандра, хотя был тут один триллионский контрабандист, которого нужно было расспросить на эту тему.

Кстати, неплохо задать несколько вопросов и горемыке-Барувальману. Тому, который назвал её «начертательницей кругов». Уж не решил ли старина Бару, что это Леандра убивает мелких богов? Да нет, вряд ли. Иначе удрал бы от неё со всех ног вместо того, чтобы приставать. Однако Бару очевидно знал куда больше, чем рассказал. Может быть, знал, даже сам того не осознавая.

– Кто может изображать из себя культ? – Леандра хмыкнула. – Именно эту загадку и предстоит разгадать бравому капитану стражи.

– А ещё я бы хотел поймать кита, оседлав его, – капитан Кекоа скупно улыбнулся. – Но я передам ваши слова моей богине. Подозреваю, впрочем, что вы увидите с ней раньше меня.

– Вероятно, придётся, – проворчала Леандра, жестом подзывая Дрюна. – Капитан, мы можем ещё чем-нибудь вам помочь? Меня срочно вызвали ко двору, и как я теперь понимаю, именно по поводу последних новостей, о которых вы нам поведали.

– Нет, госпожа хранительница. Прошу вас, помолитесь Дхамме о том, чтобы восторжествовала справедливость, и негодяй, который за всем этим стоит, был наказан.

Капитан поклонился, Леандра и Дрюн вернули поклон и продолжили путь в поместье. Холокаи пристроился следом, Леандра с облегчением увидела, что глаза и зубы у того человеческие, а на лице – болезненная гримаса самообладания. С буйными богами всегда так: едва почуяв кровь, они жаждут большего, таковы уж их повадки.

– Что, проголодался? – спросила она.

На самом деле её впечатлило то, что он не тронул тела.

– Готов сожрать целую свинью, – прорычал Холокаи сквозь стиснутые зубы.

– Не дотерпишь до вечерних молитв?

– Нет, если ты проведёшь меня мимо свинарника, – проворчал тот, зыркнул на Дрюна, и его глаза вновь почернели. – Чего скалишься, четырёхрукий?

Леандра увидела, что Дрюн действительно усмехается.

– Нет-нет, ничего такого, капитан Холокаи, – успокаивающим тоном ответил тот и умоляюще прижал ладони к сердцу и животу. – Меня поразила твоя способность сдерживать столь сильные инстинкты.

– Ты будешь ещё больше поражён, если я им поддамся и поотрубаю тебе лишние лапки, насекомое, – Холокаи обеими руками поднял леймако за длинную рукоять.

– Никогда прежде не дрался с рыбой, – задумчиво произнёс Дрюн. – Наверное, ты ужасно склизкий. Любопытно будет попробовать, если, конечно, ты будешь в состоянии мыслить своим крошечным рыбьим мозгом.

– С чего это ты вообразил, что можешь мне дерзить, жучара? Считаешь себя важной персоной?

– Кай! – предостерегающе повысила голос Леандра, но бога-акулу уже понесло.

– Что ты скрываешь, четырёхрукий? Почему перебежал к нам? Чем ты занимался, когда был неодоном, а?

Ухмылка сползла с лица Дрюна, его четыре руки напряглись. Леандра встала между двумя забияками.

– А ну, прекратите, вы, двое! Задействуйте усохшие бататы, которые вы зовёте мозгами.

Оба бога ещё некоторое время буравили друг друга взглядами. Затем Дрюн медленно сделал шаг назад.

– Десять тысяч извинений.

Холокаи на миг оскалил свои зазубренные клыки, потом посмотрел на Леандру и наклонил голову.

Остаток пути они проделали в молчании, прерываемом лишь Леандрой, изредка ворчавшей себе под нос о буйных богах и мужской глупости.

Глава 14

Гребень дымился.

Южная оконечность этого известнякового острова в милю шириной была разрушена ветрами и приливами, превратившись в две каменные башни с плоскими вершинами. Та, что стояла на отмели, называлась Ближней, её сестра, находившаяся в стороне, – Дальней.

На Гребне Никодимус бывал уже дважды. Тогда на каждой горизонтальной поверхности там стояли белёные коробочки домов, а в каждой вертикальной – были выдолблены комнаты, снабжённые дощатыми настилами и навесами из пальмовых листьев. Повсюду цвели гиацинты и вьющиеся бугенвиллии. Меж двух каменных башен в три яруса тянулись канатные мосты.

Сейчас дома на побережье горели, многие из них были разрушены до основания. Полоса гари обезобразила южный фасад Ближней башни. Обрывки верхнего и нижнего мостов болтались на ветру. Средний ещё держался, хотя и потерял несколько несущих канатов. Над портом кружили стаи чаек, из их клювов свисали красные ошметки. К горлу Никодимуса подкатила тошнота, он догадывался, что едят птицы.

– Ты должен остаться на борту, – рявкнула Дория, поднявшаяся на палубу. – Как вижу, дожидаться ночи нам некогда, а на таком солнце ты вряд ли способен к чарописи.

– Я – единственный, кто может естественным путём разрушить богозаклинание, какое применил неодемон, чтобы свести с ума тех матросов.

– Мы с мальчиками подготовили достаточно защитных заклинаний, чтобы уберечься от всего, кроме разве что библиотеки Астрофелла. Если попадём в беду, ты услышишь нас и высадишься на берег.

– То есть услышу ваши хрипы, когда вы будете перерезать себе горло, – проворчал Никодимус и прямо взглянул в лицо Дории. – Так что спасибо за заботу, магистра, но руководить высадкой на Гребень буду я.

На Дории всё ещё был синий гидромантский плащ, но теперь ей на грудь свисал двойной бандольер с маленькими стеклянными флаконами. Цвет находившихся в них жидкостей варьировал от ржаво-красного до перламутрово-белого, – концентрированные водяные заклинания гидромантов, способные превратить обыкновенную воду в массу других, весьма порой неожиданных субстанций. Кроме того, через плечо Дория перекинула бурдюк.

Никодимус надел песочного цвета штаны, белую рубаху и длинный кожаный жилет. Жарковато для тропического климата, зато наряд предохранял от случайного прикосновения к товарищам, грозившего им раковым проклятием. Никодимус отвернулся от острова и глянул на горизонт. Линия, где небо встречалось с морем, была не такой резкой, как обычно.

– Туман над островом, что ли?

– Не туман, а вог, – просто ответила Дория. – Запах чувствуешь?

Никодимус потянул носом.

– Слабый. Но откуда взяться вогу у Гребня? Лавовый неодемон?

– Наверняка.

– Дело становится всё интереснее, – хмыкнул он.

– Вот почему тебе необходимо оставаться на... – начала, было, Дория, но Никодимус остановил её взмахом руки. – Ну, хорошо, хорошо! – в раздражении воскликнула она. – Поступай, как тебе вздумается. Вот поджаришься до хрустящей корочки, тогда...

По счастью, с нижней палубы поднялись Рори и сэр Клод, так что Дория прекратила браниться. На рыцаре вновь была лингвометаллическая броня, только на сей раз без шлема. Рори привязал поверх груди, спины и конечностей блестящие лакированные дощечки, испещрённые заклинаниями. Ещё друид прихватил боевой посох толщиной в запястье взрослого мужчины.

Оба так долго собирались, что Никодимус уже начал опасаться, что они там опять сцепились, хорошо если в простой ссоре, а не в магическом поединке. Однако друид и кузнец стояли бок о бок. Тут подоспел и Джон в своей обыденной чёрной мантии волшебника.

– Так, производим быстрый осмотр деревни, разделившись по двое, – сказал Никодимус. – Я и Рори обследуем Ближнюю башню, сэра Клод и магистра – отмель. Кто первым заметит неодемона, пусть сразу зовёт остальных. Джон, ты остаёшься на борту и следишь, чтобы команда не перетрусилась и не уплыла без нас. Ясно?

Все кивнули, и они полезли через борт в качающуюся шлюпку. Когда сэра Клод в своих доспехах занял место, лодчонка сильно просела, и Рори, как следовало ожидать, отпустил шпильку насчёт тяжёлых рыцарей, которые вряд ли смогут хорошо сражаться. Кузнец отреагировал снисходительным замечанием, что, судя по весу друида, тот представляет угрозу разве что поляне фиалок. Никодимусу, в свою очередь, пришлось уже привычно приказать им заткнуться, ради пылающих небес.

Он обнаружил, что эти пустычные склоки действуют в каком-то смысле успокаивающе, мол, всё идёт своим чередом. Рори и сэра Клод снова взялись за старое. Похоже, вид мёртвых детишек не произвёл на них такого гнетущего впечатления, как на Никодимуса. Оно бы и к лучшему. Ясный ум им ещё потребуется.

Тем временем матрос, сидевший на вёслах, подгрёб к причалу. Над пристанью висела непривычная тишина. Ветер нёс кислый дым горелого дерева, сернистую вонь тухлых яиц и, что было хуже всего, – запах жареного мяса. Они выбрались из шлюпки на причал, спугнув стаю чаек, дерущихся над изуродованным трупом. Едва сошли на берег, матрос торопливо оттолкнул шлюпку веслом и споро погрёб обратно к барже.

– Рори! – Никодимус указал на Ближнюю башню. – Поведёшь ты.

– Постарайся, чтобы тебя не прикончили, белый плащик, – буркнул сэра Клод, и металлические пластины на его плечах, лязгнув, сложились в шлем. – А лучше поищи старушку-садовницу, которая займёт твоё место.

– Что это было? – спросил Рори. – Ничего не расслышал из-за треска твоего раздутого самомнения, кое-как втиснувшегося в жестянку из тривиального текста.

В ответ рыцарь отсалютовал Рори, затем – Никодимусу.

– Могу я пойти первым, магистра? – обратился он к Дории.

– Да-да, – махнула та рукой.

Вдруг раздался грохот, затем – вопли потревоженных чаек. Никодимус увидел стаю белых птиц, с шумом взлетевших с террасы на полпути к Ближней башне. Ему почудилось, он слышит чей-то плач. Во всём этом было что-то смутно знакомое. Где-то он уже такое слышал... Однако тут опять грохнуло, и другая стая чаек поднялась над башней.

– Думаю, обрушились дощатые настилы, – сказал Рори. – Огонь ослабляет дерево, но я могу укрепить его заклинаниями.

– Настилы меня мало беспокоят, Рори, – ответил Никодимус, когда они покинули пристань и направились к башне. – Куда больше тревожит тот, кто заставил их рухнуть.

Рори остановился и указал вниз. Никодимус проследил за его пальцем и увидел длинный поток жидкого камня, наслаивающийся, словно расплавленный воск.

– Это лава? – спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.